

Механическое стаккато

*Анастасия
Кашен-Баженова*

Доктор Штейн талантливый психиатр и хирург, совсем недавно получивший под свое начало клинику. Немного социопат и аккуратист до фанатичности, с пристрастием к самым темным тайнам своих богатых клиентов. Ничто не может поколебать уклад его жизни, пока один незнакомец не помещает на лечение племянницу, оставляя клинике кругленькую сумму и странное требование — выпускать девушку в город каждый второй день. В город, который держат в страхе «охотники за механическими органами». Кто такая Ребекка? Тихая сумасшедшая? Любовная игрушка, от которой устал богач? Преступница и наркоманка или святая лондонских трущоб? Вот только, раз проследовав за ней, доктор теряет не только свою жизнь, но даже имя.

Анастасия Кашен-Баженова

Механическое стаккато

С благодарностью Царакаевой Ирине за доктора и Сэла.

Каким может быть кабинет руководителя клиники?

Этот был большим и очень предсказуемым. Изображения из анатомического атласа на стенах, полки, забитые книгами, широкий стол и удобные кресла для важных посетителей. Скелет в углу. Все под стать человеку, сидящему за большим столом.

Именно таким бы представился главный врач любому человеку, имевшему возможность увидеть кабинет до знакомства с хозяином.

Но кое-что делало интерьер слегка безумным, кое-что выбивалось. На одной из полок висела маска в виде головы диковинной птицы, на скелет в углу был небрежно наброшен грубый кожаный пиджак. А на стене за креслом доктора темнело ружье и инструментарий какого-то живодера.

На столе в странном порядке лежали стопками бумаги, образуя между краями идеально ровные коридорчики. По этим идеальным коридорчикам невольно бегал взгляд, иногда останавливаясь на буквах какого-нибудь бланка.

Сам доктор — джентльмен примерно тридцати пяти лет, с прической, модной, но и в тоже время слегка небрежной, с круглыми очками на носу, суровым взглядом и изредка всплывающей «понимающей» улыбкой, не смотря на ожидающего его внимания посетителя, писал:

«Говорят, что в мире все всегда повторяется. Повторяются люди, повторяются события, повторяются места...»

Я почти уверен, что где-то есть место, похожее и на мою больницу. Мою — странно звучит. До сих пор не слишком привычно. Как и то обстоятельство, что бедняга Фламель, управлявший тут всем до меня, был растерзан этими «зверями в человеческом облики» из буйного отделения. Вовремя и кстати.

Право слово, Фламель, ты был неплох, но Бернардт Штейн уж лучше тебя».

Время заметки выходило некрасивым: минутная стрелка находилась где-то между двадцатью и двадцатью пятью минутами. Доктор решил не писать цифры. Оценив пробегав взглядом по строкам, выведенным мелким, убористым, но разборчивым почерком, совсем не свойственным врачам, промокнул листы, чернила уже подсохли, и прикрыл дневник бумагами.

Он облокотился на стол и стал оценивательно рассматривать посетителя, последнего на сегодняшний день, десятого. Главный врач никогда не принимал нечетного количества людей, и сегодня пришлось задержаться ради круглого числа.

Посетитель выглядел богатым человеком, и доктор Бернардт Штейн до сих пор не до конца понимал, как с ним разговаривать. Гостя он не знал, что не так уж удивительно — никто не может знать всех вокруг, но доктор старался запоминать особенно важных и состоятельных людей: их маленькие привычки, сильные стороны и слабости; знать побольше о людях, с которыми привык общаться или мог столкнуться. Важные персоны в психбольнице были частыми гостями, ведь упечь ненужного родственника в психушку безопаснее, чем просто избавиться от него каким-нибудь варварским методом вроде убийства.

— Вообще, док, она тихая девочка, — богатый дядя еще не представленной доктору душевнобольной отер платком покрывшийся испариной лоб.

Он не нервничал, просто страдал отдышкой и еще двумя-тремя разными недугами, свойственными слишком полным людям. Его выражения выходили простыми, небрежными, что создавало о нем впечатление, как о человеке, хоть и нажившим богатство, но не имеющем благородной истории семьи. Скорее, удачливый торговец или делец.

— Мне ее родня умершей сестры подкинула, — продолжал он жаловаться. — На что им блаженная? А мне на что? Да, в общем-то, и не страшно — прислуги полон дом, но дело в том, что я уезжаю по делам в Азию.

Мужчина сделал очередную паузу, четвертую с того момента, как начал свою историю. Казалось, мысли, чтобы родиться в этом грузном теле, необходимо облететь все его рыхлые формы. За это время, пожалуй, доктор мог бы написать ещё одну заметку.

Богач послунил пальцы, переворачивая бумажные странички, встряхнул ручку, собираясь выписать чек, наконец, продолжил:

— Прошу вас относиться к ней хорошо, это воля моей покойной сестры. Из основных условий: выпускать ее гулять по городу раз в день после двух часов.

Посетитель, так и не назвавший своего имени, протянул чек, сумма более чем впечатляла.

— Вот как? — доктор Бернардт Штейн положил чек перед собой и сплел пальцы вместе. Очень уж большое удивление вызвало условие.

— Можете не волноваться, она вернется, — встретив пристальный взгляд доктора, добавил богач. — Остальное на ваше медицинское усмотрение.

— Очень интересно. Расскажите о ней чуть больше, если это не слишком вас затруднит, — попросил доктор.

Что же за больная такая, раз придется ее выпускать из психушки? Тут только один путь, ведь так? И ведет он сюда, а не обратно.

— Ну, она тихая, — толстяк, задумавшись, почесал третий подбородок, стесненный накрахмаленным воротничком. — Ее в городе многие знают. Думаете, я не пробовал ее домом ограничить? Пытался, но бедняжка слишком страдает в неволе, а это совсем не по указу сестры выходит. Но, док, — сомнительный богач расплылся в улыбке, — я же любящий дядька, я хочу, чтобы она вылечилась. Поверьте, когда люди мне мешают, нет нужды их прятать. Да и она полнейшая дура, никакого вреда!

— В нашей клинике лучшие условия. Не беспокойтесь, здесь мы постараемся ее вылечить, доверьтесь нам, — чек исчез в ящике стола, а хозяин кабинета улыбнулся.

Стол его был уникальным. Он хранил в себе столько компромата! Если бы составлялся список самых опасных предметов мебели, этот занял бы в нём первое место.

— Ну что ж, полагаю, теперь можно на нее посмотреть.

— Марта! — рявкнул мужчина так, что стены вздрогнули во всей больнице.

Марта оказалась служанкой преклонного возраста, из тех особ, чьего лица не вспомнить уже через минуту. Она ввела в кабинет молодую девушку, весьма миловидную. В скромном темном платье, корсет которого только чуть не дотягивал до самого модного нынче параметра женских талий, в этом платье больная казалась воспитанницей церковной школы. Ее каштановые, мелко вьющиеся волосы были собраны в небрежную причёску, а лицо бледным, взгляд под густыми ресницами отсутствующий. Иной поэт нашел бы свою музу в столь отстраненной, легкой красоте и зыбкой печали.

— Как видите, док, окружающий мир ей практически по барабану. Из проблем еще — левое легкое — механика, итог наркоты — увы, я мало знаю о прошлом девочки, но моя сестра тоже была любительницей всякого.

— Печально, — доктор кивнул на кресло рядом, и Марта усадила в него девушку.

— Зовут ее Ребекка, — дядюшка указал пухлой рукой в сторону больной.

— Осталось только подписать соответствующие бумаги, — Бернардт Штейн выхватил из стопки договор и подал его клиенту. — Прочтите и подпишите. Речь о том, чтобы передать опеку больнице и позволить лечение, ну и несколько дополнительных пунктов касательно содержания пациентки.

Дядя больной, не читая, быстро поставил размашистую подпись в договоре и тяжело поднялся:

— Вот и все, док, — богач отложил перо и посмотрел на часы. — Я вынужден спешить, поезд через пару часов.

— Всего доброго. Попросите моего секретаря, он проводит вас сам или даст сопровождение, — доктор Бернардт Штейн поднялся и чуть поклонился. — Было приятно иметь с вами дело. Надеюсь, наша следующая встреча будет такой же благожелательной.

Впрочем, возвращение богатого дядюшки планировалось очень нескоро.

Передали какие-то вещи пациентки. Ее весьма скудную медицинскую карту, будто бы девушка в один момент жизни просто появилась откуда-то, а раньше ее и не было в этом мире. Сама Ребекка, покинутая Мартой, так и осталась сидеть, послушно сложив руки на коленях.

— Позвольте спросить вас... Ребекка, — Бернардт снял очки и потер переносицу, прежде чем спросить. Этот вопрос вызывал у него странный внутренний всплеск. Иногда он получал очень забавные, а порой весьма полезные ответы, иногда молчание. Очки снова заняли свое место. — Как вы дошли того, чтобы оказаться в нашем прекрасном заведении?

— Тэд хочет, чтобы я пожила тут, — после некой паузы ответила девушка, не поднимая взгляда на доктора, только чуть сморщилась, будто ей не понравилось, что тот заговорил с ней. Она чуть подергивала головой, словно в раздражении, а иногда совсем замирала.

— Почему не дома? — разговор с пациентами никогда не оставлял его равнодушным. Правда, прежде чем говорить, надо было сделать одну вещь... В дверь постучали, вошел секретарь. — Если позволите, я на секунду.

Чек из ящика стола скоро оказался в руках секретаря и так же быстро исчез в его кармане, почти так же, как и он сам за дверью.

— Итак, почему же вас не захотели оставить дома, при слугах, предпочтя наше тихое заведение? — вернулся за стол Бернардт.

— Майкл же уезжает, — Ребекка, наконец, посмотрела на доктора, это был короткий взгляд, но недоумение от такого глупого, как ей показалось, вопроса, прочитать удалось. — Слуги не станут меня слушаться, или... — девушка чуть повернулась в почти кокетливом движении, но неожиданный рывок головы его смазал. Ребекка снова села прямо. — Или наоборот, послушаются. Вильям считает, что у меня странные желания.

— Странные? — доктор хотел было улыбнуться, но не стал.

— Как вы будете лечить меня? Это из-за легкого?

— Возможно, частично и по этой причине, — в карте не было ничего путного, ни о каких странностях не упоминалось, просто выписки по общему состоянию здоровья и про нестандартное легкое. — Так что у вас за желания, Ребекка? И почему Вильям считает их

странными?

— Вильям? Я не знаю Вильяма. Я устала, — девушка встала и направилась к двери.

Открыв ее, развернулась к доктору:

— Проведи меня через порог.

— Тогда продолжим беседу в другой раз... Сэм проводит вас до палаты, — не двинувшись, сказал доктор, не хватало еще главврачу нянчиться с пациентами.

Завтра он приставит какого-нибудь доктора к этой девочке, все равно, кажется, не будет от нее ни пользы, ни неприятностей, если вслух и обронит какой-то факт. Были тут и такие личности, слишком важные, чтобы позволить им говорить с другими врачами. Ими занимался лично доктор Штейн. Но Ребекка к их числу явно не относилась.

Доктор Бернард Штейн коснулся звонка на стене рядом, и секунду спустя багаж девушки уже забирал дюжий бугай по имени Сэм, что служил медбратом — много мускулов, мало мозгов.

— Надеюсь, ваше пребывание у нас будет приятным, Ребекка. Сэм, в общем, в западное крыло, — быстро утратив всякий интерес к новенькой, проговорил доктор.

Бернардт дождался отчета о чеке от секретаря. Чек настоящий, и деньги с него перевели тоже настоящие, иначе бы уже через несколько минут Ребекка очутилась вне стен заведения.

Конечно, чтобы управлять большой клиникой, нельзя быть ангелом, даже наоборот. Доктор еще раз пролистал дело Ребекки и поставил на полку, потом выровнял кресла напротив стола. Прирожденный аккуратист, почти до безумия, Бернардт находил некую иронию в своем пребывании в заведении подобного рода.

Он хотел зайти к девушке завтра, но, вытащив часы, увидел, что уже ровно девять вечера, решил, что это судьба. Так что Ребекка увидела его через девять минут:

— Снова здравствуйте, Ребекка. Надеюсь, вы успели прийти в себя. Не каждый день все же переезжаешь в психиатрическую лечебницу. Если не возражаете, то мы поговорим с вами сейчас, — Бернардт спокойно зашел в комнату. — Сначала нам этого сделать так и не удалось.

— Проходи, Эрик, — имена девушка давала людям любые, какие ей только заблагорассудится, например, утром ее дядя успел побыть и Тэдом, и Вильямом. Хотя Бернардта, названного Эриком, должен был куда больше смутить вид пациентки. Ребекка сидела у трюмо, она выложила на него расческу и заколку, и смотрелась в зеркало — ей, как небуйной пациентке, оно разрешалось. Старое стекло позволяло видеть доктору то, что скрывала пышная грива кудрявых волос: девушка успела раздеться по пояс.

— Что ты еще хочешь спросить? — ее отражение поморщилось в недовольной гримаске.

— Вы, конечно, думаете, что раз ваш дядя уехал, то лечение проводиться не будет? Верно?

Бернардт взял табуретку, и, оценив расстояние на глаз, поставил ее между дверью и стеной ровно на середине. Голые пациенты его уже давно не смущали. Не раз его пытались соблазнить пациентки, так тоже бывало, но в этом вопросе главное вежливость и объективность.

— Я не хочу, чтобы меня лечили, мне хорошо. Руки не всегда слушаются меня, но мне хорошо, — словно в подтверждение слов, рука девушки произвольным движением смела в сторону салфетку, и заколка с нее упала куда-то под трюмо. — Но я хочу гулять в городе, поэтому буду послушна.

Ребекка говорила очень спокойно, с расстановкой, будто бы это доктор был умственно отсталым. Она вытащила из волос последнюю заколку, кинув ее на смятую салфетку, подняла гребень и принялась расчесывать волосы. Каштановые прядки у лица поддавались легко и ложились, обрисовывая обнаженную грудь, но когда Ребекка дошла до локонов на затылке, произвольное движение, и расческа повисла в запутавшихся волосах. Девушка просто опустила руки.

— Ты ведь прислушался к просьбе Альфреда? — спросила она.

— Конечно, Ребекка. Однако я бы хотел, чтобы мы разговаривали вечерами. Успех беседы определит, будет ли у тебя пропуск на прогулку в город. Хотя, скорее всего, работать с вами буду не я, а другой врач, — доктор улыбнулся, он хотел было заново представиться девушке, но последняя фраза заставила осознать бесполезность действия. Интересно, она путает все имена? — Раньше вы говорили, что ваши желания считают странными. Какие это желания?

— Иногда я прошу купить мне что-нибудь, иногда сделать перестановку: это не нравится дяде. Все беседы будут успешны, — Ребекка наклонила голову вбок, похоже, она четко понимала связь хорошего поведения и такого же к ней отношения. — Ты не поможешь мне?

— Вы выходили в город каждый день? — Бернардт поднялся, отставив табуретку, подошел к пациентке.

У доктора были изящные руки с длинными пальцами, ухоженными ногтями и плавные движения, подходящие скорее пианисту, а не врачу. Только на указательных пальцах по тонкой полосочке — следы от нити: такие обычно бывают у практикующих хирургов. Эти руки осторожно подняли заколку с пола и выпутали расческу из волос. От доктора почти незаметно тянуло опиумом, если бы не прошлое девушки, она бы и не почувствовала.

Ребекка нагнулась к зеркалу, рассматривая себя, будто оценивая его работу, потом кинула взгляд на отражение доктора:

— Когда вы вошли, то вспомнили, что вас пытались соблазнить пациентки. Безумные, безумные женщины, — она покачала головой, словно сожалея о тех пациентках, а ее левая рука, снова решив пожить своей жизнью, окончательно смахнула салфетку с трюмо.

— Это так очевидно? — замечание Ребекки чуть шокировало Бернардта.

Он успокоил себя, что это не чтение мыслей, а просто логика — хорошо, пациентка логична, не совсем ненормальна, всего лишь путает имена.

Доктор проследил за ее взглядом, увидел, что она рассматривает его лицо. Что ж, не сказать, что его специфическая внешность уродлива, но и красавцем он не был. Не слишком высокий, уж точно не сравнится с Сэмом. Шесть футов ровно — хорошая цифра. Все еще черные волосы, не тронутые сединой, за последнее время немного отросли, и приходилось собирать их в хвост, виски доктор подбривал по последней моде. Само же его лицо было невыразительным. Челюсть значительно выдавалась вперед, большой, но тонкий нос делил лицо на две половины, серые с зеленоватым отливом глаза смотрели чуть зло, а нахмуренные брови выдавали удивление. Отражение собственного лица привело Бернардта в себя, он улыбнулся девушке:

— Были и безумные, Ребекка. Вы ответите на мой вопрос про город?

— Я думаю, они все заблуждались, — девушка взлохматила руками волосы, рассыпая их по плечам, потянувшись. — У меня есть мои дни, когда я выхожу. Я сама решаю, когда мне это сделать, но это важно. В обычные дни я тоже придерживаюсь некоторых правил, но в

иные — никак нельзя быть в доме. Ты мог бы один раз сходить со мной и увидеть, что я не смущаю других людей. А сейчас ты не мог бы провести меня в ванную?

— Как вы определяете этот распорядок? — доктор Штейн протянул девушке руку и все же отвел взгляд, случайно скользнув по ее обнаженной груди. — Почему именно после двух?

Ребекка повисла на руке Бернарда так же, как и тогда, когда Сэм выводил ее из кабинета. Она сосредоточенно молчала, пока они не пересекли порог ванны. Молчала еще с минуту, пока не успокоилась дрожь, после чего девушка отпустила доктора и поспешно отошла.

— Дядя сказал просто так про два часа. Я предпочитаю выходить в город, когда сама считаю это нужным. У меня нет распорядка. Подождите за дверью пятнадцать минут.

— Хорошо. И все же, я могу позволить вам выходить только в свободное время. И возвращаться вы должны до отбоя, — Бернардт задумался, потом все же спросил, — Подобные припадки часто случаются?

— Припадки?

— Дрожь, нарушение мелкой моторики, нарушение координации, — пояснил он.

— Ничего такого нет! Руки — от этого ужасного аппарата во мне. Дрожь — мне страшно, — Ребекка пожала плечами, ей все происходящее в ее голове казалось предельно простым. — Я люблю новые места, но не люблю быть в них узницей, — девушка повернулась к доктору спиной, и ее руки принялись расстегивать юбку. — Я хочу выйти завтра. Сейчас оставь меня, мне не нравится твой запах.

— Тогда до завтра, Ребекка, — Бернардт изобразил свою 'понимающую' улыбку, хоть девушка и не видела его, и закрыл дверь, выходя из ванны, а потом и из палаты. Ненормальная ли она? Всего лишь путает имена, да чуток несвязно говорит, в этом городе таких людей довольно много, и никто не считает их 'блаженными'. Видно, благосостояние человечества уже так велико, что подобные мелочи воспринимают слишком серьезно. Или же чем-то она мешала своему дядюшке, помимо чудных речей.

Закрыв дверь, ведущую в общее отделение, он зачем-то повторил:

— До завтра, Ребекка.

* * *

Доктор Бернардт Штейн сквозь чуткий сон услышал, как щелкнул язычок замка входной двери. Его дом на Чаринг Кросс безмолвствовал, так что поворот ключа экономки служил отличным будильником, тем более, что миссис Истер Хемлет, уходила всегда в одно и то же время.

Он разомкнул веки, тут же просыпаясь, скидывая малейшие остатки сонности. Жестом без толики сомнения, не глядя, взял с прикроватной тумбочки очки. Спустил ноги с кровати, пара шагов, потянулся. Расшитые бордовые шторы окрашивали утренний свет в красный, плотные рамы не пропускали ни звука уличной жизни.

Доктор сделал короткую, но неторопливую зарядку. Почувствовав, как проснулся и заработал каждый мускул в его сухопаром теле, как утренняя прохлада отступила, и стало немного жарко, он посмотрел на часы. Без надобности, просто ему доставляло это удовольствие — ровно шесть утра.

На стуле лежал длинный халат, рядом домашние туфли. Миссис Истер Хемлет была

идеальна, Бернардт слышал поворот ее ключа, но не то, как аккуратно она укладывает поутру его халат, как ставит туфли перпендикулярно стулу, как накрывает для него завтрак в соседней комнате.

Ребекка вздрогнула во сне, и эта неожиданная судорога пробудила ее. Она тут же села в кровати, механическое легкое отозвалось постукиванием в панически вздернутом с простыней теле. Понадобилось несколько секунд, что бы сообразить, где она находится. В комнате было холодно, бело и неуютно. Казенная кровать не плоха, удобна, девушка знавала лежа куда хуже, но сегодня ее спина ужасно ныла, Ребекка чувствовала себя избито. Сколько времени? В палате, конечно же, не было часов.

Поджимая от холода пальцы ступней, она подошла к окну, что выходило на высокую стену, за которой только чуть-чуть виднелись верхушки крон тополей. Ребекка развернулась, вновь оглядывая всю комнату, которую совершенно не помнила ее со вчерашнего вечера.

Свежую газету доктор Штейн отложил в сторону, решив сначала просмотреть письма. Он уже выпил кофе, легко позавтракал и теперь курил, без интереса просматривая корреспонденцию. Чаще это были письма из клубов, в которых доктор состоял, но был редким гостем, приглашения на лекции, симпозиумы. Последние были немного интересней, иногда попадалось что-то действительно стоящее, вот как сейчас — приглашение на симпозиум по трансплантационной хирургии.

Протезы рук с высокой точностью. Как и любая новация в механизации человеческого дела — палка о двух концах. Впрочем, доктор Штейн не был тем, кто волновался о людях оставшихся за бортом прогресса и кого заменили автоматами. Обе его специальности оставались на высоте востребованности.

Прежде всего, Бернард был хирургом, он часто практиковал, уже больше для себя, так как его новое детище — психиатрическая лечебница, отнимала все больше и больше времени.

Когда вошла сестра, Ребекка все еще стояла, растерянная, у окна, обнимая себя озябшими руками. Конечно же, работница лечебницы не постучалась, не спросила разрешения войти. Она критично осмотрела Ребекку, отнюдь не пытаясь понять, что за человек перед ней и насколько девушка больна. Это скорее был взгляд, окидывающий некий предмет. Сестра лишь оценивала, в порядке ли пациентка, одета ли.

— Одевайтесь, мисс... — высокая женщина, с грубым лицом, заглянула в блокнот, — Локхарт. Я провожу вас на завтрак. Поторапливайтесь.

— А... м... — голос не слушался Ребекку. На нее напал приступ панического стеснения, она до боли сжимала пальцами свои плечи и в ночной рубашке до пола чувствовала себя словно голой под взглядом холодных глаз сестры. — А где Сэм? Вчера он провожал меня...

Идеальное начало дня испортил личный шофер доктора. Сколько денег на него ни тратилось, а точности добиться никак не удавалось. Конечно, доктор Штейн прекрасно представлял, что творится на лондонских дорогах, и ночной дождь, очевидно, не улучшал ситуацию, но все же, почему шофер не может просто приехать заранее?

Осеннее солнце грело черную ткань плаща, дробилось в лужах, но ветер был холоден и забирался за ворот, рискуя сдуть цилиндр с головы Бернардта. Он мог вернуться в дом,

скорее всего, это было бы разумнее, чем дожидаться кэб у порога, тем более, что доктор не жаловал уличную суету, но стоило как-то призвать шофера к порядку.

Поймать другой кэб доктор смог только через пятнадцать минут, а это значило, что по приезду в клинику придется выбирать, что сократить: время на размеренное наведение порядка в делах лечебницы, минус пара важных звонков, или пара не отвеченных писем, или же сократить утренний обход.

Главврач не обходил каждого пациента, некоторых он видел лишь раз за месяц. Обычно это были чьи-то родственники, которых просто спрятали в стенах психушки. Конечно же, все из влиятельных и богатых семей, иначе бы, просто не смогли себе позволить такой уникальный выход — полный пансион, хорошие условия, статус душевнобольного, сохранение тайны. Главным образом доход клиники держался на них — на надоевших женах, на престарелых родственниках, на мешающих братьях, на слишком болтливых любовниках. Кого-то вовсе не лечили, кому-то — о да, быть успешным бизнесменом и быть ангелом невозможно — помогали действительно стать немного безумным и потерять всякий шанс когда-то выписаться. Все решали деньги.

Но были у доктора Штейна и жемчужины его коллекции, некоторых действительно интересных психов он содержал на свои средства, и свидания с ними ждал с нетерпением. Сегодня, как раз было запланировано одно.

Бернард положил на стол так и не прочитанную газету, краем глаза зацепив заголовок 'Механические органы теперь стоят жизнью', потом посмотрел на внушительную стопку бумаг, принесенных секретарем, и снова вернулся к газете. Первые строки были таковы: 'Вот уже третье зверское убийство в верхнем Ист-Сайде'...

Резко зазвенел телефон, доктор поднял трубку.

Сестра железной хваткой держала Ребекку за локоть. Девушка, переступая порог, было кинулась за защитой к женщине, но та тут же пресекла это движение, и теперь ее пальцы холодным обручем сжимали ее руку, провожая в столовую.

Ребекка никак не могла справиться с сердцем, испуганно колотящимся между ребрами и стальным корпусом механического легкого. Удары первого и поскрипывание второго отдавались у девушки в горле, она с трудом могла дышать, проходя мимо столов с пациентами.

Старалась не смотреть на них. Кто-то и на нее не обращал никакого внимания, пребывая в своем мире, а кто-то напротив, вполне осознанно разглядывал. Ребекка и не сомневалась, что не сможет съесть ни кусочка. Лишь бы сегодня ей позволили хоть глоток свежего воздуха!

— Ваше место, — сестра усадила ее на стул перед подносом с невзрачной едой. — Поторопитесь, вы первая записаны на прием к доктору Стрингеру.

Получив уже рассерженную отповедь за вопрос о медбрате Сэме, Ребекка не стала спрашивать о докторе Штейне. Она взяла ложку, только потому, что сестра все еще стояла рядом и сверлила ее взглядом. Серая масса каши налипла на металл, девушку замутило. Возможно, еда и не была плоха, но у Ребекки отчаянно кружилась голова. Она отложила ложку.

— Вы же понимаете, что вам лучше есть по-хорошему? — сестра указала на белую дверь в конце столовой, что-то подразумевая этим жестом и таинственной комнатой, но Ребекка не могла знать, что. Лишь женщина, сидящая рядом, надрывно всхлипнула и

неловко зачерпнула непослушной рукой полную ложку каши.

— Да, и вам хорошего дня, — Бернард положил трубку. Телефонный разговор сожрал полчаса драгоценного времени. — Черт!

Если бы не любовь к своей работе, доктор Штейн давно бы уже сорвался. Иногда кольцо обязанностей так сжимало его, что он сбегал в иллюзорные миры своих настоящих пациентов. Бернардт без надобности выровнял бумаги, сдвинул папку в угол стола. Утренняя газета упала на пол. Сегодня кабинет раздражал, давил даже, а ведь он, как и дом на Чарлинг Кросс, должны оставаться некой крепостью, только его территорией.

Как это ни было странно, но доктор, несмотря на свой характер, имел очень много знакомств. Он постоянно находился среди людей. Когда выдавалось затишье между работой в клинике, ее меценатами, обустройством, пациентами, на доктора насакивал светский мир, без репутации в котором не мог существовать ни один уважаемый человек. Сутки Бернардта растягивались до бесконечности благодаря ежедневным сотням дел и тысячам разных контактов.

Подобие уединения он получал лишь на приеме с некоторыми своими пациентами, на операциях, практикуя в одной небольшой больнице. Еще у Бернардта был час перед сном, когда он возвращался домой глубоко за полночь, и час утром: его зарядка, его неторопливый завтрак и сигарета.

Он не всегда курил простой табак. Вот и сейчас, выбитый из равновесия поломанным графиком, он щелкнул дверным замком, потом открыл окно и выудил из внутреннего кармана второй портсигар, который в последнее время доставал все чаще и чаще.

Бернардт любил людей за их разнообразие, в каждом он видел уникальные детали, какой-то случай. Чем более непредсказуем был человек, тем больше интереса он вызывал у доктора. В детстве ему все быстро стало понятно о себе самом, поэтому Бернардт с упоением наблюдал за ровесниками, за взрослыми, анализируя их поведение, препарирова реакции, находя причины для любого душевного изменения. Но первым его образованием стала вовсе не психиатрия, а хирургия, так сказать, начал познание изнутри объекта.

А вот его пациент, к которому торопливо спускался доктор, отложив на потом и стопку бумаг и важные дела, отнюдь не являлся ценителем чужой жизни. История этого человека была проста и одновременно слишком сложна, как и у доброй половины любимых пациентов доктора Штейна.

Этот был самым опасным человеком во всем Лондоне по скромному убеждению Бернардта.

Конечно, оставались политики и предприниматели, глупые врачи, но все они действовали через других людей, а вот этот никогда не боялся запачкать собственные руки чужой кровью. К тому времени, как его поймали, он выскребал с самого дна города искры человеческих жизней и наскреб на неплохой фонарь, под сотню за два года. Трудоголик, энтузиаст своего дела — он по праву входил в коллекцию доктора.

Палата, или, если говорить начистоту, камера, находилась в подвале. О ее существовании, как и о ее обитателе, во всей клинике знал лишь один человек, кроме доктора.

— Добрый день, Сэли. Как поживаешь? — голос доктора казался неестественным в пустой темной комнате. Он торопливо нашел неровную фигуру пациента в углу.

Вот уже как полгода Сэл мог свободно перемещаться из угла в угол. Все цепи и оковы

из камеры убрали, но скорее из соображений безопасности, безопасности посетителей. Доктор знал, что после того, как разгадал этого юношу, выглядящего как тридцатипятилетний мужчина, ему нечего бояться.

Он заслужил уважение Сэла, а Сэл — его. Бернардту он нравился. На самом деле, Сэл был насквозь правильным и ждал кого-то, кто бы дал ему какие-то границы и указал, как жить. 'Привет' из детства, под страхом перед отцом-тираном.

Темная фигура не отозвалась, не шелохнулась. Иной раз они славно беседовали, но сегодня, похоже, был один из тех дней, когда Сэл не шел на контакт.

— Эй, Сэл, я сказал тебе 'добрый день'. Как твои дела?

Молчание, силуэт только покачался из стороны в сторону.

Три года назад Сэл попал в лечебницу как тихий шизофреник, ушедший в себя без проблесков к общению. Как-то Билли, один из работавших тогда медбратов, оставил его подождать в коридоре приема и не дал никаких указаний. Салли успел отправить в лучший мир двоих. И продолжал ждать.

Он всегда делал так, что все походило на несчастный случай. Своего рода искусство, никогда не прямое убийство. Чтобы разгадать игру Сэла, доктору понадобился год, и это стоило многих жизней. На самом деле, он всегда чертовски рисковал, спускаясь в эту камеру.

— Сэл?

— День, Док. Пришлось ждать. Тут так себе. Давно не приходил, — наконец отозвался парень. За два года в одиночной камере, лексикон его стал скуден, он с трудом вспоминал слова. Раньше они были ему не нужны.

— Очень много работы. Ты снова что-то сделал со светом? Где лампочка, Сэл? — Бернардт даже не хотел думать, как псих до нее добрался после всех-то принятых мер.

Он стоял, отделяя Сэла — воплощение смерти, от открытого прохода в коридор. Ничего, кроме его фигуры, не защищало ни клинику, полную людей, ни весь город.

— Но сейчас я пришел навестить тебя. Тебя раздражает свет или ты что-то задумал?

— Тс-с-с...

— Сэл, мы же договорились обо всем...

— Тсс! — резкое шипение, и доктор вмиг оказался вжат в угол между стеной и дверью, которая тут же захлопнулась.

Мрак объял их. Секунда медленно тянулась за секундой, складываясь в минуты. Сердце доктора колотилось как бешенное, сердце Сэла, напротив, было спокойно и неторопливо. От парня пахло пылью и потом, Бернард слышал, как он дышит.

— Тс-с-с... Док. Шумишь. Тише.

Бернард безумно долго поднимался по лестнице, с каждой ступенью ему казалось, что сердце вот-вот оборвется. Перед дверью в холл первого этажа он остановился, прислонился к стене и прикрыл глаза, выравнивая дыхание. Все обошлось, с ним просто пошутили, у Сэла было игривое настроение. Там внизу, доктор смог даже засмеяться.

— Нет, пожалуйста, нет! — голоса из коридора вернули Бернардта к реальности. — Позовите другого доктора, мы же договорились!

Он узнал голос новой пациентки и сестры, уговаривающей девушку вернуться в палату. Еще несколько секунд доктор не открывал дверь, снова надевая на себя привычный всем образ.

Вообще-то, доктор Бернард Штейн тоже не был так уж безопасен. Вспомнить хотя бы

его коллекцию тайн и компромата на своих клиентов, то, как ему доставалась большая часть финансирования. О да, он был информирован и опасен, но предпочитал придерживаться своего общественного образа 'слегка рассеянный доктор'. Все любят слегка рассеянных людей, по крайней мере, не испытывают к ним ненависти и уж точно не боятся.

— Мисс Ребекка, — он, наконец, вышел в холл, — разве я не говорил вам, как важно соблюдать правила клиники?

— Я отправляюсь гулять, Эрнст, — девушка высвободилась из рук сестры и подошла к доктору. — Займи мне два фунта.

Сегодняшний наряд Ребекки казался бы безликим, если бы не хорошая фигура его обладательницы. С такой фигурой украшения на одежде только бы отвлекали, но были в облике девушки и изыяны — одна пуговица угодила не в свое отверстие, а в соседнее, одна и вовсе была оторвана, и от нее торчала только нитка. Из простой прически тоже выбилось несколько неаккуратных локонов.

— Я, пожалуй, пройду с тобой, Ребекка, — неожиданно для себя сказал доктор.

Ему отчаянно захотелось покинуть клинику, хоть на время, и эта девушка с упрямо сведенными бровями была отличным поводом. Бернардт поморщился, его пунктик по поводу аккуратности не давал спокойно смотреть на Ребекку. Пуговица особенно выводила из себя, но он сдержался, чтобы самому все не исправить, разве что руку сжал в кармане.

— Деньги пациентам не выдаются, а с твоим дядей этого оговорено не было, — сказал он строго.

— Вы скупой, мне жалко, что я вынуждена согласиться на вашу компанию, — с капризной серьезностью сказала пациентка, и ее детская гримаска показалась доктору уж слишком наигранной. — Вы выведете меня через порог? Надеюсь, вы выдержите мой темп.

— За территорию больницы, — поправил доктор, предлагая девушке руку. Выдержать темп? Она смеется, наверно. Так говорит, будто им придется лазить по горам, а не просто гулять по городу. И еще ее 'вы скупой'... - Это не скупость, это правила. В подобном месте без них невозможно.

Переход через порог и в этот раз вызвал неприятные волнения у Ребекки, вынудив ее к тесному контакту, но стоило дрожи пройти, как она снова отодвинулась от мужчины на приличное расстояние.

Ребекка сосредоточенно молчала, не спешил заговорить и Бернардт. Когда они прошли полквартила, девушка заявила:

— Мы не в том месте. Займи денег — я хочу кататься на трамвае, потом навестить пятый от голубятни дом на набережной. Может быть, еще чего-то.

— Может, взять кэб? — поинтересовался доктор, на мгновение опешив от ее капризного тона.

Трамваи доктору не нравились. В них ездило слишком много неряшливых, вонючих людей, в них тесно и жарко, словом, давка. Машины были уж слишком дороги, на дорогах они, конечно, появлялись, но редко. Лошади часто умирали, и их тела просто оставляли гнить на улицах Лондона, мусорщики предпочитали дожидаться, пока рубить их будет сподручнее, чтобы вывезти по частям. В основном это были кареты и экипажи, а так же паромеханические повозки с кэбмэнами. Недавно муниципалитет закупил партию новых усилителей на педали, и кэбы стали еще удобнее. Бернардт окинул взглядом улицу и заметил скучающего кэбмена у одного из небольших трактиров:

— До трамвайной остановки отсюда один квартал.

— Не нравятся люди? — Ребекка упрямо повернула к остановке. — Я еду на трамвае. Если поторопимся, мы успеем, — девушка действительно побежала в сторону показавшегося из-за угла трамвая.

Бернардт пожал плечами, и, убрав монокль, придерживая цилиндр, кинулся вслед за Ребеккой. Это можно воспринимать как зарядку, по крайней мере, отчасти, решил он. Или как свидание с пациенткой. Интересно, что бы сказали люди, глядя, как бежит столь уважаемый доктор?

К облегчению Бернардта, трамвай оказался почти пуст.

— Ребекка, а куда мы торопимся? Время важно для твоих прогулок?

— Я же должна вернуться до отбоя, — девушка сначала посидела на одном месте, потом на другом, потом вовсе встала, и, держась за поручень, раскачивалась из стороны в сторону — просто дурачась. Конечно же, немногочисленные пассажиры смотрели на пару с интересом. Глаза

Ребекки светились азартом, будто бы она размышляла, как ей еще пошалить.

— Вы думаете, я совсем больна? — спросила она, делая очередной полукруг.

Признание болезни — это половина лечения, считал Бернардт, он хотел ответить, как полагается доктору, однако сказал то, о чем подумал на самом деле:

— Если ты путаешь имена и хочешь гулять по городу? Просто немного со странностями, — неожиданная добродушная ухмылка на лице доктора Штейна выдала его искренность. Взяв себя в руки, он добавил:

— Впрочем, мы знакомы первый день, Ребекка.

— Здесь вы правы. Но, — она неожиданно сделала совсем крутой поворот и плюхнулась на сидение рядом с Бернардтом, — Однажды я убила человека. Мы что-то курили, а я просто подумала, что мне будет интересно посмотреть, насколько мелкими будут осколки от вазы, если ей ударить по голове. — Ребекка делилась историей взволнованным шёпотом, широко раскрыв глаза от возбуждения. Потом успокоилась так же неожиданно:

— Но тот толстяк очухался, а я больше не ставлю экспериментов. Ничего не помню, что было до того, как стала жить у Юлии. Я не хочу лечиться и не хочу вспоминать. Мне хорошо так, если бы не пороги, аппарат и интерес, который люди проявляют друг к другу. Мне жалко что-то говорить вам, ведь вы никогда ничего не сможете понять, пока продолжаете пытаться это сделать, жалеете мне денег, считаете и выравниваете. А главное... — девушка зевнула, и ее голова окончательно опустилась на плечо доктору, — вас не спасет все, что вы собираете. Знаете, я бы покурила с вами. Подумайте об этом.

Девушка замолкла, может быть, просто кончились слова, может, уснула — за распустившимися волосами стало не разглядеть.

— Будто я спасаю себя... — Бернардт задумался, скрестив руки на груди.

Он подумал, что, возможно, девушка ходит в город, что бы найти наркоты или посетить один из опиумных домов, что расплодились в городе, как грибы после дождя. Это надо было проверить, будет нехорошо, если она не вернется ко времени, или хуже того, повредит себе и второе легкое, или же скончается. Два фунта — это достаточная сумма для трех посещений.

— Ребекка, мы не пропустим нужную тебе остановку? Девушка неторопливо встала, снова обняла поручень и ехала, отвернувшись, еще несколько остановок, потом сошла.

Ее путь пролегал через переплетение улочек: она сворачивала иногда в самых неожиданных местах, без тени сомнения заходила в якобы закрытый двор, но всегда находила выход. Как дворовая кошка, знающая все подворотни. Ребекка забыла о том, что у

нее есть попутчик, и вспомнила о нем только спустя два часа, когда нашла свой пятый от голубятни дом. Бедный район, наверняка небезопасный с наступлением темноты, но сейчас вполне тихий.

Она постучалась в одну из трех облупившихся дверей, ей открыла пожилая женщина, скромного, но аккуратного вида.

— Это Ян, развлеки его, он ужасно зануден, — девушка прошла в дом, скинула туфли и убежала вверх по деревянной лестнице, оставив растерянную женщину наедине с доктором.

— Ааа... Хотите воды? — хозяйка постаралась быть вежливой.

— Добрый день, — Бернадт чуть поклонился и протиснулся в дом следом. — Нет, благодарю. Признаться, не ожидал, что Ребекка пойдет к кому-то в гости. Извините, что не представился сразу — доктор Бернадт Штейн, на данный момент являюсь лечащим врачом Ребекки.

— Значит, сдали ее все же? Пропала девка, — женщина покачала головой, не став закрывать за доктором дверь, просто прошла следом за ним. — Мать мою свели в могилу, а деда от вас, душегубов, спасли. А что? Он сидит, глух и слеп уже. Чурбан, а не человек. Бекка придет, поговорит с ним или с собакой и уходит. Хорошая она, хоть и дура.

— Наше заведение отличается от других, которые больше на похожи тюрьмы, если не хуже, — доктор Штейн показательно фыркнул, да и как тут удержать презрение к тем жалким клиникам, которые так и не смогли себя окупить и с каждым годом все больше разлагались. Доктор оглянулся на женщину и попросил:

— Не могли бы вы рассказать мне о Ребекке чуть больше?

— Недавно она просто пришла, как кошки приходят и уходят. Деда увидела, сидела и болтала с ним долго, потом ушла. Она редко приходит, не воровка, не наркоманка, просто дура. Больше я ничего не знаю, — женщина пожалала плечами, — дважды ее мужики ждали, а она когда ничего так, а когда тупее овцы, куда позовут, туда и идет, а девка-то красивая...

— Понятно, — Бернадт подавил желание брезгливо передернуть плечами, он выудил из-под стола табуретку и присел, та была достаточно чистой.

Ребекка спустилась минут через десять, и просто вышла из дома, не прощаясь с хозяйкой, не окликая за собой доктора.

Она еще чуть поплутала по улицам, не волнуясь, идет ли за ней доктор, потом остановилась и сказала:

— Теперь вы покажите мне что-нибудь.

— Что? — удивился Бернадт. Ну и куда прикажете вести пациентку? Он растерялся, девушка смогла его смутить. — Например?

— Вы же как-то проводите свое время. Вам не понравится, что я выберу. Тут уж я постараюсь! — Ребекка впервые улыбнулась, хотя улыбка ее и была ехидно озорная, но шла ей куда больше сердитой сосредоточенности. Еще удивляли ее зубы — идеальные, белые, будто не было всякой дряни, сгубившей ее легкие.

— Ладно. Но придется идти быстро и потом вести себя прилично.

Он достал из кармана часы, до отбоя еще оставалось время, но не так много. Повернув в один из переулков, убедившись, что девушка следует за ним, Бернадт ускорил темп. Он остановил первый попавшийся кэб, и концом их путешествия стал Медицинский Музей Механики.

— Покажу твою модель легкого, — доктор Штейн придержал для Ребекки дверь.

— Я не люблю машины. Я их боюсь и не хочу видеть, что у меня внутри, — сказала

девушка, совсем разочаровавшись в выбранном доктором маршруте.

По музею она ходила насупившись, со скрещенными на груди руками и мрачным взглядом, только хваталась за мужчину, когда на их пути возникал очередной порог.

— Пороги тебя пугают? Почему? — Бернардит осматривал все с интересом. Он бывал тут почти каждый месяц, а иногда чаще, если появлялись новые экспонаты, знал все, как свои пять пальцев.

— Машины так же страшны, как и дома, и, тем более, двери, — Ребекка говорила шепотом, ведь в музее было тихо, она тоже решила не шуметь. — Пороги — разделительная полоса, отрезающая одну комнату от другой, дом от улицы. Знаете, что однажды она может разрезать и вас? Совсем как трамвайные пути, или бордюры. Никогда не стоит долго находиться в одном месте. Только двигаться.

— Как насчет коридоров? Они почти как вытянутые пороги, — доктору стало скучно. Похоже, девушка и вправду оказалась тихой сумасшедшей, без тайн.

Экскурсия не удалась, ему надоело раньше, чем девушке. Они как раз остановились рядом с той моделью легкого, чья маркировка прописана в карте девушки.

— Ладно, раз тебе даже чуточку не интересно, то нет смысла это продолжать, — сказал Бернардит. — Идем, Ребекка?

— Расскажи теперь ты. Что мешает тебе? — она все же задержалась у экспоната, но больше притворяясь, что ей это интересно. В ее вопросе было много всего: что тебе мешает, что нравится, что хотелось бы поменять, почему ты такой, какой есть, а не лучше? Чуть привыкнув к сумбурной речи пациентки, доктор легко понимал это.

— Мешает? Мне не о чем сожалеть, Ребекка. Не у всех людей есть проблемы, — думать об этом оказалось приятно, вообще ощущать себя человеком, способным убрать все помехи со своего пути.

Бернардит, взяв Ребекку под руку, повел ее к выходу, волей-неволей размышляя о своей жизни. Это было как не думать про белую обезьяну. Закончил университет, затем пятилетняя практика, снова учеба, хирургия в психиатрической лечебнице, затем административный пост и, наконец, триумф — руководство собственной больницей.

Как ни крути, особых проблем он не припомнил. Разве что эта вечная замкнутость, да еще страсть к порядку, но это даже недостатками не назвать. Доктор думал, что этого более чем достаточно.

— Ты не думаешь, что опасно в одиночку гулять по улицам этого района, особенно по бедным кварталам? Ты все же девушка...

— Я бывшая наркоманка. Помните? Мне в этих районах безопаснее, чем вам.

Иллюстрация художника Lito

Лето сменила осень, дождливая и липко-туманная, тревожная, короткая, быстро перевоплотившаяся в зиму, которая покрыла улицы города коркой гололедицы, пустила в переулки ветер, из влажного ставшим холодным и колким. В Лондоне даже снег выпал.

Год завершился не самыми хорошими событиями. За несколько месяцев жизнь лондонцев изменилась, причиной тому был ряд происшествий, заставивших власти ввести почти военный режим.

Началось все с кражи группы автоматов марки 'MS-silver' с базы водоканала. Недавно муниципалитет закупил новые образцы на замену живых работников механическими трудягами. После пропадали автоматы и еще на некоторых заводах; ходили слухи, что даже из научного института исчез новый образец.

Некоторые потом отыскивали, но восстановлению они уже не подлежали. Какие-то детали из них были извлечены, а их испорченные механизмы не сохранили ни одной улики, что могла бы привести жандармов к похитителям. Завели дело, но вскоре про него забыли.

До первого убийства. До второго и третьего, где у погибших были вырезаны и украдены механические органы. С тех пор полиция взялась за дело всерьез.

Ходили слухи, что убийства связаны с пропажей автоматов. В начале зимы нашёлся ещё один украденный робот, но не сломанный, а вполне функционирующий. Но что-то во время его деактивации пошло не так, и в руках полиции снова осталась бестолковая груда шестеренок. При беглом осмотре механизма были найдены неизвестные детали, однако, когда их извлекли и отправили в институт на экспертизу, улики таинственным образом пропали по дороге.

Такая картина повторялась еще дважды, и каждый раз, как только появлялась какая-то зацепка, те или иные обстоятельства не давали ей достигнуть лабораторий и отделений полиции. И кража механических органов тоже продолжалась, преступники по-прежнему не оставляли никаких улик. Полиция шерстила всех, кто, так или иначе относился к механике и исследованиям, а также к технической хирургии и протезированию.

Но в клинике доктора Бернарда Штейна по-прежнему царствовал распорядок и покой, такой, какой возможен для подобного заведения. Ребекка так же выходила на свои прогулки, хотя ей и пришлось по указанию доктора сократить их время.

Девушка не доставляла неприятностей, кроме двух приводов в полицию — первый раз за неоднократный безбилетный проезд, второй — за проход на территорию какого-то охраняемого дома. Впрочем, девушка умудрилась очаровать полисменов и хозяина дома, так что ее вернули в больницу без каких-либо порицаний и штрафов.

Что же до ее лечения, то оно не желало двигаться в лучшую сторону. Иногда Ребекка бывала адекватна, логична, даже очень интересна своими немного несвязными разговорами. Если бы не произвольные движения рук и головы и, конечно же, тот факт, что она была женщиной, она вполне могла бы стать членом общества философов, думал Бернардт, ловя себя на том, что сумасшедшая вновь угадала его мысли. Угадала ли? Скорее имела чутье и логику, что позволяли ей делать верные умозаключения. Но часто были у Ребекки и такие периоды, когда она становилась похожей на сомнамбулу, совершенно мутнела рассудком.

В дверь кабинета доктора коротко постучались. Он знал, что это Ребекка.

— Входи, Бекка.

'Бекка' стало совсем привычным обращением. Доктор раз в неделю составлял компанию своей пациентке в прогулках, максимум на час или два. Он не сближался с ней, но и не придерживался четкой границы. Просто слушал и, незаметно для себя, очень привык к ее обществу.

— Мне нужно уйти сегодня, я хочу сделать это за час до отбоя и задержаться, — девушка села на свободный стул, понимая, что ее просьба не будет принята сходу, и придется убеждать доктора, ведь время уже вечернее. Она говорила серьезно, даже слишком, без обычного налета детскости. — Это важно.

— Отклоняется, — Бернадт перевел на нее скучающий взгляд, потом снова зарылся в бумаги, сиюсь принять какое-то важное решение.

Несмотря на оживленное общение с пациентами, он не забывал про свои основные обязанности руководителя. В принципе, это не слишком сложно. Да и психиатрия не требовала немедленных результатов, в отличие от обычной медицины. Сейчас было не до девушки, но раз уж она пришла:

— Зачем тебе это нужно? — спросил он.

— Это важно, — повторила она. — Я должна сегодня выйти. Вы же не хотите, что бы я сорвалась? Понимаю, это шантаж, но так и будет, — в тон девушки влилось немного металла.

— Можешь выйти во внутренний двор вечером, — Бернадт устало вздохнул, стянул с носа очки и пристально взглянул на девушку. — Если ты сорвешься, то по правилам больницы прогулки прекратятся вообще, тебя переведут в буйное отделение, а оттуда не выпускают. Я понимаю, это шантаж...

— Внутренний двор... Не думаю, что мне это подойдет. В конце концов... — Ребекка закусила губу, подбирая слова. — За меня уплачено на год вперед, мной никто не интересуется, с чего бы это делать вам, если счет уже у вас в кармане?

— Дело не в деньгах. Репутация важнее, — скрипнул стул, и доктор подошел и уселся на корточки напротив девушки, будто она маленький ребенок. — Я не один тут работаю, и не все вокруг мои друзья. Внутренний двор — это все, что я могу тебе предоставить после свободных часов. Мы поняли друг друга?

— Хорошо, — Ребекка кивнула, сдавшись, но что-то похожее на панику мелькнуло в ее глазах. — Я могу идти?

— Один свободный час у тебя есть, но после — ты должна вернуться в клинику, — Бернадт кивнул и сел обратно за стол.

'Нормально ли потакать девушке?' — спрашивал он себя. Пусть даже наполовину. Все же, он стал слишком мягок с ней, наверно, это к худшему. Но один час до отбоя она могла погулять.

— Скоро собираются ввести комендантский час, Бекка, я бы на твоём месте не поступал опрометчиво, — напомнил Бернадт.

— Да-да, — тихо ответила Ребекка, и дверь с грохотом закрылась за ней.

* * *

Что ж, можно выйти за пределы больницы. Но час? Если бы даже она могла успеть воплотить задуманное, то этот час совсем не подходил Ребекке. Ее дело было назначено на

два часа ночи. Вопрос жизни и смерти!

Ребекка нервно ухмыльнулась своему отражению в старом зеркале. Улыбки ее часто походили на оскал, на нервную судорогу.

'Сумасшедшая' — заключила девушка, прикалывая шпильками шляпку. 'А, к черту, сейчас все должно пройти, как запланировано, а с последствиями будем разбираться потом. Отделение для буйных? Ха, смешно просто!'

На улице оказалось ужасно холодно. Коричневый плащ, такой же безликий, как и оба платья Ребекки, продувался зимним ветром, будто сшитый из тюля. Втянув поглубже в рукава тут же озябшие ладони, девушка поспешила прочь от клиники.

* * *

Бернардт закончил с делами, потянулся, зевнул. Ровно девять часов, ноль минут. Собрав бумаги в папку, он посмотрел в окно, собираясь задвинуть шторы. В окне виднелся выход из лечебницы и часть города. Вид гораздо интереснее, чем из бывшего кабинета, принадлежащего покойному Флавелю — куда-то на угол дома и глухой участок внутреннего двора.

Бернардт увидел Бекку, которая, несмотря на запрет, вышла за территорию клиники, совсем не испугавшись порога калитки. Доктор торопливо надел плащ.

— Вы что-то привязались к ней, мистер Штейн... — пробурчал он себе под нос и надел цилиндр.

Догнать Бекку оказалось нетрудно. Вечер выдался темным, Бернардт просто следовал за девушкой, не окликая ее. Завывания ветра глушили шаги по свежеснежному снегу, еще не ставшему скрипучим.

Ребекка перешла мост и отправилась от парка Батерси на восток. Затем, свернув с улицы Девяти вязов, углубилась в незнакомый доктору район и петляла улочками около часа. Конечно, она бы уже не успела вернуться до отбоя, да и Бернардт запутался и с трудом понимал, в каком районе очутился.

Окончательно стемнело. Белые мягкие хлопья снега казались слишком светлыми, неправильными в своей чистоте среди облезлых зданий бедного квартала. Девушка снова свернула за угол. Стоило спустя минуточку свернуть за ней и мужчине, как Ребекки там не оказалось. Даже ее следов на свежем снегу.

Доктор осмотрелся, ища двери или лестницы, ведущие вверх, или коробок, за которыми можно спрятаться, но ничего не увидел. Он ожидал чего-то такого, наверняка она его заметила, и раз уж нарушила правила, то решила просто сбежать.

— Бекка, если ты сейчас вернешься, то я не буду считать это проступком! — сказал Бернардт громко, надеясь, что девушка услышит.

Но Ребекка либо решила скрываться дальше, либо уже не слышала доктора. Искать ее в нагромождении старых домов и узких запутанных проулков было не только опасно, но и бесполезно, это она знала каждую подворотню, а не Бернардт.

Пришлось идти наугад. Неожиданно для себя доктор вышел на набережную. Улицы оставались пустынными, не проезжал мимо никакой транспорт, лишь безмолвная, затянутая льдом Темза, будто следила за ним. Навалилась тревожная тишина, совсем стемнело, и стало совершенно непонятно, куда идти.

Вода в реке в эту невероятно холодную зиму сделалась точно чернила, толстые куски белого ломаного льда тихо стучались друг о друга, разбитые судами. Похожий на большую мертвую птицу из-за разметавшихся пол плаща кто-то лежал у спуска к воде. Под бортом спуска шумел слив, если бы несчастный (хотелось надеяться, что он жив) упал в воду, его бы уже унесло далеко от берега.

Бернардт вздохнул. Вечер, как и весь день, не задался. Сначала потерял пациентку, теперь это. Он осторожно перебрался к человеку через перила, не понимая своего сегодняшнего человеколюбия.

В городе масса бедняков, жертв несправедливости и нехороших ситуаций, ведущих к смерти. Совсем не обязательно нарываться и искать приключения на свою голову. С другой стороны, эта ситуация вроде бы не слишком опасна, всего лишь нужно оттащить пьяницу от реки к домам или к теплой помойке, где ошиваются нищелюбы. Ограбят, но хотя бы не дадут замерзнуть насмерть.

— Эй, вы живы? — подошвы сапог заскользили по снегу, и доктор плюхнулся рядом с незнакомцем. Впрочем, так только удобнее, он взял безвольную руку, пытаясь пощупать пульс.

Бедолага не отзывался, да и пульса не было. Тянуло мокрым железом и машинным маслом, может, от упавшего, может, от слива. Что ж, тело вполне можно оставить до обхода полиции.

Но стоило доктору подняться, как бедолага дернулся. Хватка замерзшей руки заставила Бернардта снова упасть, ударившись боком о заледеневший бордюрок. Доктор попытался освободить ногу, толкнул тело, а когда то перевернулось на спину, Бернардт понял, что перед ним автоматон. Неисправные его механизмы дергались, словно человеческое тело в агонии, Бернардт успел увидеть часть искореженного лица, а потом его и его хватчика поглотила ледяная вода. Холод обжигал, напор от слива не давал подплыть к берегу, больно бились о тело куски льда, а тяжелый автоматон тянул ко дну.

Бекка появилась так же неожиданно, как и пропала до этого. Возможно, она что-то кричала, но из-за шума воды и собственной крови в ушах ее невозможно было расслышать. Девушка старалась действовать быстро, хотя от ветра пальцы замерзали, плохо слушались. Она пыталась дотянуться до мужчины рукой, но даже привязав к поручню пояс от плаща, это все еще оставалось невозможным.

Оказаться в ледяной воде в нескольких юбках, закованной в корсет, было скорее самоубийством, чем попыткой спасенья, но Ребекка оттолкнулась от берега и прыгнула, с гулким всплеском упав в Темзу.

Бернардт уже хотел сдаться, но вдруг увидел ее. Мощным движением вынырнул на поверхность, чтобы плотнеть воздуха, и потом погрузился вместе со схватившим его. Здесь уже не мешал слив, льющийся на голову, льдины, бьющие по рукам и ребрам, царапающие шею. Только давящая пустота мертвой воды. Он открыл глаза, чтобы что-то различить в этой тьме, увидел автоматона. Никогда ни о чем он не молился, но на этот раз на язык пришли слова молитвы. Только бы удалось...

Вытащив пистолет из кармана плаща (конечно, выстрелить в воде он не надеялся) он, согнувшись, начал сбивать рукояткой стальную руку. Только бы хватило задержанного дыхания... Тяжелое тело автоматона увлекало все глубже. Только бы смочь потом выплыть... Механический сустав сдался, рука так и осталась на ноге Бернардта, но автоматон продолжил свой путь в глубины один. Стало совсем легко.

Мужчина поплыл наверх, добрался до Ребекки и взял за руку, чтобы она не утонула. Стянув с себя плащ, он обвязал его вокруг девушки, после крепко взялся за полу и, уловив момент, заранее прося прощения, оттолкнулся от нее. Ребекка тут же ушла под воду, равноценно силе толчка, но ненадолго. Каким-то чудом зацепившись за решетку, доктор подтянулся и вылез на уступ, потянув за плащ девушку.

Дыхание давалось с трудом. Руки совсем перестали слушаться, а значит, скоро и все тело окаменеет.

— Бекка? Ты меня слышишь? — Бернарда все еще держал ее за грубую ткань мокрого плаща.

— Да! — девушка, уцепившись за перила, пыталась выбраться на набережную. Это давалось ей нелегко, из-за мокрых юбок ее платье весило вдвое больше. — Черт меня взял это делать!

Ветер был еще беспощаднее воды, пронизывая и сковывая одежду. А город, точно вымерший, беспристрастно наблюдал за доктором и Беккой. Комендантский час: ни повозки, ни случайного прохожего, и до больницы добираться больше часа.

— Если я подхватываю воспаление легких — я не жилец, — Бекка помогла доктору перебраться через перила.

— Слава богу... — Бернарда плюхнулся на дорогу, на ногу все еще оставалась рука автомата, сковывающая щиколотку, как кандалы. Он перевел взгляд на девушку и ухмыльнулся, скрывая боль. — Не нарушала бы правила, все бы было в порядке. Помогите встать, поищем гостеприимных людей...

— Гостеприимных людей, конечно же... Тут есть один чердак. Идем, — ноги Ребекки разъезжались на льду и путались в мокрых юбках, но она была крепче, чем можно подумать. Помогла Бернард встать, и они, неловко шагая, направились в сторону дворов. Казалось, если перестать двигаться, то тело совсем окоченеет, и они превратятся в еще одну деталь унылого зимнего пейзажа.

На чердаке тоже было холодно, хотя и безветренно, да и по сравнению с улицей это все же было спасением. Была тут и какая-то заваленная хламом маленькая печка. Ребекка раскидала в стороны коробки, дверца печки просто-напросто оторвалась в ее руках, она откинула и ее в сторону.

— Черт вас дернул идти за мной!

— Черт тебя дернул нарушать правила! — повторил Бернарда, стягивая с себя мокрую одежду, он лишь презрительно фыркнул в ответ на обвинение. — Хотя собственную глупость я тоже признаю, бегать за пациенткой было верхом идиотизма.

— Правила! Вот, где сидят у меня правила! — Бекка зло швырнула обломки какой-то мебели в печь. Вспомнив про мокрую одежду — скинула с себя юбки, их снять быстрее всего, и они были самыми тяжелыми. Девушка, немного успокоившись, посмотрела на печь. — Мне нечем разжечь, — Бекка перевела взгляд на мужчину:

— Как нога, кстати? Давайте я посмотрю, — сказала она уже мягче.

— Просто свело, не стоит беспокоиться. Разжечь... точно! — доктор вытащил пистолет из мокрого плаща и достал из него один из патронов.

Найти камень было не очень сложно, и порох помог разжечь слабый огонек. После, с помощью того же камня, Бернарда сбил с ноги руку автомата.

— Найди, чем примотать обратно дверцу, а то угорим. Что такого важного было на этой прогулке, Бекка?

— Я не буду отвечать. Давай я попробую не умереть для начала, а потом ты продолжишь свои бесполезные копания, док, — Бекка смогла приладить дверцу на место, хоть та и держалась на честном слове.

Согреться не удавалось, даже постоянно двигаясь, сапоги хлюпали, мокрые юбки липли к ногам, и девушка снова была на грани срыва. Сделав несколько глубоких вдохов, насколько позволял корсет, Бекка заставила себя успокоиться и взрезала осколком стекла тугие шнуры.

— Я готова продать душу за пару глотков горячительного.

— Чего нет, того нет. Иди, обними печку или сюда, — доктор похлопал по месту рядом с собой, устроившись на двух подгнивших матрасах.

Он подумал и не стал снимать белье, пусть даже оно было таким же мокрым, как и остальная одежда. Бернардит уже потихонечку отходил от шока. Только подумать, суметь выбраться из ледяного ада.

— А курить? — Бекка нашла какое-то одеяло, волглое, но целое, отдала его Бернардту. Сама же скинула нижнюю рубашку, стянула мокрые чулки и села рядом. Девушка была не особо румяней, чем ткань сброшенного белья. Пышные ранее волосы разметались и покрылись инеем.

— Подумайте хорошо, доктор, завтра я могу не проснуться. Я имею право на сигарету.

— Ты драматизируешь, — Бернардит притянул ее к себе, так и вправду было теплее. — А уж сигарета, после ванны... — он рассмеялся негромким, бархатистым смехом, потом закашлялся. — Правда, сумасшедшая, нырнуть зимой в слив во всех этих юбках.

— Раздеваться бы пришлось слишком долго, — Бекка замолчала на несколько мгновений, потом призналась:

— Меня пару раз вытаскивали с того света, не горю желанием это повторять. Легкое я как раз после переохлаждения потеряла. Так есть курить? Я хочу снять стресс.

— Курево вымокло.

'Бекка все же миленькая' — подумал Бернардит. То ли она действительно была довольно забавной сейчас, то ли вся ситуация требовала разрядки, но он изрядно возбудился и, смутившись, отодвинулся от девушки.

— Поройся в плаще, если сумеешь высушить, то тебе повезло.

С мокрыми сигаретами Бекка справилась отлично, можно сказать, профессионально — потом прикурила от огня в печке и, уже чуть согретая, стояла у открытой дверцы, хотя круг тепла оставался ничтожным для большого чердака. От картины, представшей перед доктором, веяло безумием, учитывая и скромность нравов, что окружала мало-мальски приличного человека, и само место, в котором им не посчастливилось оказаться.

Ребекка была как призрак. Полумрак чердака частично скрадывал очертания ее тела, но отсветы от печи, к которой она повернулась, наоборот, подчеркивали нужное. Она стояла, совершенно обнаженная, посреди хлама, поломанной мебели и старых тряпок, положив локоть на еще не успевшую раскалиться сверху печку. Девушка не без удовольствия затаилась:

— Будешь?

— Не откажусь, — мужчина покачнулся, встал и подошел к ней. Мокрое белье не могло спрятать его возбужденное состояние, но он только и сделал, что опустился совсем рядом с печкой и затаился сигаретой. — Просто не обращай на меня внимания. Надеюсь, до утра высохнет хоть часть одежды.

— Если хочешь. Одежда — сомнительно, что высохнет, но сможем выйти и добраться до телефона или поймать повозку, — Бекка улыбнулась, забрала сигарету у Бернарда, снова затянулась и вернула ее доктору. — Мне часто кажется, что ты так же не вписываешься в этот мир, как и твои пациенты. Вляпались же мы, особенно ты со всем твоим порядком и лоском, все равно, что королевский пудель, угодивший на помойку. Хотя ты и до этого казался немного нелепым. Ходишь за мной, слушаешь всю ту ересь, что я несу, — Ребекка присела на корточки рядом. — Хочешь?

— Ох, только не веди себя как Мария Магдалена... — он отвернулся, — вообще не пойму, ты меня хвалишь или ругаешь...

— Ругаю, конечно, — Бекка засмеялась. — Разговоры, беседы, такая шелуха! Ведь если подумать, то каждого, внимательно послушав, можно отправлять в твоё заведение. Но это все вода, важны лишь поступки, а ты, и люди подобные тебе, их не совершают, — девушка покачалась с пятки на носок, потом подтянула одеяло ближе к печи и села на него, кинула взгляд на Бернарда.

— А я была бы не прочь.

— Ты ошибаешься. Слова очень важны, они показывают отношение одних людей к другим, — сказал доктор. — Есть много одиноких людей, непонятых. Пациенты чаще всего такие люди. Люди с комплексами, со страхами. Если им словами не объяснить, что бояться нечего, они никогда не станут нормальными, — возразил Бернардт, будто в этот миг став не собой, а своим отражением, тем, что еще не успел огрубеть. Он развернулся и коснулся лица Бекки, отвел мокрые волосы и серьезно посмотрел ей в глаза:

— Я люблю тебя. Положись на меня. Я тебе доверяю. Ни за что не покину... Разве бы ты не хотела все это услышать? Это не шелуха, Бекка.

— Больше, чем ты можешь себе представить, — девушка горько ухмыльнулась, ответив на несколько вопросов сразу. — Только не все так просто. И в моем случае эти слова остались бы только словами. Давай не будем сегодня во мне копать, достаточно много того, что доставляет мне боль, и я никогда не скажу тебе всего. Просто можно было бы забыть об этом на время.

— Ты себя недооцениваешь, — Бернардт отпустил девушку, кое-как прикрыл дверку печи и улегся на пол, свернувшись калачиком. В хрупком полумраке стала видна только его спина с выступающими позвонками, которые в игре теней казались почти острыми. — Это существование, а не жизнь. Меня поражало, с какой страстью ты отвоевывала время на прогулки, но может, я просто изначально ошибался в тебе, как ты и сказала.

Он замолк, прикрыв глаза. Бекка казалась ему теперь несчастным, грустным ребенком. Она подалась вслед за мужчиной, ее волосы мазнули холодом по его плечу, но воздух из приоткрытых губ вышел теплый:

— Про войны и страсть ты тоже ничего не знаешь, — девушка легла рядом, тоже отвернувшись, хотя ее спина и касалась спины доктора, холодная, с грубым шрамом.

— Не вижу в этом ничего плохого, — ответил он, ее шепот обжег его ухо. Вот ведь девчонка, говорит так, будто знает все обо всем. Бернардт все же развернулся и обнял ее, прижавшись теснее.

— Вернемся, перестану лезть тебе в душу. Отдам кому-нибудь другому, у кого ты будешь числиться номинально. Попытка лечить нормального человека пахнет безумием. Ребекка молчала, глубокий уставший вздох приподнял ее грудь. Лежа так близко, можно было слышать работу искусственного легкого, наверное, Бекка всегда слышала этот

После возвращения все стало прежним, будто ничего и не произошло. Будто не было неожиданного купания в зимней воде и откровенных разговоров. Бернардт в медкарте оформил отсутствие Ребекки, как ночевку в полицейском участке, а раз задержали власти, это было не самовольство Бекки, и та спокойно могла и далее выбираться на свои прогулки, не рискуя попасть в отделение для буйных.

Новый врач как-то пришел, взглянул и ушел, не собираясь тратить на ее случай время. Здесь было довольно много пациентов, которых и не думали лечить. Кэб, горячая ванна, глинтвейн, утро в доме доктора на Чаринг Кросс, бутерброды и чай — все это просто-напросто стерлось из памяти. Бернардт вернулся к своему обычному ритму жизни, хотя порой не хватало странноватых прогулок и вечного путанья имен.

Со временем они перестали встречаться. Даже для того, чтобы отпроситься на прогулку, Ребекка посылала к главному доктору Сэма или кого-то другого из персонала клиники. Но в один поздний вечер домой к Бернардту постучался почтальон со срочным письмом. 'Доктор Бернардт, спасибо вам за кров и внимание, пусть порой и то, и другое угнетало меня, но я запомню лучшее.

Складывается так, что я должна покинуть ваш госпиталь. Искренне прошу меня простить за порядком подпорченную репутацию. Ребекка'.

— Она что, издевается? — Бернардт грозно посмотрел на почтальона, потом протянул ему конверт. — Штамп какого отделения? Откуда отправлено? Почтальон продиктовал отлично знакомый доктору адрес его же клиники, извинился, что время позднее и до отбоя осталось еще немного — если господин желает написать ответ, ему стоит поспешить.

— Этого не понадобится. Спасибо, — Бернардт закрыл за почтальоном дверь и прошел к телефону. Роскошь, конечно, но он смог позволить себе установить его в доме. Когда на другом конце провода ответил секретарь, Бернардт сказал, чтобы Бекку не выпускали, если она все еще в больнице, а если нет, то объявили в розыск. Положив трубку на рычаг, он опустил в кресло. Разыскивать ее самому было просто бесполезно, вообще все его изрядно раздражало. Доктор чувствовал ярость.

— Если ты найдешь, я за себя не ручаюсь, — сказал он в пустоту. Телефон затрезвонил через час.

— Доктор Штейн? — запыхавшийся голос сестры, сразу насторожил доктора. — У нас экстренное происшествие, мы вызвали карету скорой помощи, она в пути. Вы приедете?!

— Что случилось? — Бернардт нахмурился, но в уме уже предположил, как побыстрее добраться до больницы.

— Может, вы разберетесь на месте? — женщина тоже злилась. — Извините меня, приехала скорая. Ждите, я перезвоню вам и сообщу адрес больницы.

— Хорошо, — повесив трубку, он стал собираться.

Уже за полночь Бернардт добрался до больницы Св. Иоаннеса на Флит-стрит, куда отвезли Бекку. Даже здесь девушка умудрилась навести суету. Сестра, сообщившая доктору о происшествии, заливалась слезами, на ее недолгой практике пациенты такого не вытворяли. Из операционной вышел пожилой доктор, с волосами и усами столь белого цвета, что белее

и представить нельзя, решительно направился к Бернарду.

— Могу я с вами поговорить? — начал он без приветствия.

— Конечно. Мне так и не сказали толком, что произошло, я только приехал, — Бернардт кивнул усачу и поправил очки, было не до этикета.

— Я так понимаю, это ваша пациентка, доктор Штейн? Мы уже пробовали связаться с ее родней, все бесполезно. А медлить нельзя! — доктор говорил быстро, но спокойно. — Думаю, вы знаете о механическом легком. Но оно сейчас не подлежит восстановлению. Честно признаться, не представляю не только, как она с ним жила, но и в каком подвале это безобразие соорудили! В общем, у меня есть нужный аппарат, новая модель, но стоит она...

— Делайте, — Бернардт кивнул.

В конце концов, за ней приедет дядюшка, если что — расплатится, а если нет, так ничего страшного. Он порылся в памяти, вспоминая цифру, переведенную на счет больницы и, отыскав блокнотик, быстро нарисовал половину выплаченной суммы. Протянул листок доктору.

— Этого будет достаточно?

— Посмотрим, пока согласуйте сумму с бухгалтерией. Я вернусь в операционную. Поговорим, если не будет поздно.

— Удачи.

Бернардт не паниковал, он сам был хирургом и доктором психиатрии, но на душе все же было беспокойно. Сначала это письмо, потом звонок, теперь сломанное легкое, которое вживлял какой-то мясник. Он неторопливо дошел до бухгалтерии, зная, что больница может дать и больше, фонд на случай подобных форс-мажорных обстоятельств был внушительный, ведь его пациенты довольно состоятельные люди, или раньше бывшие крайне состоятельными. Потом осталось только ждать. Хирург разыскал Бернарда только под утро.

— Извините, не было возможности отослать сестру, чтобы она предложила вам пойти домой. Очень сложно оказалось поставить на место ржавого ящика с шестеренками нормальный механизм. Признаться, доктор Штейн, я не думал, что к вам в клинику могут попасть люди из низших слоев, — так и не представившийся доктор сел в кресло рядом с Бернардом, его морщинистое лицо и тон голоса выдавали большую усталость.

— Богатый опекун, — пояснил Бернардт. К нему попадали люди и в худшем состоянии, чем Бекка. Люди, с которыми наигрались их любовники и не хотели, чтобы кто-либо когда-то узнал об этой связи. Да много было случаев. — Когда она придет в себя?

— Может быть, скоро, но езжайте домой, доктор Штейн. Если потребуется, мы сможем ее успокоить. Вышла медсестра и сказала, что пациентка пришла в сознание.

— Все же хотел бы с ней пообщаться, раз уж она пришла в себя, — сказал Бернардт.

— Идите, — согласился доктор. — Вы купили ей легкое, имеете право. Кроме вас, судя по всему, все равно никто к ней не придет.

— Благодарю, — Бернардт коротко поклонился, и сестра проводила его в палату. Бекка лежала на узкой кровати, белая, как простыня, укрывшая ее, как видимый край бинта на груди. Только волнистые волосы пушистым ореолом обрисовывали измученное лицо с росчерком черных ресниц и бровей.

— Бекка, как ты?

Ребекка не ответила сразу:

— Я в больнице? — голос ее звучал хрипло, бескровные губы только чуть приоткрылись. — Все болит.

— Тебе заменили легкое. Так и должно быть, — Бернардит присел на край кровати и сурово взглянул на девушку. — Что за чушь ты написала в письме?

— Я должна уйти. И если вы не хотите засадить меня в тюрьму — вы не должны мне мешать, — Бекка поморщилась, говорить было неприятно. — Так тихо внутри. Непривычно.

— Тебе нельзя пока двигаться, не то что ходить, надеюсь, ты понимаешь?

— Я не идиотка, какой вы привыкли меня считать, — Бекка отвела взгляд, не в силах что-то объяснить или рассказать, единственная правда, которую она могла себе позволить — признаться, что все это время врал. — Иногда я даже жалею об этом.

— О, ну, в самом деле. Я знаю, что ты совершенно нормальная и зачем-то сочиняла все. Я доктор психиатрии с приличным стажем, Бекка, а не просто прохожий. Теперь можешь начать извиняться, — Бернардит взял ее руку, облегченно выдохнув, главное, девушка жива, не умерла во время операции, как это часто случалось.

— За что мне извиняться?

— За то, что пыталась водить за нос, естественно. Хотя, наверное, тебе ужасно надоело придумывать имена... — доктор нахмурился, потом поднялся, добавив:

— Я советую не пытаться сбежать. Легкое поставили, но требуется время на проверку приживания. Возможно отторжение, будет неприятно, если ты умрешь. Заставишь меня волноваться еще раз.

— Мои загадки вряд ли спокойно пролежали бы у вас в столе. Давайте договоримся, — Ребекка вернула взгляд влажных глаз на мужчину. — Я скажу вам 'прощай', и на этом все закончится.

— Напишу твоему дяде по этому поводу. Если что, то у меня наготове всегда отделение буйных. Мне нравится твое общество, Бекка, иначе бы я сказал тебе 'прощай' раньше. Встретимся завтра, у меня была довольно беспокойная ночь благодаря кое-кому.

Бернардит отпустил тонкую руку. Да что такое с ней? Он сердился все больше, чувствуя себя не в своей тарелке. А уж глаза Ребекки готовые разразиться слезами, вообще выбили из колеи. Все же он чертовски привязался к ней. Бернардит снова задержался:

— И, тем не менее, я на твоей стороне, так что, надеюсь, твои загадки тоже окажутся в одном из ящиков. Пока.

Бекка не ответила.

ТАЙМС, криминальная хроника:

'СПАСЕНЬЯ НЕТ! Еще недавно мы думали что, соблюдая комендантский час, не станем жертвами 'охотников за деталями'. Мы были уверены, что государственные учреждения охраняются надежно. Тем большим потрясением стало похищение недавно прооперированной пациентки из больницы Св. Иоаннеса на Флит-стрит.

Тело двадцатипятилетней Ребекки Мирриам Локхарт было обнаружено после обеда дворником на территории больницы. Как удалось выяснить следователям, прибывшим вскоре после обнаружения тела, девушка даже не оказывала сопротивления, находясь в послеоперационном шоке. Убийца вырезал механическое легкое, еще вчера вживленное девушке в грудь, и изуродовал лицо, пытаясь запутать следствие.

Неужели нет спасенья? Неужели, охотники за деталями пойдут дальше? Стоит ли продлевать себе жизнь механическими деталями, если на следующий день, могут прийти и за вами? Есть ли схема, по которой действуют охотники?

Следствие продолжается, обещая вскоре дать жителям Лондона хоть какие-то ответы'.

Бернардт прочитал эту заметку уже после вызова в полицейский участок — на следующий день после операции Ребекки. Новость повергла его в шок.

Домой из участка он вернулся совершенно измученным, уж слишком назойливыми оказались люди в Скотланд-Ярде. Но он понимал их — столько времени безуспешно пытаться что-то накопать по делам 'охотников за деталями', и не выдать реальных результатов! Все, что мог сам Бернардт на допросе — это отнекиваться, быть вежливым и предоставить все официальные данные: личную медкарту Бекки, копию договора с ее дядей.

Около недели он ходил мрачным, а потом все снова вернулось в нормальное русло. Да вот еще богатый дядюшка Ребекки так и не ответил, хоть ему и было отправлено письмо с приложенными копиями всех нужных бумаг по ее делу. В Лондоне он больше не объявлялся. Да и по доступным каждому гражданину источникам стало понятно, что данный богатый джентльмен в Лондоне вообще не проживал и никаких билетов из города ни разу не покупал.

Чтобы замять эту историю, сохранить престиж и репутацию клиники, Бернардт потратил немало сил. И спустя два месяца воспоминания о Бекке постепенно перешли в раздел странных и не очень хороших снов — вроде была девушка, а вроде и нет.

Город тем временем, несмотря на тяжелую и холодную зиму, готовился к Рождеству. Конечно, ни о каких ночных гуляниях не могло быть и речи, но люди в магазинах и на улицах поговаривали о том, что, если уж их будет много — разве кто нападет на толпу? Хотелось праздника, каждый устал бояться и таил обиду на этот год, город и власти. Никому не хотелось омрачить праздник страхом и тревожными новостями.

Улицы тонули в пару, словно в густом тумане — системы отопления работали из-за морозов на износ. Люди казались призраками или проплывающими снами в этом белом мареве. Вот и привиделось, что у одного из призраков — лицо Бекки. Это произошло вечером, когда Бернардт возвращался домой. Механических органов у него не было, так что он чувствовал себя в относительной безопасности.

Он практиковался в хирургии, чтобы не потерять квалификацию, в больнице среднего пошиба. Там ходили слухи, что 'охотники за деталями', скорее всего, просто нашли какую-то старую больничную картотеку и теперь вынюхивают тех, на кого у них есть дело. Эта версия звучала достаточно убедительно, хотя многие, в кого была вмонтирована механика, все еще тряслись, постоянно ожидая чего-то не слишком хорошего. Пациентов в последнее время стало гораздо меньше.

Не удивительно, что вспомнилась Бекка и даже примерещилась. На нервной почве еще и не то может привидеться. Доктор закутался в пальто и снова взглянул в сторону миража, но нет, у призрака было ее лицо.

— Куда прешь?!

Доктор отшатнулся, чудом увернувшись от пролетевшего мимо кэба. Стал протискиваться дальше, собирая нелицеприятные выражения, умудряясь зацепить каждого второго прохожего. Наконец Бернардт поймал свой мираж за руку, развернул к себе:

— Бекка? — это точно она! Он чувствовал это. — Но ведь...

— Вы обознались... — голос, тем не менее, был ее. Рука девушки легко выскользнула, и она поспешила затеряться в толпе.

Бернардт видел, как она, прибавила шаг, петляя в потоке людей, идущих с работы, как почти побежала к спуску в метро. Но гололед ее задержал, девушка, так похожая на Ребекку и с голосом Ребекки, вскрикнув, упала на лестнице. Тут Бернардт и догнал ее:

— Болей в груди не было? — спросил он первое, что пришло в голову, помогая подняться.

Что еще он мог сказать? Он-то думал, что она мертва, хоть на опознание его и не пригласили, только лечащего врача Бекки, а к тому моменту им был не Бернардт. Бекка, уже не было сомнения, что это она, ответила не сразу:

— Все хорошо, — в карих ее глазах испуг мешался со смущением.

— Замечу, что притворяться девушкой 'ой, вы попутали' бесполезно, — Бернардт прижал Бекку к себе. На несколько секунд.

— Я каблук сломала, — рассеянно проговорила она. Ладони ее были ледяными, да и пальто, судя по виду, скорее подходило к началу осени, чем к рождественским дням. Бледное лицо, запястья, ставшие еще тоньше, усталый голос. — Извините, наверное, нам стоит разойтись. Но Бернардт не выпускал холодную руку, не обращал внимания на слабые попытки избежать объятий.

— Так как начало истории я уже знаю, предпочел бы услышать ее конец, — сказал он строго. — И, предупреждая вопрос: нет, в полицию я не побегу и даже намека им не дам. Ребекка вздохнула, на запястье бешено бился пульс, она озиралась по сторонам, будто ее преследовал не только Бернардт.

— Не здесь, — сдалась она. — И за мной, и за вами могут следить.

— Пойдем, тут есть один паб, где мы можем поговорить.

Бернардт знал несколько таких мест, где никто не запоминал чужие лица и не подслушивал чужие разговоры. Иногда в таких заведениях он договаривался о новом 'клиенте' для лечебницы: сколько было признано недееспособными богатых мамаш, папаш и дядюшек, даже не вспомнить. Паб располагался недалеко от метро. Механические меха под вывеской выпускали в людей пар, окутывая их словно облаком. Вывеска 'Ржавая шестерня' соседствовала с вывеской опиумного притона 'У Виви'.

Внутри заведения стены украшали старые часы охристо-бурого цвета, не оставляя

вопросов о названии места. Тут было довольно оживленно, но Бернардт пошел на второй этаж, минуя кухню. Еду готовил мрачный толстяк с механическим глазом, постоянно протирая окуляр серым полотенцем, уж очень быстро он запотевал.

На втором этаже оказалось тише. Пространство делилось на кабинки, которые легко можно зашторить, скрывшись от посторонних глаз. Доктор повел девушку в самую дальнюю.

— Итак? — Бернардт отодвинул стул для Ребекки, после сел напротив.

Она не спешила заговорить. Он принялся выстукивать невеселый ритм по потемневшей медной окантовке деревянного стола, все еще обдумывая реальность встречи.

— Почему же я пару месяцев был уверен, что ты не слишком жива?

— Мне жаль, что моя пропажа доставила вам неудобства, — Бекка откинулась на спинку стула, отвела взгляд в сторону, словно пыталась что-то разглядеть через задернутую занавесь. Девушка поднесла замерзшие пальцы ко рту и грела их дыханием. — Мне сказали, что я должна уйти, пришлось спровоцировать полонку легкого. Будто оно не совсем пережило купание в реке. Но в больнице мне не дали отойти от операции — забрали через пару часов, как вы ушли.

— Я так понимаю, ты связана с 'охотниками на детали'? — Бернардт открыл меню, небрежно лежащее на столе, и, что-то выбрав, протянул девушке с жестом, который подразумевал, что она может заказывать, что угодно.

После того неожиданного порыва, когда он прижал ее к себе у метро, доктор решил вести себя более отстраненно. Оттого казалось, что меню интересует его больше, чем то, что могла поведать Ребекка.

— Нет никаких охотников за деталями, никто не ворует их, — быстро проговорила девушка, будто пытаясь быстрее скинуть с себя домыслы доктора.

К меню она даже не прикоснулась, только попросила заказать ей бренди, потом добавила:

— Механизмы всегда добывали незаконными способами, как и органы для пересадки. В этом году таких случаев не больше и не меньше. Паника в газетах раздута.

— Надеюсь, та несчастная была уже мертва, когда ее решили выдать за тебя, — доктор не спрашивал, просто выразил надежду.

Ребекка не сняла плаща и продолжала дышать на руки, то ли никак не могла согреться, то ли нашла предлог не смотреть на мужчину. Повисла еще одна пауза, потом, будто очнувшись, Бекка ответила:

— Та девушка умерла у нас. О подмене я узнала только на прошлой неделе. Меня слишком рано забрали из больницы, и только вчера я смогла выбраться в город. Весь месяц пролежала в горячке, стараясь не выкашлять слишком много крови. Но сейчас все уже хорошо.

— Зачем тогда кого-то потрошить? В чем смысл? — Бернардт нажал на звонок, подзывая официанта, затем достал сигарету и прикурил. — Мы работали с некоторыми образцами при пересадке новых механизмов, где в старых моделях детали не были проиндексированы. Я мыслю в верном направлении?

— Считаю, что вам не стоит мыслить в этих направлениях, — отрезала девушка. — Поверьте, рассказывая вам что-то, делаю вам лишь медвежью услугу. А мне бы не хотелось доставлять вам неприятности. Я говорила, что не доведет до добра привычка хранить чужие тайны, — Ребекка, наконец, посмотрела своему собеседнику в глаза. — Посмотрите на меня — я кукла. Мне же каждое неосторожное слово аукнется. Да и вам разве понравился

полицейский допрос?

— Аппарата для чтения мыслей пока еще не изобрели, и если ты меня не выдашь, то беседа останется только между нами, — Бернарда замолк, оставив на лице легкую полуулыбку. — Никто не узнает о нашем разговоре.

Раздались шаги, и вошел официант, которому доктор быстро продиктовал заказ. Когда они снова остались одни, беседа продолжилась:

— Хранение тайн мое личное хобби, и я хотел бы понимать, во что оказался втянут. А потом, Ребекка, если за нами следили, то мне наверняка будет не очень хорошо. Приятно сознавать, что я хотя бы знаю, из-за чего. Кстати, Ребекка — это настоящее имя?

— Да, настоящее.

Им подали напитки, Бекка пригубила бренди. Следующая ее фраза вышла жестче предыдущих:

— Знаете, времена, когда я удовлетворяла любые чужие желания, прошли. Ваше хобби — ваша забота, — она вдруг встала. — Может вы, и привыкли играть чьими-то жизнями, но в меня уже играет кто-то другой. Я не хочу сломаться раньше времени. Прощайте, Бернардт! Она решительно вышла из кабинки. Доктор не успел и приподняться со стула, как услышал, что что-то за ширмой с глухим грохотом упало на пол.

Доктор и официант подбежали к Ребекке почти одновременно. Девушку поднял Бернардт, померил пульс. Ничего серьезного, просто истощение, да и кто будет в такие холода разгуливать в осенней одежде? К тому же, были осложнения с легким, если она только-только начала вставать.

Он успокаивающе улыбнулся официанту:

— Слишком тугой корсет. Упакуйте наш заказ и вызовите кэб, пожалуйста. Мы могли бы выйти не через общий зал?

Бернардт поднял девушку на руки и последовал за молчаливым гарсоном. Тут большинство обслуги было именно такой — совершенно не любопытными и молчаливыми, что весьма ценилось клиентами.

* * *

Очнулась Ребекка в доме доктора, в постели. Она поняла, где находится, не открывая глаз. В этом ей помогли уже знакомые запахи благополучия: чистоты, дорогой лакированной мебели, и еще каких-то неуловимых тонких незнакомых Ребекке вещей. И запах еды. Девушка открыла веки, чувствуя отсутствие плаща, юбок, а также то, что ее корсет ослаблен.

— Даже не знаю, радоваться ли мне, что я не в участке, или нет, — сев не без труда, она подтянула колени к груди, обняла их руками.

Ее платья были бедны и скромны, но лучше белья, скрытого от посторонних глаз. Оно же было таким перештопаным и истончившимся от жесткой воды, что голой показаться не так уж стыдно, нежели в нем.

Бернардт сидел за небольшим столиком. Он читал книгу, будто нарочито не спеша обратить внимания на девушку, и ел ножку курицы. Так же Бекка заметила и остальные части запечной птицы на подносе, а еще картофель и хлеб. Уловила аромат горячего глинтвейна, пряный и обволакивающий, обещающий согреть.

— Я бы хотела одеться, — сказала она громче. — За мной могли следить, нам не стоило

показываться вместе!

— Я внес тебя через черный вход, сам вошел через парадный, — Бернардит махнул куриной ножкой на бордовое что-то, скорее напоминающее зимний плащ, чем предмет домашнего гардероба. — Накинь пока мой халат, твоя одежда в сушке. А еще иди и поешь, а то эффект от твоего выступления смазался.

Доктор захлопнул книгу, и пристально оглядев девушку, добавил:

— Тебя на работе не кормят и не одевают? Осеннее пальто для зимы уже более чем бесполезно.

— Как только подсохнет одежда — я уйду, — Бекка осторожно встала и укуталась в халат. — Вы все еще надеялись пополнить свою коллекцию тайн?

Она опустила на стул напротив. Ее тонкие руки белеющие на фоне бордовой ткани, торопливо налили глинтвейн в бокал. Ребекка осушила его несколькими глотками, потом положила себе картошки.

— Боже, просто какая-то форма проституции! — воскликнула она, принимаясь за еду. Ей хотелось бы быть более изящной, более сдержанной, но она слишком изголодалась. — Мне печально осознавать, что я в ваших глазах лишь возможность потешить хобби.

— Это скорее форма издевательства, — мужчина поправил манжет рубашки, будто чего-то от нее ожидая. — Сначала морочить мне голову полгода, грубо инсценируя расстройство, потом считаться мертвой, а потом явиться снова и упорно молчать, предупреждая об опасностях, которые могут вообще никогда не случиться. Может, хватит загадок?

— Извините, но вас в этой истории мне жаль меньше всего, — ответила Ребекка, больше думая о том, как восхитительна курица.

Доктор терпеливо ждал, когда она насытится. Он поднялся, и Ребекка проследила глазами за тем, как он подошел к окну, задернул плотные расшитые шторы. И хоть уже стемнело, комната погрузилась в еще более волнующий полумрак.

— Хотите знать, каково мне было у вас 'наблюдаться'? — сказала она, отпила еще глинтвейна и окончательно повернулась к доктору. — Каково, помимо действительно серьезных и опасных сделок, еще строить из себя больную? Стараться держаться на грани помешательства и адекватного состояния, чтобы меня выпускали? Реальность вообще уходит, да и все эти процедуры не облегчали мне жизни! Мертвой я оказалась? Да вам-то что? Вам разошедшиеся после дороги швы в подвале ржавой иглой по живому штопали? Вы потом в этом же подвале задыхались, чаще мечтая, чтобы эта жизнь уже закончилась, чем о том, чтобы продолжалась? Вам ли теперь жить с мыслью, что для вашего прикрытия изуродовали мертвую женщину, бросили ее тело на улицу, без права быть похороненной друзьями? А теперь еще рассказывать вам все? Давайте еще и вас уберут из-за моей болтливости, это мне подбавит мук в аду! Зато ваша коллекция баек пополнится! Ребекка порывисто встала, откидывая на стол салфетку. Но сделала лишь шаг, замерла, будто осознавая выпаленные в гневе слова.

— Сказала первую половину, говори и вторую! — доктор понял, что ее решимость пошатнулась, сам сделал шаг ближе. — И прекрати истерику, конечно, я не знаю о твоих страданиях, я вообще ничего о тебе не знаю!

— Зачем вам это? — уже совершенно спокойно, даже будто ощущая вину, спросила Ребекка.

— О, ну не начинай снова, — Бернардит сжал виски пальцами, его движения

становились все резче, будто у кота, которому надоело аккуратно играть с мышкой, и уже пора схватить свою маленькую жертву, — Наверняка дело в чем-то простом, раз это не маньяк. Что это? Контрабанда, государственная диверсия, разборки бандитских шаяк, шпионаж за новыми разработками, чистка нелегальной партии органов?! Я просто хочу знать, разве не недостаточная причина? Скажи, и можем сделать вид, будто ты остаешься мертвой, и я ничего не знаю о тебе. Выпущу через черный ход, и не буду даже вспоминать о тебе!

Доктор оказался еще ближе, нависая над девушкой, крайне раздраженный. Похоже, что он сорвался, как и Ребекка минутой раньше.

— А вы ведь тоже кругом меня дурили, — ее еле слышный шепот прошелестел чуть громче, чем дорогая ткань халата от опущенных на колени бледных рук. — Слушали, делали вид, что пытаетесь помочь, речь такую красивую про слова сказали. Пока я строила из себя шизофреничку, вы прикидывались, что у вас есть сердце. Маскировались под человека, которого можно было бы полюбить. Но сейчас вы так наседаете на меня с вопросами, что я, кажется, могу поверить, что с вас и пытаться меня станется! Можете попробовать, если так желаете...

Ребекка выдохнула, ее тонкая фигура сгорбилась, будто на нее давила тень склонившегося над ней Бернарда.

— Конечно, весь Лондон стоит на ушах, — добавила она. — Мы довели город до комендантского часа, людей до боязни выходить на улицы. Тут уж, выясняя детали, доктор Штейн, не стоит жалеть средств.

— Я принесу твою одежду, — доктор отвернулся. Бекка знала, что ей удалось его устыдить. И 'доктор Штейн' подействовало так, как надо.

— Я не собираюсь пытаться кого бы то ни было, и уж тебя точно, — сказал Берnard, стоя у двери. — Могу быть на чьей-то стороне, если знаю, что она собой представляет. Но нельзя помогать или рассуждать о чем-то, играя в прятки.

Бекка не ответила, сняла халат, ожидая свою одежду, уже было не до стеснения. К чему стыдиться и переживать из-за дыр на одежде, когда твоя жизнь и душа одни истершиеся нитки? Ей хотелось быстрее одеться и уйти. Казалось, что, выйдя на улицу, она станет менее уязвима, окажется на своей территории.

Она чувствовала себя душой. Второй раз связалась с этим человеком из высшего света, и снова больно уязвлена. Глупо вообще думать о другом мире. И глупо отвлекаться, когда надо служить делу, а не размышлять о собственных метаниях.

— Бекка, извини, я... — доктор вернулся с ее одеждой. У него был вид проигравшего человека. Ребекка могла считать, что в этом раунде победа за ней, как и в предыдущем, и еще раньше. Он проигрывал уже третий раз. — Если вдруг тебе понадобится моя помощь, то ты знаешь, где меня найти. Я помогу не по какой-то выдуманной причине, а просто потому, что могу.

Он вышел за дверь, чтобы она могла одеться. После всех его доводов о хобби и интересе к тайнам, последние слова казались слишком высокопарными.

Бекка оделась, все еще продолжая мысленно ругать себя. О чем она думала, соглашаясь на эту встречу? Рассчитывала выговориться? Вспомнить относительно тихие дни или хоть как-то поесть? Нет, дурачке хотелось сочувствия. Помощь — глупо, она была втянута в такое дело, выход из которого только вперед ногами. Поучений и напутствий работать дальше, не уступать своей мелочной душонке и слабому духу — о, этого хватало и на заводе. Жалость —

так унизительно и так просто!

И все же, неужели снова придется вот так вот расстаться, чувствуя, что все кончено? В кармане пальто нашлись какие-то гроши, можно найти за них что-нибудь избавляющее от мыслей до утра. Если ее пустят хоть в один клуб. Господи, лишь бы никто не узнал о встрече с доктором!

Ребекка решительно открыла дверь, кивнула Бернардту:

— Прощайте, я помню, где выход с прошлого раза.

Он подал ей плащ, Ребекка накинула его и торопливо запахнулась, будто мерзла уже тут, в доме доктора.

— Выйди с черного, около кухни, — посоветовал доктор, — там можно сразу попасть в довольно темный переулок, потом на чертовски многолюдную улицу. Так тебе будет удобнее.

Бернардт замешкался в двери, замороженно коснулся ее лица, как в прошлый раз, там, на чердаке, когда они чудом спаслись. Но никто не сказал ни слова.

Ребекка дошла до угла. Все еще кружилась голова, сломанный каблук мешал идти, приходилось касаться рукой холодных стен. Девушка опустилась на лавку, как только свернула с улицы, сил не было даже посетить притона. Она позволила себе заплакать, успокаиваясь тем, что просто устала.

Две женщины, видевшие, как Бекка выходила из богатого дома, тут же выдали несколько предположений:

— Кажись, джентльмен не уплатил девице, — не без доли радости заметила дама, которая была чуть моложе своей подруги.

— Или того хуже, отказался от услуг, — ехидно заметила вторая. Ее товарка издала тонкий смешок, и они прошли мимо Бекки.

* * *

Но доктору и его бывшей пациентке предстояла еще одна встреча. Бекка пришла сама. В клинике, где Бернардт практиковался, как хирург, она отсидела положенную очередь и даже заполнила какие-то регистрационные бумаги, где кратко описывалась небольшая травма запястья.

Девушка заняла одно из кресел, даже позволила, чтобы ее пальто повесили на вешалку, хотя ей и было холодно. Она надела свое лучшее платье — дешевый темно-коричневый вельвет, теплый, не слишком истершийся на швах. Голову Бекки украшала не нового вида шляпка с темной сеточкой вуали, скрывающей часть ее лица, локоны, выпущенные из прически, тоже скрывали его.

Медсестра объявила, что доктор свободен, и Ребекка прошла в кабинет.

— Хм... Сейчас подойду. Садитесь пока на стул, — сказал Бернардт, не оборачиваясь к пациентке.

Он выглядел оживленным, даже каким-то радостным в этой клинике, не то, что в собственной лечебнице, там его поведение казалось апатичным и заносчивым. Он обмывал инструмент в мойке. Открыл большую бутылку спирта, чтобы окончательно продезинфицировать, потом с доброжелательной улыбкой развернулся к девушке, и, не узнавая ее с вуалью, спросил:

— Итак, что вас беспокоит?

— Я подумала, что мы все же можем поговорить.

Он не мог не узнать ее голос. Девушка прикрыла дверь, но осталась стоять рядом с выходом. Улыбка исчезла с лица мужчины. Бернадт нахмурился, вряд ли он мог ожидать такой встречи, тем более, здесь.

— Не ты ли мне сказала 'прощай' не так давно? — справившись с удивлением, сказал он. — Впрочем, я обещал помощь, верно? Закрой дверь, и поговорим.

Бекка повернула замок, он щелкнул.

— Не вы ли так рьяно желали знать правду? — парировала она. Ребекку задели слова и холодный тон доктора. — Или уже передумали?

Она отошла от двери, прислонилась к краю стола для осмотров. Крупная сетка вуали не могла полностью скрыть некоторые следы на ее лице: темный синеватый след на левой скуле, засохший росчерк на разбитой недавно губе.

— Все еще хочу. В прошлый раз твои слова меня задели и заставили задуматься, извини, если был груб, — быстро, будто говоря одну из своих дежурных фраз, проговорил Бернадт, он присел на стул и выжидающе посмотрел на девушку. — Почему ты изменила свое решение, Бекка?

— Вы уверены, что здесь я могу говорить спокойно, что никто не задержит меня? — Бекка отошла к окну, отодвинула занавесь, приоткрыла одну из ставней. — Извините, больничный запах просто убивает...

— Ты можешь быть спокойна, Бекка. Здесь безопасно. Рассказывай.

— Я курьер, — начала девушка, — я доставляю детали.

Она рассказала, что пребывание в лечебнице стало для нее хорошим прикрытием, а статус душевнобольной позволял поступки, которые не всегда вписывались в рамки поведения приличной горожанки. Все было продумано, вплоть до приводов в полицию. Клиенты — очень богатые люди. За несколько месяцев такой работы Ребекка смогла возместить хозяину затраты на ее содержание в клинике и купить партию протезов и механических органов для ребят с завода, на котором она жила, вместе со всеми членами их тайной группировки.

— Люди все меньше и меньше стоят для нашего общества. Механизируя быт вокруг нас, мы сами не замечаем, как становимся не более чем инструментами! — глаза Ребекки под черной сеточкой вуали засветились особым светом, что часто озарял глаза тех, кто находил благородного слушателя идей, составляющих смысл жизни говорящего. — Рабочих заменяют автоматы. Те люди, которые уже не могут конкурировать с ними, становятся бесполезны, остаются без средств к существованию. Свои деньги я зарабатываю, чтобы отсрочить для наших людей списание с заводов.

Но прогресс и автоматизация, а также износ старых протезов, стремительнее, чем моя возможность зарабатывать.

— Не думал, что ты из тех, кто пытается спасти весь мир ради светлого будущего, — доктор достал сигарету, но быстро опомнился, убрал ее обратно в портсигар.

Она знала, что он думает: из-за горстки людей она связалась с сомнительной компанией, калечила и постепенно убивала себя, лишала нормальной жизни. И все это — ради чужих. Вполне предсказуемые мысли для человека из круга Бернадта.

— Даже не знаю, что сказать тебе. Что не так с деталями? — вспомнил доктор об 'охотниках'. — Почему из-за них готовы убить? Ведь они и так продаются, почему бы не

оформить их продажу легально?

— Эти детали аналог деталей экстра-класса, технология засекречена государством. Проще говоря, мы торгуем хорошими подделками. Но не убиваем, — спеша откинуть подозрения доктора, Бекка покачала головой. — Мы похитили несколько автоматов с заводов, в конструкции одного как раз были детали нужного образца, двое других нужны были только, чтобы запутать след. Но на нашей совести нет убийств! А автоматы лишь машины, отнимающие у нас право на жизнь!

Она выдохнула, успокаиваясь, и продолжила:

— Сейчас я почти не поставляю детали. Тот случай с рекой и чердаком — хозяин решил, что происшествие может послужить раскрытию нашей деятельности, и приказал меня забрать. Я не могу пока носить заказы, но еще остались протезы, которые мы купили для рабочих. Беда в том, что наш хирург Джепетто умер неделю назад. Он не раз вытаскивал меня с того света, сотнями спасал жизни наших ребят, давал им возможность работать дальше.

Ребекка опустила взгляд в пол, не торопясь, пересекла всю комнату и остановилась у двери. И в тот же миг посыпалось на пол разбитое стекло. Через окно в комнату впрыгнули три человека. Щелчок замка уже никто не услышал. Бекка отошла в сторону, и в дверном проеме показалась еще тройка ребят. Они быстро заперли дверь и окружили доктора.

— У него есть оружие, — предупредила Бекка.

— Подозреваю, они не на прием к врачу, верно? И регистрационные бумаги они тоже не заполнили, да их никто не заполняет... — доктор покачал головой и, подняв руки, медленно встал. Оказывать сопротивление шестерым громилам он, судя по всему, не думал, и это было здраво. — Даже не представляю, что вы сказали на регистрации, наверно, что у вас острая язва...

— Сестра мило разрешила нам зарегистрироваться позже. Очень вежливая девушка, — Боб — один из мужчин, обошел Ребекку, подошел к доктору и коротким ударом отправил его в не очень полезную, но долгую отключку.

* * *

Проснулся Бернардт в полутемной комнате, где было так душно и жарко, что он взмок. Доктор лежал на узкой, шаткой софе, окон в комнате не было, только смутные очертания железной двери виднелись в полумраке.

— Простите, что все вышло так грубо, — Бекка сидела рядом и прикладывала к вискам доктора прохладную влажную ткань. — Я не хотела втягивать вас, но мне привели несколько весомых аргументов, — сумрак делал заметнее следы побоев на ее лице.

— Весомых — это главное, — Бернардт поморщился и застонал. Голова болела немилосердно, но кое-что беспокоило его гораздо больше. — Прошлого... Джепетто... тоже так приглашали к сотрудничеству?

— Нет, он был нашим другом. Ему были не безразличны люди, — в словах Ребекки явно прозвучал упрек. — Но теперь, так или иначе, мы с вами в одной упряжке. Обрато из нее, как я и говорила, только ногами вперед. Простите меня за это, но я ничего не решаю, — девушка смочила ткань, выжала, и снова приложила ее к голове доктора. — Когда отойдете от удара, я познакомлю вас с остальными.

— Может, просто отпустите, откуда забрали, и всем скажем, что ваши ребята выбрали из меня лишние знания? — Бернадт сел, отворачиваясь, избегая прикосновений Ребекки, но покачнувшись и ухватился за ее плечо. — Хотя нет, вы такие увлекающиеся люди, что можете выбить из меня что-нибудь более нужное, мозги, например...

Он заставил себя встать, опираясь на Бекку, фокусируя зрение и успокаивая рванувшееся было наружу содержимое желудка. Потом укоризненно посмотрел на виновницу своего неприятного приключения.

— Если я откажусь, меня ждет подворотня и проломленный череп? А если соглашусь, то какие плюсы? Зарплата? Оборудование? График работы? Ей-богу, девочка, давай уж, рассказывай, что знаешь...

— Обращайтесь ко мне, пожалуйста, по имени, — Бекка поддержала доктора за руки. — График работы вам обещаю плотный. Новое место жительства, широкий сплоченный коллектив. Возможность работы с новыми материалами и механизмами — простор для импровизации и новых идей! А честно говоря, наши думают, что вы не справитесь, что в подметки не годитесь Джепетто, способного заставить человека жить с коробкой от обуви и парой шестеренок вместо органов. Но выбора у нас нет, а вы так рьяно интересовались делом, что практически в паре со мной подписали пожизненный контракт на работу.

— Интересно. Ладно, давай не будем затягивать и пойдем со всеми познакомимся. Потом, когда у меня перестанут трястись руки и разрываться от боли голова, можно будет посмотреть, ровня ли я вашему предыдущему мяснику, — Бернадт сделал шаг вперед, качнувшись в сторону. — Помогите-ка мне, Аврора.

— Вы бы вполне могли полежать немного. Вечером я вас познакомила бы с ребятами. А завтра помогла убраться в операционной. Вам, как акуратисту, это, наверно, важно.

Бернардт снова посмотрел на нее. Ребекка успела сменить платье, теперь на ней были белая блуза, надетая на корсет, и брюки. Потом он снова оглядел свою камеру. Она не блистала порядком и шиком: маленькая комната, душная из-за чрезмерного отопления, с покосившейся узкой софой, стулом, на котором стояла побитая временем плошка с водой. Что-то стучало за стеной и гудело — надоедливые звуки, которые для больной головы становились невыносимее с каждой минутой.

— Плохо умею спать в одном помещении с теми, у кого я в рабстве, — доктора, наконец, оставила напускная веселость, и он тяжело опустился на софу, передумав выходить и знакомиться со своими похитителями. Он закрыл лицо руками, выдохнув, помассировал виски. — Венера, выйди на пару минут. Оставь меня.

Ребекка вышла, прикрывая за собой дверь. Бернадт слышал, как она подперла спиной дверь. Завод, значит? Что ж, имея представление о лондонских заводах — практически небольших городах, доктор знал, что сбежать, не зная территории, невозможно. А вот заблудиться и умереть с голоду в какой-нибудь заброшенной кладовой очень даже реально.

Бернардт глухо застонал, отчаянно.

— Агата! Можешь вернуться... — позвал он. — Помоги мне встать, и покажи операционную, а вечером со всеми познакомишь.

Нужно хоть чем-то занять руки, сейчас мелко дрожащие. Доктор не знал, что делать, чтобы стало лучше, только какая-то глухая тоска не давала успокоиться. Так, наверное, чувствует себя лиса, попавшая в капкан, и чтобы убежать, вынужденная отгрызть себе ногу, только для того, чтобы умереть еще более жуткой смертью. Бекка села рядом с ним:

— Я понимаю. Все кажется более чем ужасным, — она коснулась его плеча. — Потерпите какое-то время, Бернардт. Обещаю, что вытащу вас отсюда. Просто постарайтесь быть нам другом, помочь нам.

— Пойдем. Не заставляй меня устраивать тут истерику и злить тебя, Мари, — Бернардт выдавил из себя улыбку и похлопал Бекку по ладони. — Покажи мне операционную, я хоть знакомым делом смогу себя занять, а то мне сейчас так страшно, что я даже не представлял, что могу дрожать.

По пути в операционную Бекка показывала ему и другие важные места, такие как душ с туалетом, рядом с комнатой доктора, ниже столовую, еще что-то, что совершенно не запоминалось в переплетении переходов, труб и лестниц. Не завод, а просто механическая империя! Операционная была в небольшом подвале. Одна лампочка нервно мигала. Было два стола, один меньше, другой больше, вокруг много не совсем медицинских инструментов и механизмов — все больше походило на мастерскую механика, нежели хирурга.

— Вот здесь я провела много времени, — сказала Ребекка. — За той дверью что-то вроде палаты на две койки.

Она ходила по операционной, касалась пальцами выложенных на полках инструментов. Бернардт понял, что эта операционная для нее скорее память об умершем друге, человеке, не раз державшем ее жизнь в руках.

— Когда после Рождества пройдет затишье, и будут новые заказы, я тоже не раз окажусь на уже вашем столе. Как-то так, — она похлопала ладонью по столу, как хлопают по холке коня, успокаивая его перед тем, как заскочить в седло. — Здесь, конечно, стоит убраться, но для этого вам стоит пообщаться с механиком, чтобы лучше представить оснащение наших ребят.

— Не верится, что здесь действительно кого-то оперировали, — доктор покачал головой. — Да и тебе надо дать время отлежаться, чем все время перекраивать грудину. Чем они вообще думают?

Бернардт сердился. Инструментарий Джепетто привел его в ужас. Разве что скальпели были не ржавыми, да и только. Непонятно, как с помощью этого железа можно работать с людьми.

— Ощущение, что тут развинчивают старые автоматы, а не оперируют людей.

В ответ Ребекка лишь виновато пожала плечами.

— Рабочие завода оснащаются куда тяжелее людей, которым вставляют механические органы. Поэтому здесь больший упор на механику, — в комнату вошел человек, мужчина, хотя облик его первым делом заставлял отшатнуться: так мало он походил на человека. — Но я верю, что мы сработаемся, и с этим не будет проблем.

У вошедшего вместо лица была маска, с конусом, похожим на клюв, совсем таким, как у маски в кабинете Бернардта, только от этой еще шли разнообразные трубки и ряд окуляров, да и это не была просто маска — таким было лицо человека. Протянутая для рукопожатия рука тоже сверкала в неясном освещении трубками и механизмами.

В операционной пахло скорее как в мастерской — маслом, железом и разными техническими жидкостями, но вот запах от человека в маске все равно выделялся — вкус чего-то горелого, приторного, а так же пота и старой, будто отсыревшей ткани.

— Бернардт, это Патрик — наш главный механик и мой муж, — представила его Бекка.

*Иллюстрация Царакаевой Ирины

— Я уже работал с подобным, — вместо приветствия сказал Бернардт, делая вид, что его волнуют только профессиональные вопросы. — Это проще чем тонкая хирургия, но работать с этой ржавчиной я не буду. Могу я просить принести некоторый инструментарий из моего дома, сделать нормальное освещение и кое-что по мелочи, прежде чем мы начнем хоть какие-то отношения? Доктор Штейн сделал каменное лицо, облик Патрика его не впечатлил. Трубки могли говорить либо о том, что была пробита шея, либо что работать приходится в тяжелой, загрязненной среде.

Да и этот 'муж' — не тот ли подонок почти обнулил итог дорогостоящей операции Бекки и теперь украсил ее лицо синяками? Хорошо же они тут людей спасают. Скорее просто пытаются продлить срок их службы, прикрываясь благородными намерениями, типичные фанатики.

— Конечно, мы отправим ребят привезти нужное. Под присмотром Бекки, раз уж вы общались, — скрипучий утробный голос, раздающийся из-под металлических пластин и прочей механики, не выдавал одобрения, хоть главный механик и старался быть вежливым. — Что касается Бекки... Иди сюда.

Девушка подошла к своему супругу, тот повернул ее спиной и постучал где-то в районе поясицы:

— Когда заказ надо доставить совсем скрытно, мы пользуемся услугами Бекки. Там есть небольшая полость, это очень удобно, а корсет позволяет ей не так долго валяться после операции.

— Забавная конструкция, — Бернардт улыбнулся, убрав одну руку за спину, чтоб не сорваться в бесполезную драку, в которой наверняка выиграет Патрик. — В чем смысл всего этого? Деньги? Борьба с прогрессом? Простое желание управлять кем-нибудь с исковерканным представлением о морали и законной деятельности? Не поймите неправильно, но, кажется, мое окружение почти не изменится, несмотря на пребывание на вашем заводе...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Явно прозвучал намек на психбольницу, но Бернардт боялся и пытался хоть как-то заглушить свой страх. Патрик его намека не понял, или умело проигнорировал, но ответил:

— Скажем так, я делаю эти детали — подделки под засекреченные оригиналы. Но я такой же исполнитель, как и Бекка, и прочие. Даже я не знаю, кто стоит на самом вершине. Наша с Беккой работа позволяет помогать друзьям. Никакой идеи, никакого фанатизма, — Патрик прошелся по операционной, подвинул что-то из механизмов, глянул на мигающую лампу. — Думаю, мистер Штейн, если бы у вас было больше родственников, будь у вас дорогие вам друзья и коллеги, вы бы тоже постарались продлить их жизнь.

— Дело в том, что мы, по сути, не нужны уже государству, у нас нет особых льгот, чтобы накопить на старость, — Ребекка поддержала мысль своего супруга, но Бернардту показалось, что она старается незаметно отодвинуться от Патрика. — Нужно отслужить определенное количество лет, но многие становятся ненужными гораздо раньше. Да и никто не отменял несчастных случаев. Мы просто стараемся выжить, — добавила она без прежнего азарта, даже со смущением.

— Советую вам отдохнуть и поужинать, — перебил ее Патрик. — У меня сейчас много работы, но завтра я покажу вам свободные протезы и с тех, кому мы их поставим. Бекка поможет вам оборудовать комнату, обратиться в операционной и прочее. Можете

распоряжаться ею.

Бернардт взял со стола один из протезов и вытащил из него рычажок контроля силы, задумавшись о чем-то:

— А пока я побуду тут, разберусь с тем, что мне нужно, а что... — доктор задумчиво покрутил деталь в пальцах, потом резво вставил ее обратно быстро и уверенно, и кинул весь протез в кучу хлама. — Если Бекка принесет мне еды и очки, которые ваши удальцы не догадались прихватить, это будет лучшей помощью с вашей стороны. Патрик, кивнув, ушел.

— Простите, я совсем забыла, — Ребекка достала из-за ворота очки, очечника она не нашла, поэтому просто зацепила их дужкой за кромку корсета. — Извините, за столь непочтительное их ношение. Ну, так я принесу еды?

— Муж? Шутишь, что ли? — доктор взял очки и, вытерев стекла, нацепил на нос. Почти тут же отвернулся к столу, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Молча начал перебирать детали, инструменты и бумаги, валявшиеся в беспорядке, разделяя их на горки нужного и ненужного, постепенно откладывая то, что было совсем хламом, а что еще и послужить могло. Потом хлопнул себя по лбу и обернулся к девушке:

— Ах, да, еда... Спасибо за очки, Бекка, ты тут самая сообразительная, похоже. Так что там про еду?

Бекка вернулась спустя минут двадцать. Она принесла небольшой поднос: тарелка наваристой каши с мясом, чай в жестяной кружке, графинчик с чем-то алкогольным и пара кусков хлеба.

— Патрик спас меня, — тихо сказала она. — Если бы не он, я бы умерла тогда на улице. Потом спас, когда я почти сгубила себя наркотиками. Я обязана ему. Вас удивляет, что он мой муж?

— И это тоже.

За двадцать минут Бернардт успел многое. Инструменты погрузились в медицинское судно, залитые керосином, рядом разместился большой ящик с механическими приборами, отвертками, щупами и тому подобным. Часть протезов оказалась выложена на столе, часть на полу, а остальное валялось грудой в углу. Бумаги заняли свое место на одной из полок шкафа, на которой ранее невообразимой кучей лежал столетний хлам. По полу приходилось пробираться очень осторожно, почти все пространство было занято деталями, лежащими на идеальном расстоянии друг от друга.

— А что было перед этим? У тебя же наверняка интересное прошлое? — доктор сел на край операционного стола, перенес поднос к себе на колени. Он подумал, что, в конце концов, сможет прийти когда-нибудь до поведения Бекки, тревожиться за людей и работать за еду. Низшая ступень существования. Паразитизм наоборот.

— Да ничего интересного, — Бекка, пока доктор ел, принесла воды и начала мыть освобожденные в некоторых местах от хлама полки, протирала ножки столов и ящики. — Мои родители из рабочего класса. Когда мне было двенадцать, моего отца списали с завода, его оснащение устарело, а мы не могли себе позволить новых протезов. Он не выдержал бесполезности и пробил себе голову на штамповальном станке. А мама через год скончалась от гриппа. В четырнадцать я устроилась уборщицей в один кабаре-клуб, к пятнадцати я уже танцевала в нем. Ребекка будто рассказывала не свою, а чужую, малоинтересную историю.

— О, сейчас я вам кое-что покажу, — она подставила табуретку, с нее встала на стол и достала какую-то коробочку с верхних полок. Села рядом с доктором. — Раз уж это теперь ваш кабинет, пусть мой тайник останется тут, хорошо? Если Патрик увидит их — он

выбросит все. Бекка открыла покореженную ржавчиной коробку. В ней аккуратно лежали фотокарточки, сложенная вчетверо афиша, вырезки из газет. Девушка развернула афишу, рекламирующую программу кабаре. Ряд красоток выставлял вперед свои стройные ножки. Девушки улыбались и нагибались настолько, чтобы оставались видны и их стройные талии, и напудренная грудь, приподнятая корсетом. Бекка стояла в центре, моложе своих товарок, но ее формы уже составляли неплохую конкуренцию другим танцовщицам. Глаза ее светились, и даже яркий макияж не казался на ней вульгарным.

— Я долго там танцевала, клуб был среднего пошиба, но благодаря откровенности и свободным нравам его посещали многие богатые господа. У меня появлялись поклонники, которые дарили дорогие подарки, угощали. Я не была шлюхой, но с некоторыми спала. Мне было страшно за свою жизнь, а все эти мужчины казались такими успешными, непоколебимыми, как стена.

— Миленько, — доктор кинул ложку в пустую тарелку и стал потихоньку пить из кувшина, закусывая хлебом. — Просто протри полки, пол подождет, все, что на полу, работает только наполовину, и придется конструировать что-то рабочее из того, что есть. Там, в углу, можно сгрести мусор до второго пришествия или пока не появится литра три кислоты. И насчет освещения, одна мерцающая лампочка — это просто издевательство, проще вообще выключить свет и работать на ощупь. Да, возвращаясь к теме, как ты вообще свернула на кривую дорожку, мощеную наркотиками?

— Как-то раз я ужинала у одного джентльмена, он был ужасен, будто сошел со страниц Диккенса, но я голодала, нам задерживали оплату уже второй месяц, и я была готова есть цветы, которые нам иногда присылали. Его жена пришла как раз в тот момент, когда его руки лапали мои коленки, но скандала не случилось. Эта женщина — Лита — сказала что-то вроде 'какая миленькая' и ушла к себе.

Бекка достала из стопки газетную вырезку с фотографией дамы лет тридцати, весьма симпатичной, с лукавым взглядом, одетой по последней моде.

— Я стала ее компаньонкой. То есть теперь я развлекала не ее мужа, а скрашивала ее вечера. Мы бывали в салонах, скупали самые модные комплекты, курили все, что только можно было достать. Дни, иногда целые недели просто выпадали из памяти, путались в наркотическом угаре вместе с событиями, людьми. Когда она умерла от передозировки, я оказалась снова на улице. Не буду описывать все мои метания, скажу, что меня спасли ребята с завода, а главным образом Патрик и Джепетто. К двадцать первому своему году я стала женой Патрика.

В руках Бекки были еще какие-то карточки, на одной из них — она и ее покровительница. Девушки явно уже были 'хороши', их глаза слишком блестели, они держали друг друга за руки и целовали в губы, с озорством косясь на фотографа.

— Моя жизнь была бесполезным мусором, может быть, и теперь меня ничего хорошего не ждет, но я хотя бы приношу пользу.

— Всех не спасешь, Бекка. Нельзя же всю жизнь страдать за один раз оказанную услугу и проявленную человечность. Ты хоронишь сама себя, я этого принять не могу, — Бернардт некоторое время рассматривал фотографии, потом сложил назад в коробку. Мысли его были полны замыслами побега, но пока он еще слишком мало знал о заводе.

— Послушай, а если я инсценирую свою смерть, что сделают с телом? Бекка захлопнула коробку:

— Сожгут. Я же сказала, что постараюсь вас вытащить. Верьте мне, — девушка

задумалась, проверила замочек на коробке, и вдруг швырнула ее в грудку механического мусора. — Я слов на ветер не бросаю. Пойду, отнесу вашу посуду, после провожу вас в комнату. Уже поздно, и все устали.

Девушка забрала поднос и ушла.

— Здорово! — оставшись один, доктор встал и со злости пнул один из протезов, тот ударился о стену.

Его будущее и спокойную старость эти типы уже разрушили. Никто не станет ждать, когда руководитель вернется на свое место в клинику, да и место хирурга не будет пустовать.

А что здесь? Его и не выпустят никуда, будет коротать свои дни, как последний мясник, как этот проклятый Джепетто, которого угораздило сдохнуть так не вовремя. Будет делать бесполезную, по сути, работу. Зная рабочих, доктор не сомневался, что эти люди не дадут времени на то, чтобы протез прижился, а уж тем более на точную настройку. Скорее они предпочтут проработать на фабрике и еще двадцать раз прийти потом, и, конечно же, в последний момент, когда уже не будет сил терпеть. Бернардит был уверен, что дело так и сложится.

Что остается? Надеяться на Бекку? Ждать посильной помощи от нее? Она и сама-то не смогла сбежать, если хотела, конечно.

— Просто сдохните уже, наконец... — добавил он вслух, это были слова пленника, искренне ненавидящего своих сторожей. Даже Бекку, она была на их стороне, ограничила его свободу — того, кому было наплевать на незнакомых людей и их проблемы. Она лишила его нормальной жизни, заточила тут, на заводе, в варварских условиях.

Он тихо рассмеялся, как безумцы, не так давно бывшие его пациентами. Правильно, надо пока вести себя хорошо и потом потихонечку, узнав все о заводе, бежать.

Когда девушка вернулась, Бернардит вел себя пристойно, собирал части протезов и даже что-то напевал под нос, только взгляд изменился.

* * *

На второй день в операционной все было разобрано, и доктору доставили его вещи. На третий они уже провели с Патриком первую операцию. Несмотря на неприязнь к механику, работать с ним было весьма увлекательно. Еще произошел один несчастный случай — его тоже разрешили успешно, рабочего удалось спасти.

А на вторую неделю на стол к доктору привели Бекку, но не на операцию, а лишь на осмотр. Видимо видно, Патрик планировал новую передачу фальшивых деталей.

Сама девушка никак не вписывалась во все это общество. Хотя все к ней относились с большим теплом.

— Бекка у нас святая, — делился за обедом один здоровяк, левая рука которого могла забивать сваи в пять раз тяжелее него самого. — Мы ее любим. Хотя, честно признаться, кто в глубине души не мечтает, чтобы она скорее уже отчаялась, и вышла работать, так, как положено девке? По-хорошему, так ей бы только лучше было. Все эти махинации слишком опасны.

А женщины девушку недолюбливали, гоняли по поручениям, обзывали хозяйской сучкой, за то, что кто-то сверху запретил портить девушку чрезмерной работой — она их городское лицо. Сама Бекка как-то жила среди всего этого, сильно уставала, часто

нервничала, но не думала уходить.

Бернардт возвращался из операционной и, наплевав на правила, курил. На верхних этажах завода было чуть больше свежего воздуха.

— Бернардт? — голос Ребекки послышался откуда-то сверху. Она свесилась с перил, с балкона почти под крышей. — Дайте мне руки, я втяну вас сюда.

Девушка нашла место, где перила кончались, и легла на пол, чтобы дотянуться до доктора.

— Хорошо, — Бернардт послушался ее и протянул руки.

Вообще, он тут делал все, что ему говорили, или почти все, что не противоречило здравому смыслу, да что там, даже устанавливал неоткалиброванные детали, если так велел Патрик. Он не жалел этих людей, не видел в них людей, и не хотел видеть, если честно.

Бекка еле справилась, чтобы втянуть мужчину наверх, потом долго сидела на полу, пытаясь отдышаться.

— За дверью в комнате есть телефон, мне удалось подключить его, — сказала она. — Позвоните какому-нибудь своему другу, тому, кому вы доверяете. Пусть он поможет перевезти ваши вещи и деньги в безопасное место. Скоро должен случиться заказ, я смогу выйти в город, и у меня есть план.

Доктор кивнул. Вспомнить номер было сложнее всего. Звонок не другу, но тому, кто готов помочь в ответ за старые услуги. Еще несколько звонков другим должникам, и доктор вышел из комнатки.

Уехать, так и не отомстив этим людям, он просто не мог...

Бернардт застыл. Почувствовал боль в ладони и обнаружил, что его трясет от ярости, а полумесяцы ногтей отпечатались на ладони. Он опустил на корточки, посмотрел на Бекку, протянул к ней руку, погладив по щеке.

Хотелось задушить ее и этим самым открыть счет в пользу мести Патрику, но еще было не время. Он склонился над девушкой и поцеловал ее, не зная как благодарить за шанс сделать самому хоть что-то без решений свыше. Благодарность, смешанная с бешенством.

— О, Бекка, ты не представляешь, что ты для меня сделала... Бекка отстранилась, глядя в глаза доктору. Видно, почувствовала скрытую агрессию:

— Я еще ничего не сделала, рано меня благодарить.

Прошел месяц. Бернардит за это время успел просвети несколько операций, да и сама операционная под влиянием нового хирурга обустроивалась лучшим образом — насколько рабочие могли себе позволить. Люди на заводе относились к доктору с уважением, ведь он доказал, что не хуже Джепетто, а порядок в операционной наводил их на мысль, что, возможно, даже лучше.

Ребята никогда не отказывали в просьбе что-либо привезти или добыть из города, хотя жители завода редко его покидали. Сам завод был чем-то вроде небольшого государства. Здесь существовали свои законы, свои распорядки и даже что-то наподобие кварталов. Населявшие его люди казались немного грубоватыми, но в душе добродушными и простыми.

Ненависть будили лишь Патрик и пятерка приближенных к нему людей, занимающихся деталями. Остальные же люди завода не знали ничего про махинации. Как у них появился хирург, скорее всего, тоже не догадывались.

Еще была при заводе женщина уж больно свирепого вида — главная повариха. Необъятная телом, как ей и полагалось. Правая рука механическая, трубки, зажимы и матерчатые, уже порядком истершиеся подушечки на механических пальцах, а вместо правой груди железный щиток. Говорили, что ее покойный муж окатил беднягу горячим бульоном. Эта женщина после того, как Бернардит спас ее сына после несчастного случая на производстве, зачислила доктора в любимчики. Это обеспечивало доктора Штейна толковой и вкусной едой, не тем варевом, что подавали всем остальным. Сама Дора и в глаза-то доктора не видела, но иногда подсылала Бекку то со свежим хлебом, то с кувшинчиком вина.

Бекка же на заводе оставалась замкнутой, никакого намека на то, что когда-то она шалила в трамвае, или как-то иначе баловалась, изображая из себя сумасшедшую. Более того, не верилось, что у нее когда-то могли быть такие глаза, как у молодой танцовщицы с афиши кабаре. Ребекка глаз не поднимала, проходя мимо доктора.

Сегодня было Рождество. Кто-то из свободных рабочих набрался с утра, остальные же с нетерпением ждали конца рабочего дня и праздничной ночи. Кухня работала так, что до стен, где проходили трубы от печей, невозможно было дотронуться, как они накалились. Завод к постоянному своему гудению и скрежету добавил и другие звуки: к шагам людей, выкрикам, сейчас примешалась еще и музыка.

— С праздником вас, — Бекка встала на пороге комнаты доктора, прислонившись плечом к косяку.

На ней было потрепанное платье, видимо, со старых танцевальных времен. Некогда белые и серебряные блески по большей части поблекли, а часть вообще обсыпалась. Подол платья спускался только на ладонь ниже колен, ноги девушки обтягивали белые чулки, а обута она были в поношенные танцевальные туфли.

— Пойдемте вниз, присоединимся к коллективу, — позвала она, грустно улыбаясь. — Не я одна вас зову, а все. Они воображают, что вы ко мне хорошо относитесь, вот и послали меня. Идемте, грех сидеть тут в праздник.

Бернардит оглянулся на девушку и оторвался от перебирания одного из протезов. Тут он зарывался в работу каждую свободную минуту, потому что больше делать было нечего, либо спать, либо пить, либо есть, либо работать, а уж работы было предостаточно.

Куча металлолома стала наполовину меньше, часть даже функционировала в ком-то,

очищенная от ржавчины и пересобранная в рабочий протез. Сам доктор не выглядел замученным, может быть, слегка безумным, но все еще сохраняющим свой прежний лоск.

Бернардт встал и прошел к двери, мимолетно взъерошив Бекке волосы, рассеянно посмотрел вниз сквозь перекрытия старых лестниц. Он собирался отомстить этим людям. Очень скоро. Но стоило ли?

— Останови меня, если я захочу сказать что-то лишнее, Моргана, — сказал он.

Сначала Бернардт думал, что просто передразнивает девушку, намекая на то, сколь лицемерна она была, но сейчас нашел новый смысл в этом действе — путании имен. Он не хотел привязываться к этим людям, не хотел знать их имен, чтобы потом не сделать попытки их пожалеть. А лица, да что лица, он не запоминал их, они были всего лишь пациентами.

Его существование здесь имело те же правила игры, что и в психбольнице: веди себя хорошо, а то злые санитары придут и покажут, насколько ты был неправ.

— У меня есть небольшой подарок для тебя... — доктор вернулся обратно в кабинет и взял сверток в мятой бумаге.

Он закурил, потом разодрал кулек и вытащил оттуда кожаный футляр с фотоаппаратом, нацепил Бекке на шею. И, не дожидаясь ее ответа, стал спускаться вниз по железной лестнице. В полутьме только огонек сигареты тлел. В зале уже вовсю шел праздник.

— О, док! — первый же, увидевший Бернардта рабочий, хлопнул его по плечу. — Смотрите, док пришел!

— С Рождеством, док!

Доктор Штейн получил еще несколько тяжелых шлепков по плечам, нетрезвых объятий и разной степени нелепости пожеланий. Все звали его присесть за их стол, Бернардт выбрал ту, компанию, что сидела подальше от группы Патрика. Самого механика он пока не видел.

Люди выпивали, смеялись, танцевали что-то весьма подвижное, хоть и неуклюже, под веселую музыку. Когда вернулась Бекка, ее тут же закружили в танце. Девушка танцевала прекрасно, с удовольствием принимая участие в музыкальном безобразии. Она смеялась, кружилась, позволяла очередному громиле поднять ее в воздух.

К Бернардту она вырвалась не сразу, тяжело дыша, уперлась руками в стол:

— Это странный подарок. Неужели я когда-то захочу что-то запечатлеть в своей жизни? — ей налили вина, и она осушила половину стакана. — Потанцуйте со мной. Вы же не можете не уметь, — Ребекка протянула мужчине руку.

Доктор кивнул. Он был сегодня необыкновенно молчалив. Танец... он уже и забыл, когда в последний раз делал что-то подобное, отличное от резания чужой плоти, механической настройки деталей или их переборки, пытаюсь, сделать что-то рабочее из того, что имелось под рукой. Как давно он прикасался к женщине?

После выпивки в зале стало уже гораздо меньше танцующих. И Бернардт согласился. Что-то щелкнуло внутри, захотелось почувствовать себя хоть чуть-чуть человеком, а не медицинским автоматом, в которого он неуклонно превращался.

Бекка вывела мужчину в центр залы. Рабочим понравилось, что девушка снова будет танцевать, а импровизированный оркестр, увидев в паре с ней доктора, заиграл нечто мелодичное. Ребекка улыбнулась, хоть и не смотрела на Бернардта. Она протянула ему вторую руку и сделала шаг вперед, оказавшись так близко, что коснулась его грудью.

Он положил руку на ее талию, прижимая к себе еще ближе, склонил голову, касаясь щекой ее волос. Глубокий вдох, мягкое покачивание на ногах, попытка прочувствовать партнершу. Близкое объятие оказалось неожиданно удобным, и Бернардту чудилось, что он

слышит чужое сердце.

Он начал танец. Их ноги переступали легко, бедро девушки то и дело касалось его, а ее рука покоилась за плечом, легко обнимая шею. Доктор забыл обо всех устремленных на них взглядах, растворяясь в каждом движении, своим и ее.

У Бекки были теплые щеки, бархатная кожа, иногда ее ресницы, щечоча, скользили по щеке мужчины. Если положить ладонь на ее шею, то под ворохом волнистых волос таилось влажное тепло — от предыдущих быстрых танцев.

Девушка забывалась под музыку, наверно, раньше она была отличной танцовщицей, или дело было не в старом ремесле, а в ее партнере? Иногда рука Бекки покидала ладонь доктора, и она легко касалась его шеи, лица. Только ее взгляд не удавалось поймать.

Фигуры танца чередовались, то следовали быстрые шаги в четверть счета, только и успевай переступать, то темп замедлялся, и казалось, будто пара просто застыла или попала в густое невидимое желе. Даже нынешние зрители, не привыкшие к подобным танцам, почувствовали, насколько далеки от этой пары, от этого изящества, грусти и невысказанной страсти.

Музыка стихла. Кто-то, засмотревшись, вообще выронил инструмент, и доктор остановился, не выпуская девушку из объятий. Какие-то несколько секунд, но настолько интимные, что не верилось, как вообще они могли возникнуть в окружении всех этих рабочих. Он отступил, и, взяв Ребекку за руку, коснулся губами запястья, не тыльной стороны ладони, или пальцев, как обычно принято. Голос у доктора после танца стал хрипловат, более глубок.

— Ты была великолепна, Бекка, — настоящее имя. Третий раз в этом месте. Первый, когда она захватила его очки, второй, когда дала шанс позвонить, и сейчас.

Бекка ответила улыбкой, взглядом быстро отведенных в сторону влажных глаз. Отчего-то стало невыносимо оставаться здесь, в зале, полном остальных, ненужных людей. Выбежать из столовой? Остаться веселиться? Как вообще мир еще не рухнул после этого танца, почему еще продолжал существовать? Это было совсем лишним, так не хотелось пускать что-то чужое, отличное от близости.

Бекка все еще не убирала рук с плеч доктора. Ее короткий взгляд, мазнувший по лицу Бернарда секундой раньше — сколько невысказанного было в нем! Может, Бекка и обманывала с самого начала, может, она лгунья, аферистка, преступница, в конце концов, она заманила доктора в это место, но как все это далеко от того, что таилось в ее глазах!

Десятки чужих взглядов, устремленных на пару, все же подействовали на доктора отрезвляюще. Он не должен забывать, что застрял в этой 'стране щелкающих механизмов'. Бернардт покачнулся, потом выпустил руку Ребекки и нацепил на лицо свою фальшивую улыбочку: 'кажется со мной не все в порядке, но, пожалуйста, не беспокойтесь'. Девушка видела ее довольно часто, и точно знала, насколько та наигранна.

— Всем хорошо отпраздновать, а я пойду спать, что-то совсем вымотался. С Рождеством! — Бернардт пошел к лестнице, но послал Ребекке взгляд, приглашающий последовать за ним. Доктор даже захватил бутылку вина со стола, хотя, возможно, ему и всучили ее по дороге. Бекка постучалась спустя минут пятнадцать. Конечно, Патрика не было в зале, он работал, он терпеть не мог праздники, но лишняя осторожность не повредит. Да и эти минуты дали время Бернардту подумать о том, придет девушка или нет. Ребекка закрыла за собой дверь:

— Я никогда не танцевала так.

— Как? — Бернадт покопался в столе, достал оттуда вторую кружку, плеснул вина и протянул девушке. Он так и не поднялся со стула, оставаясь сидеть, закинув ногу на ногу. Половина бутылки уже была опустошена, а взгляд доктора стал мягче и нежнее.

— В паре, — пояснила Ребекка, приняла кружку в неуверенные руки, но даже не пригубила, отставила на столик. — Хочу быть трезвой.

— Разве на праздник не положено пить вино и радоваться? — доктор опрокинул в себя остатки из своей кружки, поставил ее рядом с Беккиной и неожиданно уткнулся в колени девушки, присевшей на краешек стола. Его руки обняли ее властно и осторожно одновременно.

— Наверно, положено, — растерянно и в то же время успокаивающе проговорила Бекка, проводя ладонью по волосам мужчины. — Вы, должно быть, страшно меня ненавидите.

— Ты сделала меня никем. Совершенно бессильным. Я не знаю, как к тебе относиться, — доктору хотелось плакать, проклятое вино на голодный желудок, на измотанное ненавистью сердце, доза спиртного для обезумевшего сознания оказалась чрезмерной.

Бернардт злился на себя: с полбутылки расклеиться. Но видно, слишком уж велико напряжение, и разум решил взять выходной после многих недель сплошных переживаний и работы.

Ребекка была ему одновременно и близка, и вызывала неприязнь своим желанием похоронить себя ради других людей, которые не испытывали к ней той благодарности, какой она заслуживала. Не раз он хотел начать ошибаться на операциях, убивая потихоньку, не сразу, чтобы смерть через некоторое время можно было списать на отказ механизмов или плохих сосудов, но все не начинал, ведь главные враги все равно бы остались вне досягаемости. Патрик и его банда.

— Нет, не правда! Ты всё, — Бекка соскользнула со стола, опускаясь на колени перед Бернадтом, отвела разметавшиеся волосы с его лица. — Ты — шанс для многих, ты — руки, которые могут удержать жизнь. Ты — единственное, к чему мне бы хотелось стремиться в этой жизни.

— Это слова, — в прошлый раз он убеждал Бекку, что могут помочь не только поступки, но и слова. Теперь, кажется, пришла ее очередь. Такая ирония судьбы вызвала безмолвный смех, и плечи доктора затряслись в нелепом припадке.

Женское тепло обещало защиту, обещало отдых, и он поддался этим обещаниям, потянул Ребекку на себя, сажая на колени, откинул каштановые локоны с ее белых плеч, припал поцелуями к шее.

Ребекка сказала растерянно:

— Знаешь, у меня есть только два пути. Навсегда остаться тем, что послужило началом этого несчастья в вашей жизни. Или стать чем-то светлым, тем, что было рядом в сложный период.

— Тогда, может, уйдешь из этого города вместе со мной? — доктор нащупал шнуровку корсета и стал распутовывать ее.

Хотелось просто наброситься и разодрать все, что не давало до конца насладиться ее кожей, разгоряченной и мягкой. Он что-то отвечал ей, но уже не слушал ни ее слов, ни своих.

— Что же я там буду делать? — грустно улыбнувшись, спросила Бекка таким голосом, будто бы спрашивала ребенка.

Корсет сдался легко, а платье и того быстрее, на девушке остались только небольшие шортики, опять же танцевальные, и широкий пояс, к которому крепились все эти, как казалось, бесчисленные подвязки для чулок. Девушка прижалась щекой к щеке Бернардта, шепнула на ухо:

— Поцелуйте меня.

Он исполнил ее просьбу, даже больше. Он целовал ее долго, снова и снова, больше ничего не говоря.

Все, верно, решают поступки, не слова. Нет смысла переубеждать, уговаривать на побег, он просто заберет ее с собой, как только выдастся такая возможность. Если уж Бернардт когда-то мог играть в опасные игры со знатными семьями, которые не чурались грязных трюков и имели у себя целые гвардии убийц, то что могут сделать с ним эти бедняки?

Бернардт ликовал, скоро его заточение кончится, а пока он возьмет все, что может.

*Иллюстрация Царакаевой Ирины

* * *

После рождественской ночи все стало иначе. Не показывая на людях своего отношения к Бекке, доктор был с ней нежен и довольно настойчив, если они оставались одни. Избегал Патрика, возился с чем-то, уже не так много времени уделяя протезам. Переродился и его взгляд, это был уже не загнанный в ловушку отчаявшийся человек, но охотник, который выжидает нужного момента. Потому доктор избегал тех, кто мог это почувствовать и насторожиться.

Нужный момент, однако, откладывался. Бернардт уже продумал, как мог бы сбежать отсюда сам, он изучил завод, как свои пять пальцев, но не мог уйти просто так, простив этих людей и не взяв с собой ту, к которой привязался.

Бекка тоже была осторожна, не давая ни мужу, ни другим рабочим повода для подозрений.

Бернардт слышал в коридоре тяжелые шаги, тут многие весили больше, чем обычные люди, но прихрамывал только один — Патрик.

— Бекка! — крикнул тот своим надтреснутым голосом.

— Минутку, дай поставлю тазы, — через мгновение послышались быстрые шаги Бекки, взбегающей на лестницу. Потом обратно, и она подошла к Патрику, они, судя по слышимости их голосов, стояли за углом коридора у комнаты доктора. — Тебе что-то нужно, Патрик? — голос Бекки звучал нежно и приветливо.

— Скажи, Бекка, ты трогала телефонные линии?

— Вот еще, делать мне нечего! Патрик, опрашивай тех, чья работа заниматься аппаратами, я из прачечной не вылезаю.

— Я посмотрел вчера распечатку звонков по заводу и увидел старый номер, который вел в сторожку под крышей, — в голосе Патрика эмоции не читались, из-за помех он всегда казался угрожающим, предвещающим недоброе.

— Там давно ничего нет, все промерзло, наверно. Под крышей-то. Ты ошибся, Патрик. Хочешь, я пересчитаю вечером?

— Да, я тоже подумал, что ошибся, — здесь, наверняка, Бекка собиралась выдохнуть, но Патрик продолжил, — и я запросил счета с телеграфа, три вызова с этого номера. Ты

объяснишь мне, в чем дело, Бекка?

— Я не знаю, правда. Отпусти меня работать.

— Ты ходила в сторожку? Вернись сюда, Бекка! — удар было слышно даже за стеной, потом, судя по звукам, Бекка упала.

— Патрик, прекрати! Я ничего не трогала! Никто ничего не трогал.

— Бекка, что ты творишь? — спросил Патрик уже тихо. — Упаси тебя бог навредить тем, кому ты обязана жизнью. Бекка, это же наше дело, наши ребята. Мы семья. Где бы ты была, если бы не мы?

— Может, лучше ей было оказаться в раю, а, Патрик? — доктор поспешил к ним, и сейчас улыбался, поставив одну ногу на высокий порог. Он поднял Бекку на ноги и прижал к себе, а Патрик вдруг увидел глаза демона, в которого все эти месяцы методично превращался Бернадт. — Все лучше, чем затащить ее в ад...

— Я распоряджусь закрыть лишние выходы и поставить охрану и дежурных из свободных рабочих, — рокот, рождаемый маской механика, налился еще большей угрозой. — Ладно, Бекка, думай о том, что ты делаешь. Сейчас совсем не время дурить, наш наводчик убит. Поэтому я объявляю карантин, никто и никуда не выйдет с завода.

Патрик повернулся и ушел, видно, бить свою жену было для него обычным делом.

— Я испачкаю тебя, — Бекка отстранилась, прикрывая рукой разбитую губу. — Я начинаю недолюбливать парней с железными руками.

— Ты знаешь, что подпольная хирургия запрещена, вплоть до смертной казни, Бекка? — Бернадт отпустил девушку, и по одному его решительному выражению лица стало ясно, что доктор больше бездействовать не собирается, и еще несколько недель ждать не будет. Так же стало ясно, что он не собирается втихаря убежать. Доктор наклонился к Бекке и нежно коснулся лица: — Ты способна меня возненавидеть, любимая?

— Бернадт, ничего не смей сейчас делать! — Бекка вцепилась в руки доктора, ее подбородок и ворот блузы были в крови, а взгляд очень испуган. — Ничего не делай, пожалуйста! Мы подождем еще немного и спокойно уйдем отсюда, пожалуйста, не надо никого заставлять страдать, — девушка шептала очень быстро, будто боялась не успеть привести все доводы. -

Пожалуйста, не глупи. Я знаю этот мир, знаю механизмы этой стороны, я нас выведу. А ты знаешь мир вне завода — оставь себе заботы о том, что делать на воле. Просто потерпи еще немного! Тебе плохо со мной? Просто, ради бога, не делай сейчас ничего. Я же все продумала, просто потерпи.

— А кем будет следующий доктор, Бекка? Таким же пленником, как я? — Бернадт холодно усмехнулся.

Он сильно изменился. Больше доктор не был тем, кого она встретила когда-то давно, и даже не тем, кого приволокли сюда. Как будто став огромной змеей, Уроборосом во плоти, он начинал разворачивать свои кольца, чтобы поглотить этот маленький мирок и, возможно, себя вместе с ним.

— Я мог выбраться отсюда две недели назад, но раскидывать улики незаметно так сложно, правда? Если все так и останется, то я начну решительно действовать через два дня.

— Ты всех нас погубишь! — Бекка отпустила руки мужчины, снова прижала ладонь к лицу, наклоняясь, чтобы кровь капала на пол, а не на одежду. Кажется, ее немного трясло. — Я предлагаю просто уйти отсюда, оставить все это на волю Господа, это его забота! Его суду можно карать и давать кому-то право на жизнь или губить. Бернадт, если все это время я не

зря страдала, если это хоть что-то стоит, всеэти многочисленные операции, все побои и обманы, ты не уничтожишь то, ради чего я на это шла! Ты не понимаешь, что завод ни при чем. Ни я, ни Патрик не принимаем решений! Ни о сделках, ни о твоём похищении! Они такие же рабы, им так же страшно!

— Прости, но это ты не понимаешь, — прервал поток взволнованных речей Бернадт. — Просто убежав, я открою на себя охотничий сезон. Это не единственный филиал этого предприятия, а вы не единственные люди, занимающиеся этим, как ты сама сказала. Эти люди... ты не можешь быть им нянькой вечно.

Похоже, бесполезно было говорить об этом с Беккой, решил доктор, но она заставила его отложить свой замысел на два дня, умерить гнев на время.

— Обрубить концы, — Бекка вздрогнула, услышав скрипучий голос возвращающегося Патрика. — Мистер Штейн, мне было чертовски приятно с вами работать и очень жаль, что я вынужден идти на чрезвычайные меры.

Люди в коридоре появились быстро, обездвижили Бернадта, заломив руки за спину. Один рабочий схватил и Бекку.

— Придется немного сбить ваш пыл, пока вы снова не станете пригодны для сотрудничества, — сказал Патрик. — Очень удачно, что до этого вы были так трудолюбивы, и нам еще не скоро понадобятся услуги хирурга.

— Вам бы было полезно дослушать, что еще вытянет из меня Бекка, — Бернадт и не сопротивлялся, только оскалился и висел на чужих руках, не в силах оказать сопротивление. — Так знайте, что звонок был не один!

— Поверьте, мы примем меры. И очень жаль, что вы даже не сможете узнать, удался ли ваш план, — лица у Патрика не было, а голос его звучал уже бесстрастно. Бекка плакала, здоровяк, державший ее, делал это осторожно, не желая повредить и так побитой девушке.

* * *

Несложно представить, что в таком огромном механизме, переплетении труб, коридоров, цехов существуют комнаты, о существовании которых можно и не догадаться. Иногда казалось, что про доктора забыли, просто решили похоронить в этом железном коробе, по недоразумению называемым комнатой. Еды и воды приносили много, но редко, приходилось экономить.

Через некоторое время, счет которому доктор потерял, для Бернадта открыли плохенький санузел, где имелся даже водопроводный кран. Затем принесли его собственные вещи первой необходимости.

Если раньше ситуация казалась абсурдной, то сейчас рехнуться стало легче легкого. Здесь было тихо, как в могиле, не доходили звуки, от которых гудел и скрежетал целый завод. Только всепоглощающая тишина.

Появление Бекки стало неожиданностью. Сколько с последней их встречи прошло времени: неделя или месяц? Рыдающую девушку впустили в камеру, всучили ей в трясущуюся руку фонарик, а та не могла даже слова сказать, даже по имени назвать, то и дело всхлипывая.

— Успокойся. Здесь плохая вентиляция, так что дыши ровнее, — Бернадт подскочил к ней, как только дверь снова заперли.

В комнате было холодно, но доктор выглядел нормально, насколько это возможно. Сейчас он готов был 'их' убить немедленно, только бы ему дали возможность. Даже мольбы Бекки не остановили бы его. Он обнял девушку, потянув за собой к крану, где можно умыться.

— Бекка, все нормально, посмотри на меня, слышишь. Все хорошо, — он смочил ее лицо холодной, пахнувшей железом водой, — теперь все будет хорошо.

— Ну, как же все будет хорошо? — Бекка стала дышать чуть ровнее, успокаиваясь от воды и близости Бернарда. — Может быть, скоро будет заказ. Может быть, тебя выпустят вмонтировать мне деталь для перевозки. Господи, уже месяц, как ты тут, — девушка заплакала снова, она развернулась к доктору, вжимаясь ему в грудь. — Все совсем плохо, Бернардт.

— Я тут не особенно скучаю, — он взъерошил ее волосы, улыбнулся обнадеживающе. — Расскажи мне, что произошло наверху за это время?

Бекка отстранилась от доктора, вышла из уборной и села на его кушетку, сгорбившись. Она выглядела измученной, ее глаза припухли, руки обветрились и покраснели от работы в прачечной, которой ее решил наказать Патрик.

— Я хотела прийти к тебе чуть раньше, но не решилась, зная, что не смогу промолчать, — Бекка нагнулась еще сильнее вперед, сжимая коленями переплетенные пальцы. — Я жду ребенка. Пускай я не пригожусь тебе там, на воле, но теперь и я хочу выбраться отсюда.

— Я с самого начала хотел забрать тебя с собой, Бекка, так что не говори глупостей. Разденься, осмотрю тебя, — по-прежнему спокойно сказал доктор, но в душе ощущая некоторый шок. Беременности он не ожидал. Да его свидания с девушкой были частыми, но почему-то в голове не укладывалось. — Знаешь, ты так часто говорила мне подождать, что я уже почти привык быть тут. Но теперь, конечно, я думаю, что больше нельзя ждать.

— Пожалуй... — Ребекка не спешила раздеваться. — Я тебе сигарет принесла. Нашла на столе. Страшно подумать, что будет, если Патрик узнает про...

— Плохая вентиляция, я уже говорил, курить не стоит, — Бернардт небрежно сунул пачку под матрац. Желание осмотреть женщину не угасло. Мало ли что, к другому врачу она явно не обращалась, а Патрик, скорее всего, ее бил. — Какое сегодня число? Двадцать седьмое, кажется? Один мой пациент придет меня навестить совсем скоро, если уже не... Так что там с Патриком? Он что-нибудь придумал, кроме как пытаться угнетать всех своим видом и ограниченным пространством?

— Была попытка проверки завода. Потом еще одна. Надо ли говорить, что если я здесь, то все для Патрика прошло удачно? — Бекка расстегивала блузу, ее глаза смотрели на него с нежностью. — Вообще, сейчас и Патрик боится лишний раз вздохнуть: приехали люди сверху, хотя и они не есть верхушка. Я не знаю, кто они, не знаю, о чем говорят и какие решения принимают.

Бекка закончила раздеваться. Иногда она была слишком послушна, а иногда до невозможности упряма.

— Слушай, если заказ будет на дорогую поставку — деталь будет во мне. Но я, — Бекка подошла ближе к Бернарду, чтобы их никто не услышал, и заодно прижаться быстро замерзающим телом. — Я не доберусь до заказчика. Я сделаю звонок на завод и скажу, что они не могут сами достать заказанную деталь, что просят прислать тебя. Патрик не откажет. Правда, за людей сверху я не могу ручаться. Но Патрик их сможет убедить.

— Ты слишком наивна. Меня все равно поведут под охраной, какой смысл в твоём плане, если Патрик перестрашует? Я уверен, я за время заключения поумнел.

Их могли сейчас подслушивать, акустика маленьких помещений вполне позволяла такое. Он не мог довериться, если и второй план не удастся, то лучше не рисковать.

Бернардт прощупал ее ребра, подвздошье, живот. Хотя конечно, тут требовался не хирург, а гинеколог. На ощупь он определил, что у нее не было трещин в костях или сломанных ребер, что пока все в порядке. Потом накинул на Бекку одеяло, сел рядом и задумался.

— Говоришь, верхушка... много их?

— Этого и Патрик не знает. Он просто подделывает детали и координирует людей на заводе.

Бекка все еще не могла расслабиться. Бернардт ее понимал, раньше ее жизнь тоже не была спокойной, безопасной и радостной, но сейчас, казалось, достигла апогея. И причиной этому стал он сам.

— Наверно, я могу провести тут с тобой много времени, но мне придется уйти — я просто буду тебя объедать и красть лишний воздух. Нет смысла вести беседы о деле деталей, давай лучше согреем меня, — Бекка положила подбородок доктору на плечо. — А потом я расскажу тебе о том, как мы будем жить на воле. Какой там свежий воздух, чистая вода, красивые люди. Что мы больше никого в жизни не обманем, что нас не за что будет ловить.

Бернардт понял. Проще подумать обо всем позже, ведь эта женщина скучала по нему, так же как и он по ней. Сейчас между ними не должно остаться лишних слов, только тепло и страсть, та любовь, которую пока еще не признали обе стороны. Поцелуи, объятия, время на то, чтобы прийти в себя — совсем короткое.

* * *

Время шло. Может, Лондон уже впускал в себя весну, может, все еще оставался закован в зимние холода. Под землей царил лишь неизвестность, растягивая в вечность однообразное течение времени.

В камере казалось, что огромный механический монстр — завод, уснул, похоронив в своем погасшем чреве пленника. Но нет, выше он все еще гудел и скрежетал, перегонял пар по своим медным и жестяным венам. Он был по-прежнему бурлящим, разгоряченным драконом.

На собрание пригласили и Бернардта. В комнате были он, Бекка, Патрик и еще двое из компании главного механика. Бернардт впервые увидел комнатку Бекки, так он подумал, увидев на столике расческу и заколки, а в углу, на вешалке новое платье из темно-вишневого атласа. Дорогое одеяние говорило о том, что пришло время нового заказа, что для Ребекки готова новая роль.

Доктор исхудал еще больше, щеки, гладко выбритые даже в худшие времена, потемнели от щетины. Патрик говорил только о деле, даже советовался с Бернардтом, будто бы он и не продержал его несколько месяцев в тюрьме. В любом случае, Бекка была в какой-то мере их женщиной, и главный механик это понимал.

— Дело в том, что копия оказалась несколько больше оригинала, собственно, такое и было требование у заказчика, — начал Патрик.

Кто-то из компании уже высказался, что это лучшая работа механика, и что за эту деталь можно вообще выкупить весь их завод. Патрик никак на похвалу не отреагировал.

— Проблема в том, что она не влезет в тот короб, что внутри Бекки. Его можно чуть выгнуть, не вынимая из тела, органам это не сильно повредит.

Ребекка, сидящая на кровати, бледнела с каждым словом. Она привыкла к частым операциям, хотя с каждым разом все дольше и дольше приходилось отходить от наркоза. Но дело было в том, что девушка уже свыклась с мыслью о ребенке.

— Замена короба на другой будет слишком болезненна и потребует куда больше времени на восстановление. А его у нас нет, — Патрик достал старый чертеж короба, который уже давно был вживлен в тело его супруги, протянул хирургу.

Ребекка выдохнула и решительно поднялась. Она кинула короткий взгляд на Бернарда и, подойдя к Патрику, наклонилась к области, где у людей находились уши, и во всем призналась. Доктор видел, как белели от напряжения ее руки, зажатые в кулаки, но девушка все еще склонялась над своим мужем, ожидая его реакции на то, что она ждет ребенка от другого мужчины.

Патрик молчал. Мучительно долго молчал, и по его маске невозможно было ничего прочитать.

— Что ж, — наконец проскрипел его голос, и девушка вздрогнула. — Это не то, чтобы меняет дело, но я отказываюсь принимать участие в такой операции. Не волнуйся, Бекка, я сейчас пойду и скажу боссу, что мы не приемлем такой вариант. — Патрик встал, пошатнувшись, вроде как его хромота стала еще заметнее. — Бернардт, вы составите мне компанию, чтобы убедить их в том, что сейчас мы не можем рисковать здоровьем Бекки?

— А разве я могу отказаться? — доктор не понимал, как мог спокойно стоять и слушать все, что говорили эти люди. Внутри горело пламя злобы, и только чудом он держал себя в руках. Он вышел вслед за Патриком, не собираясь что-то доказывать, но собираясь, наконец, что-то делать.

Завод гудел. За время заточения доктора произошло уже несколько несчастных случаев со смертельным исходом, люди попадали под прессы, станки, случайно падали с лестниц, будто проклятие обрушилось на это место. Не было ни малейших подозрений на кого-либо, все происходило при свидетелях, но частота ужасала. Около десяти смертей за два месяца, да еще, за время заключения Бернарда, детали у некоторых рабочих пришли почти в полную негодность.

— Можете и отказаться. Спать с Беккой ведь не значит о ней заботиться? — Патрик шел быстро, следом его соратник, позади Бернарда другой. — После того, как тут все пошло наперекос после ваших операций, не хочется доверять вам Бекку.

Босс ждал их в худо-бедно оборудованном к его приезду кабинете. И новость привела его в бешенство:

— Из вас — уродов, эта девка единственная, кого можно выпускать на улицу!

Боссом был высокий человек, наверное, еще больше Сэма из клиники Бернарда. Не нервничал и суетился он так, будто рожден был маленьким толстячком. Хотя рычание, звучащее в его словах, уменьшало желание над ним шутить.

— Кого мне убить? Кому хватило мозгов обречь ее?

— Она моя жена, — Патрику и его команде пришлось отойти к стене, чтобы дать свободу мечущемуся по кабинету шефу. Главный механик был настроен не менее серьезно, чем его босс. — Мы не станем делать операцию.

Босс ответил ударом. Он схватил со стола какой-то бесформенный протез и залепил им по маске Патрика. Если бы не стена, механик упал бы, а так он медленно сполз по ней на пол.

— Послушайте, крысы, сюда, — здоровяк чуть успокоился и сказал с расстановкой и предупреждением, — либо вы делаете так, как мы договорились, либо я сам ее выпотрошу.

— Крысы? — Бернардт шепнул себе это под нос, покачав головой.

Он раздумывал, согласиться с этим человеком в том, что Патрик и его банда — 'крысы' или нет. По всему выходило, что тот прав. А вот решение об операции Бекки было плохим, однако, кажется, выбора не было. Конечно, можно просто убить этого человека, если убедить Патрика, но тот наверняка приехал не один, а с охраной.

Доктор промолчал — достаточно он проработал с психами, чтобы знать, чем все кончится, этот человек вел себя так же.

* * *

Операция прошла успешно — Бекка выжила, короб деформировали, как требовалось, но плод... его пришлось удалить. Бернардт винил себя в том, что не смог сосредоточиться. Сложно оперировать ставшую тебе родной женщину и удалять своего же ребенка из ее чрева из-за нехватки возможностей, помощников, времени, оборудования, собственных ошибок. Отсутствие практики в течение долгого времени сказалось, не хватило, видимо чего-то, или просто судьба.

В любом случае, после того, камера исправлена и вложена в нее деталь, как был наложен последний шов. Бернардт попросил бутылку спиртного, а Патрик не посмел отказать.

Ей увеличили срок на то, чтобы отлежаться, на пару дней, не больше. С перевязками и прочей мелочью мог справиться и Патрик. Но было то, на что механик не мог повлиять, ему пришлось спуститься и привести к Бекке Бернардта.

— Ей пора ехать в город. Постарайся, чтобы она была адекватна, — Патрик пропустил доктора в комнату, подумав, как удачно, что Бернардт еще и психиатр. Механик закрыл за собой дверь на ключ, оставив доктора и женщину наедине.

Бекка лежала на кровати, уже одетая в красивое платье столь насыщенного благородного цвета, что от него преображалась даже неказистая комната с облезлыми стенами. Девушка лежала на животе, прижав к себе подушку, взгляд застыл где-то за границами темного угла. Мелькнула мысль, что если Бекку перевернуть — она бы была, как мертвая — холодная и нездешняя, в последнем своем нарядном костюме.

— Бекка, любимая. Посмотри на меня... — Бернардт встал на колени и склонился над девушкой, нежно погладил ее по голове.

Что сказать женщине, над которой ты проводил операцию и не смог все сделать так, как надо? Он-то прекрасно понимал, что нельзя всех в мире осчастливить и невозможно всегда все делать идеально, нельзя все знать или не ошибаться ни в чем, но как дать понять это Бекке? Сказать, что на этой операции жизнь не кончается, что все будет хорошо?

Он оглянулся на дверь, хорошо, что Патрик ушел, а то бы он сам его выпроводил, неважно как.

— Бекка, все не так плохо, но ты должна еще немного постараться. Скоро у нас будет

такая жизнь, как ты хочешь, как ты мне рассказывала. Матка в порядке, мы заведем на воле целую охапку детей, мальчиков и девочек, только сделай сегодня последнюю попытку, а потом нас никто больше не найдет. Слышишь?

Бекка кивнула. Она, молча, лежала еще какое-то время, потом поднялась на руках, садясь боком.

— Что ж, похоже, у тебя теперь тоже должок мне, — девушка улыбнулась грустно, но и ободряюще одновременно.

Очень женская улыбка была у Бекки. Так улыбаются любящие женщины, закрывая глаза на собственные беды, чтобы поддержать своего мужчину. С любыми горестями и несчастиями, видя такую улыбку, можно жить дальше и ждать лучшего.

— Да, все будет хорошо, — холодные пальцы Бекки обхватили лицо мужчины, совсем, так же, как и тогда на Рождество, когда чуть не начался тот спор о значении слов. — Уже завтра мы будем ехать с тобой на лучшем экспрессе, так далеко, как только можно. Только верь мне и ничего не предпринимай.

— Я не буду... — Бернардт промолчал. Еще когда он сидел в подобии тюремной камеры, уже тогда знал, что его придут навестить. — Надеюсь, нам повезет сегодня.

* * *

*Иллюстрация Царакаевой Ирины

Один из буйных пациентов — Сэл, или Салли Монтгомери Ферчайлд, как его звали раньше — убивающий за идею. Человек, боящийся кошек до панического визга, и один из лучших убийц Лондона. Бернардт попросил выпустить его из палаты двадцать пятого числа, а двадцать седьмого он уже был на заводе.

Такое же проклятие несчастных случаев посетило как-то раз и психиатрическую лечебницу, пока доктор не разгадал убийцу, после этого 'игра' перестала интересовать Салли. Бернардт увидел в нем не только психа, но ценный кадр в будущем. Доктор получил право, чтобы Сэл был рядом с ним.

На заводе кошек не водилось, иначе бы Сэл не пошел сюда. Вокруг доктора было ужасно интересно, Сэл видел, как его заперли, хотел выпустить, но не стал. Видел женщину доктора. Видел Патрика и его людей, некоторых уже знал, видел, как те работают на улицах — всего лишь жалкие шавки, таких убить проще всего. Видел большого босса, все называли его Фитц, и его прихвостней, но с этими рядом не ходил, они были опаснее.

Балки и лестницы стали ему родным домом, он спал где-то под чердаком или нырял в душный смрад между станками, сворачиваясь там калачиком. Вот и сейчас, предвкушая что-то интересное, он подпрыгнул, вцепился костлявыми пальцами в опорную балку крыши и устроился там, с безумной высоты наслаждаясь общей картиной.

* * *

— Выходите, доктор Штейн, — в комнату-камеру доктора протиснулись два здоровяка из пятерки Патрика и сам механик. — Идите за нами, да простит меня Господь, — рабочий

перекрестился и махнул ружьем в сторону выхода.

Коридор был темный, длинный, два фонарика в руках мужчин не разгоняли темноту. Откуда-то еще сильнее тянуло холодом. Куда бы они ни шли, это не было подъемом на верхние этажи завода.

— Патрик, не хочу я дока кончать. Он моего брата чинил.

— Ты слышал приказ, Вил.

Группа остановилась. Впереди идущий мужчина повесил на торчащий из стены обломок арматуры фонарик и попытался повернуть огромный вентиль на железной двери. К нему присоединился еще один рабочий, и вместе они с большим трудом смогли открыть дверь. Доктора же постоянно держали под прицелом.

Дверь открылась, оттуда дохнуло влажным холодом. Вообще в пригородах Лондона, сплошь застроенных заводами, чистого воздуха не было, но даже этот был для Бернарда истинным счастьем.

Темная ночь с матово-серым небом безучастно наблюдала за ними. Пар окутывал стены завода, столбы дыма от котельных поднимались высоко к навсегда скрытым тяжелыми облаками звездам. Под ногами хрустела прошлогодняя трава, подернутая инеем, трескались тонкие корочки льда, намерзшие на лужицах, скопившихся в чьих-то следах.

Где-то шумела вода, скорее всего — слив. Ветер продувал одежду насквозь, трепал волосы. Вокруг ничего не было видно, кроме монументальной подкопченной стены завода и белесого тумана. Это были самые прекрасные вещи, особенно если им суждено стать последними в жизни.

— К стене, доктор Штейн, — Патрик передернул затвор. — Ближе к стоку. Пришлось отходить, чертовому механику вздумалось выбирать место для своего выстрела. Вил снова попросил прощения у Господа, второй громила делал вид, что осматривает затвор у двери.

— Ладно, ребята, валите к черту.

— Спасибо, Патрик. Хватит нам грехов на наши души.

— Дверь прикрой.

Глухо захлопнулась дверь, отсекая нутро завода от свободы. Обидно погибать, наконец, оказавшись за стенами своей тюрьмы. Патрик прицелился. Грохот от выстрела был ужасен, он превратился в весь этот мир, ударил рикошетом в бок металлического монстра — завода и тот, верно, вздрогнул весь до самых своих труб.

Но на этом мир не кончился. Выстрел заставил против воли зажмуриться, но стоило Бернардту открыть глаза, как Патрик уже стоял ближе, держа в руке пистолет, не ружье.

— Позвоните Бекке, как только окажетесь в городе, — механик протянул доктору оружие рукояткой вперед. — Оружие, деньги и номер телефона, по которому вы с ней свяжетесь.

— Спасибо.

Было ли страшно? Было. Но доктор нутром чувствовал, что смерть к нему придет не таким образом, а если и ошибся, что ж, такова его участь. Да и Сэла невозможно остановить, он бы играл тут, пока не осталось бы игрушек.

Убийца оказался позади Патрика не слишком большой тенью, в штанах, когда-то со стрелками, стертых башмаках, бесформенном сюртуке, жилетке, накинутом сверху плаща, драном шарфе и с тесаком в руке. Он коротко поклонился доктору. Сэл был готов покончить тут со всеми, и для начала с механиком, но рука Бернарда его остановила.

— Патрик, я очень хочу вас убить, вы понимаете, за что. Зачем вы отпускаете меня?

— В дурных книжках герои любят говорить речи о своих намереньях. А я скажу, что ребята там, за дверью, они не будут глухи до бесконечности. Конечно, ты можешь и убить меня, но не думаю, что это лучший вариант покончить со всем, что было, — Патрик пожал плечами, повернул свою голову металлической птицы, оглядев Сэла. Потом снова вернул взгляд на доктора. — Если, конечно, можно расценить 'хочу убить' и 'вот он убьет за меня', как джентльменский поступок. Да и Бекка, для нее время бежит сейчас еще быстрее, чем для вас.

— Заведите кошку, Патрик. Я рано или поздно вернусь, но если к тому времени у вас будет кошка, то вернусь только я, — доктор пошел к выходу, а когда Патрик снова повернулся к Сэлу, того уже след простыл, он даже не услышал, как паукообразный человек неопределенного возраста исчез.

Бернардту странно было ощущать, что он теперь свободен, и пока не выбрался за территорию завода, все еще не верил до конца в это. Доктор добрался до телефонной будки и набрал номер, который дал ему Патрик.

— Бернардт? — голос Бекки по телефону звучал иначе, и все же не узнать его было сложно, как и не услышать волнения девушки.

— Бекка, где ты? — интересно, она знала о том, что доктора собираются пристрелить? Если нет, то не стоило говорить ей об этом, решил он. Да и о Сэле стоило промолчать до поры до времени. — Где мне тебя найти?

— Езжай на вокзал. На регистрации твой билет. Я... я постараюсь успеть. В любом случае, садись в поезд. Я могу рассчитывать, что все так и будет? — Бекка перешла на шепот, она говорила быстро, и вообще, где она находилась? Передала ли заказ? Скорее всего, деталь из нее уже вытащили, тогда ей будет сложно добраться.

— Я сделаю, как ты говоришь, — не стал спорить Бернардт, раз так случилось, то наверняка она заранее все продумала. Хотя расстрел вряд ли включался в план, это уже, кажется, инициатива механика. Прямо хоть прощай его теперь.

Уже в купе поезда доктор пришел в себя, оставалось только волноваться и ждать Бекку. Да еще он видел Сэла, когда входил на вокзал, хотя, может, это был просто похожий на него бродяга.

Бекка не успела на поезд, а может, и вовсе не собиралась на него успевать. Так или иначе, с пронзительным гудком, окутываясь белым паром, состав двинулся в путь. Может быть, девушка должна сесть на первой остановке? Но нет, и в этот раз Бекка не пришла.

Бернардт просто ждал. Если девушка планировала этот побег, возможно, она приедет следующим поездом, он подождет на платформе конечной станции, мало ли что могло ее задержать.

Он заказал себе кофе в купе, развернул вчерашнюю газету, впитывая в себя информацию. О, как давно он всего этого был лишен! Как не хватало ему поймать кэб, пройтись по улицам, поговорить с тем же билетным кассиром, хлебнуть нормального кофе. Да, наконец, просто самому сделать выбор, а не вести себя как пай-мальчик без возможности вообще что-то выбирать.

Хотя нет, на заводе он мог выбирать, спать ли ему дальше или все же проснуться, умываться ржавой водой или сделать вид, что лицо до сих пор чистое, но почему-то это пришлось не по вкусу.

— Бекка, надеюсь, с тобой все хорошо... Проводник принес чашечку кофе и встревожено посмотрел на доктора.

— С вами все в порядке, сэр?

— Лондон ошеломляет, не правда ли? — Бернардт отпил глоточек свежесваренного кофе и зажмурился. Из глаз чуть было не брызнули слезы. — Все нормально, спасибо.

Оставшись один, он еще долго вглядывался в окно, пытаясь различить силуэт Бекки на станциях, теша себя иллюзией.

* * *

Джентльмен откинулся на спинку сидения своего шикарного авто. Постучал пальцами в белых перчатках по кожаной оплетке руля с эмблемой фирмы Морган. На пути его машины у повозки с овощами отвалилось колесо, и вот половина товара уже мокла на мостовой. Можно иметь дорогую машину с открытым верхом, но в мелких дорожных неурядицах ты все равно окажешься наравне с извозчиками, кэбменами и прочими участниками дорожного движения.

Мужчина как раз успел докурить, как бакалейщик и полицейский оттащили с дороги нелепую повозку. Он нажал на газ, машина отозвалась благородным ревом.

— Мистер! Мистер! — к машине, поддерживая юбки одной рукой и шляпку другой, бежала молодая женщина в атласном платье очень примечательного цвета.

— Мистер! — Бекка, не боясь запачкать кружевные перчатки, уперлась руками в верх дверцы. Она пыталась отдышаться, а водитель авто тем временем пребывал в коротком удивлении, от такого поведения леди, и от осознания того, насколько красива эта безумная.

— Вас подвезти, мисс?

— О, да! — Бекка открыла дверцу машины, подобрала юбки и так ловко в нее уселась, будто всю жизнь была пассажиркой в столь роскошных авто. — Мистер, гоните быстрее. Это вопрос жизни и смерти.

— Куда же вас отвести?

— На вокзал. Нет, сколько сейчас времени? Боюсь, на вокзал уже поздно, мы поедem за поездом!

— Помилуйте, леди, я еду на свидание. Никак не могу сейчас гоняться за поездами! — джентльмен снисходительно улыбнулся девушке.

Бекка наклонилась к уху водителя, одновременно накрывая его руку своей теплой после бега ладонью.

— Это же вопрос жизни и смерти, мистер. Как вас зовут? Клянусь, я назову в честь вас своего сына! А уж Бог, не смею сомневаться, непременно поможет вам с вашей возлюбленной, после того как вы поможете мне.

— Клайв Шеппард.

— Давите на газ, Клайв, — Бекка вернулась на свое сидение.

Мистер Шеппард бросил взгляд на тень заговорщицкой улыбки девушки, которую не прикрывала сеточка со шляпки, и вдавил педаль.

— О, я и не знала, какое это удовольствие, так нестись на машине! — ветер заглушал слова Бекки и стремился сорвать с ее прически шляпку, приходилось держать ее рукой.

Девушка оглянулась назад. — Клайв, неужели я вижу на вашем заднем сидении 'вдову'?

— О да, 'Мадам Клико'!

— Думаю, я украду ее у вас.

— Вы ужасная нахалка, мисс! — водитель и Бекка залились смехом, ветер тут же сорвал его с их губ и унес в кроны деревьев.

— Вон поезд! Мы почти догнали его. Прибавьте скорости!

— Что вы делаете, безумная? Сядьте на место!

— Я снимаю юбки, не могу же я прыгать в них на поезд!

— Господь милосердный, вы же вывалитесь!

— О, я имею некоторую практику. Подайте мне вдову, я заверну бутылку в юбки, иначе они просто не долетят!

— Вы представляете, во сколько она мне обошлась?!

— Еще немного, я почти достаю до перил! Ну же, подтолкните меня!

— Клайв! Запомните — Клайв!

Мужчина видел как все дальше и дальше поезд уносит от него сумасшедшую девушку, машущую ему рукой, так нелепо и в то же время эффектно выглядящую на подножке вагона в вишневом корсете и белейших панталонах.

— Бернадт! — в дверях купе стояла Бекка, уже снова в юбке. В руке девушка держала бутылку дорогущего шампанского. Темно-вишневый атлас платья оттенял красные губы.

— Бекка! — доктор подхватил ее и сжал в объятиях, впиваясь поцелуем в ее улыбку, потом удивленно на нее воззрился. — Я же не просмотрел тебя на платформе? Нет?

— Нет. Я села только что, — Ребекка еще больше расплылась в улыбке, ведь поезд мчал на всех парах.

Девушка обогнула доктора, вручила ему свой груз.

— Открывай! — Ребекка не без усилия справилась с окном, и в купе ворвался холодный весенний воздух, девушка сорвала с волос шляпку и высунулась наружу. — Ну, что, со свободой нас?!

— С ней самой! — доктор рассмеялся.

Девушка впервые услышала его смех, заразительный и слегка безумный, совсем не подходящий для того образа, какой выстроил себе Бернадт на людях. Хлопнула пробка, и из горлышка вырвалась легкая дымка.

— Мне не верится даже... — признался он.

— Пока будем верить, что свобода случилась с нами абсолютно, — Бекка отвернулась от окна, глядя на любимого мужчину. Сколько нового было в улыбке свободной Ребекки, не скованной обязательствами и страхом. Из-за женщин с такими улыбками могли разгораться войны.

Таковыми улыбками русалки заманивали корабли на рифы.

Ветер из окна трепал разрушенную прическу, придавая девушке немного ведьмовской вид. Бекка взяла у доктора бутылку и, высоко закинув ее, пила прямо из горлышка, капли шампанского катились по ее губам, по тонкой шее.

— О, я забыла обзавестись сигаретами, — прервавшись, посетовала она.

— Ничего, купим на станции, — Бернадт отмахнулся.

Он хотел рассказать Ребекке о том, что собирается продолжить собственную миниатюрную войну с заводом, пока его связи и накопленная информация еще чего-то стоят. Но мысли просто увязли в ее бесшабашной красоте и настроении, как мухи в меду.

Прикрыв окно, доктор стянул с себя плащ, а потом привлек к себе девушку, зарываясь в ее волосы, стягивая одежду, лаская шею губами. Сейчас не время для серьезных разговоров, да и не хотелось разрушать ощущение того, что они выбрались из лондонской паутины.

— Мне будет больно, — тихо отозвалась Бекка, скидывая с себя сумасшедшее веселье. — Две недели всего с операции прошло. И я не передала заказ. Механизм все еще со мной.

— Я просто немного подержу тебя в руках, — он замер, сосредоточиваясь. Как он вообще мог настолько забыть? Бернадт себя мысленно упрекнул, но объятий не разжал. Он не хотел больше отпускать Бекку, даже на секунду, ведь так приятно просто купаться в ее тепле и запахе. Что-то такое было в нем сейчас очень властное и одновременно жалостливое, одинокое.

— Пожалуйста, не бросай меня. Ладно?

— Я никуда не денусь, — искренне пообещала Бекка, она чуть развернулась, так чтобы они могли сесть. Не отпуская мужчину, скинула сапожки и уложила ноги на скамью. — Есть

идеи, куда мы поедем? В курсе, что мы везем целое состояние?

— Я же это состояние ставил, конечно, в курсе, — Бернадт тоже уселся удобнее, достал очки из кармана и нацепил их на нос. Прикрыл глаза, раздумывая. — У меня есть домик, никто не знает о нем. Никогда не пользовался им, сможем пока пожить там.

Нет, он уже достаточно думал и точно знал, куда они направляются, но раньше он не учитывал Сэла, поэтому, возможно, план придется чуть переработать.

— Бекка, это очень важно, послушай. Что ты скажешь, если я постараюсь уничтожить верхушку организации, которая всем этим занимается? Нет, не говори сразу, подумай. Отбрось в сторону тех людей, которым помогает кто-то вроде Патрика и тебя. Посчитай реальное количество жертв и людей, ввязавшихся в это дело не по своей воле, и тогда скажи. Потому что у меня большой счет к ним, и я в любом случае убью того ублюдка, который распорядился сделать тебе операцию. Я убью его, неважно, каким способом.

— Только тех, кто выше Патрика, — Бекка серьезно посмотрела на доктора. — Не смей трогать Патрика и моих ребят. Знай, Бернадт, каждая жертва на этом заводе, каждый несчастный случай за последние месяцы — это и моя кровь и моя боль, которыми я платила за то, чтобы у этих людей был шанс. Не ценя их, ты обесцениваешь и мою жизнь.

— Понял. Да и с Патриком мы друг друга прекрасно поняли, когда он любезно не всадил мне в голову заряд картечи, — Бернадт кивнул. Хорошо, что про Сэла не сказал, ох, хорошо. Главное, чтобы и тот ничем не обмолвился про это, когда встретится с Беккой, а это, наверное, будет очень скоро. Следовало предупредить девушку, чтобы она не испугалась.

— Думаю, мы квиты... — заключил Бернадт, и потом, решившись, добавил:

— Знаешь, за нами следует один мой пациент, не сомневаюсь, что он в этом поезде. М-м-м... — доктор помялся, не зная как сказать о психопате и убийце, которому незнамо что может взбрести в голову, и который дико боится всех представителей рода кошачьего. Он стукнул себя по лбу, понимая, что сейчас его слова вообще будут просто смехотворны. — Только... если он будет не в себе, то... мяукни. Нет, я понимаю, это странно звучит, но он же псих, ему положено... если он будет вести себя плохо, то не забудь мяукнуть...

— Зачем он с нами? — Бекка встала с полки, поправляя платье. Романтический момент все равно был испорчен разговорами о мести, и доктор легко отпустил ее. Девушка настороженно смотрела на Бернадта. — Это нормально, что нас теперь будут преследовать психи?

— Ну, он был запасной идеей, а теперь Сэл станет главной ударной силой, — доктор еще раз стукнул себя по лбу, коря за кретинизм. Зачем вообще было говорить о психе, что следует за ними? Можно бы это сделать и потом. Вообще отложить все серьезные разговоры напоследок. — Только один псих, клянусь. Он не будет мешать, но и сбежать от него не удастся...

— Дерьмо какое-то... — Бекка села на противоположную полку и снова отпила из бутылки шампанского. — Подожди, что значит 'главной ударной силой'? Чем твой псих поможет нам с поисками верхушки? Поверь мне, это очень могущественные люди, и сдастся мне, что целее мы будем, забыв о них раз и навсегда.

— А с кем я общался на работе, по-твоему? С ребятами из соседнего двора? — стало обидно, кажется, его принимали просто за какого-то врача, просто хирурга, не более. Нет, она не думала о том, что приходится иногда делать руководителю серьезного государственного учреждения, тем более если быть при этом не просто марионеткой, а

преуспевающим человеком. Этим Бернардт успокоил свое раздражение, хотя все равно грязный осадок остался, будто он был кем-то бессильным.

— Бекка, ты-то должна уже была понять... Не проблема уйти с завода, не проблема была сегодня покончить там со всем, этих людей вычислить не сложно, если есть связи. А Сэл... у него особый дар расправляться с людьми... хм, так что я думаю, потягаться с этой змеиной головой мы можем, хотя и о путях отхода подумать не повредит...

— Не проблема? — Бекка закусила губу, отвернувшись к окну. — Связи.... А что ты можешь без связей? Или это просто я не вхожу в число того, ради чего стоит рисковать? Я видела, как избili Патрика за отказ делать мне операцию. А ты что-то сказал боссу?

— Входишь... — Бернардт даже не смог сначала сказать что-то еще.

'Боже, отлично, как мы вообще до такого скатились?' — подумал он. Еще недавнее раздражение на Бекку теперь вылилось в злость на себя. Это он виноват, не стал тогда возражать, надеялся, что мастерство его не подведет, боялся рассердить того огромного идиота и сделать ситуацию только хуже. И Бернардт сделал эту операцию, этими самыми руками он вырезал мертвого ребенка, сам же все зашил. И теперь он спрятал руки в карманы штанов, его снова начало трясти. 'Но уж Бекке этого говорить не стоит, это ее стоит жалеть, а не себя' — пальцы заныли от напряжения, Бернардт попросил:

— Давай закончим. Сейчас только наговорим друг другу всякого, и будем упрекать во всех смертных грехах. Я виноват, да, я ничего не сказал. И ты можешь меня за это ненавидеть, это справедливо.

— Я не хочу никого ненавидеть. Кто я такая, чтобы кого-то судить? — Бекка перевела взгляд в окно, снова подняла бутылку, делая несколько больших глотков. — Я ничего не знаю о тебе, — неожиданно прибавила она. — Я чувствую, что ты осуждаешь мои взгляды, не приемлешь общество, к которому я принадлежу. Это нормально, но какой ты сам? Откуда ты, кто был с тобой рядом... Почему тебе на помощь пришел какой-то псих? Почему ты не позвонил людям, которых попросил бы не волноваться, не успокоил, что ты жив?

— Давай последовательно, — доктор вздохнул. Неприятный разговор никак не кончался, а лишь давал новые колючие витки. — Ко мне на помощь пришел какой-то псих, потому что по его безумным законам он обязан не дать мне умереть, и я об этом знал. Не позвонил я никому из родных, потому что не хотел никого из них подставлять в случае, если звонки будут отслежены. Позвонил я людям, которые могут мне помочь, потому что это логично. Какой я? Это сложнее. Очень беспринципный, готовый ради выгоды на многое, возможно, еще какой-то, но главное — любящий тебя человек. Что еще ты хочешь знать?

'Господи, как мы докатились до такого?' — снова подумал доктор, — 'Как я докатился?'. Ребекка была права, вопросы били по больному, заставляя сомневаться, что он вообще поступал, как нормальный человек.

Бекка встала и присела на край полки рядом с доктором.

— Зря разговор так повернулся, — рука девушки накрыла руку Бернардта. — Просто такие нервы последнее время. Ведь это тяжелое испытание для меня, и для тебя, столкнувшегося с чем-то, наверно не совсем понятным тебе, — Бекка улыбнулась, немного покровительственно, немного печально. — Я сделаю тебя лучше, главное — душа, главное то, о чем ты сможешь рассказать на небесах.

Она легла рядом. Стало тесно, но они давно освоили узкую шаткую софу в комнатке, где был заключен доктор.

— Главное, чтобы путь вел наверх, а не вниз... — Бернардт прикрыл глаза, слушая

Вне Лондона дышалось совсем по-другому. Бернадт, выйдя из поезда, закашлялся. После того, чем приходилось дышать на заводе, выезд в сельскую местность стал сродни походу в горы.

Оставшаяся часть пути до небольшого домика оказалась совсем легкой. На месте они были к рассветному времени, когда краешек солнца выглядывал из-за горизонта. В такой глуши подвезти их согласился только смотритель станции, но даже обещал за скромную плату привезти продуктов.

Доктор порылся под крыльцом и вытащил связку ключей от двухэтажного дома. Сад вокруг совсем зарос, а дом внутри пропах затхлостью. Мебель покрылась толстым слоем пыли и даже паутиной.

— Года два тут не был, — сказал он. — Надо вытащить из тебя деталь, тут есть небольшая операционная в подвале. Потом переедем к моему кузену Томасу, у него более цивилизованно.

На покрытом грязью полу оставались четкие следы. Доктор распахнул стоящие в углу часы с маятником и достал оттуда ящик, завернутый в тряпки, распаковал и, не обращая внимания на Бекку, стал перебирать рычажки. Это оказалась переносная телефонная станция.

— Можешь пока все осмотреть, я быстро.

— Это хорошо, что мы тут не останемся, — Бекке пришлось высоко поднимать юбки платья, ведь мало того, что оно было дорогим, а теперь и ее единственным платьем.

Вообще, стоило разжиться хоть каким-то багажом. У Ребекки были деньги, и неплохие — на две недели проживания в отеле, еду и даже на те роскошные места, где бывал заказчик деталей. Но многое ушло на покупку билетов, и часть была отдана Патрику, осталось всего ничего.

— Наверху жилые комнаты, — крикнул Бернадт. — Выбери какую-нибудь, там все должно быть накрыто чехлами, можно обойтись без уборки.

Бекка не ответила, но задержалась на лестнице, осматривая дом. Даже в запустении он казался ей роскошными апартаментами. Стены украшали дорогие обои, правда, сейчас пошедшие волнами от сырости. На деревянной мебели встречалась резьба и даже клейма мастеров, и обстановка была полной.

Бернардт набрал номер, и Бекка услышала часть разговора:

— Да, Томаса Блекстоуна. Будьте добры... Так разбудите!

Ожидание ответа затянулось, а потом Бернадт и вовсе закрыл дверь.

Разочарованной девушке не осталось ничего более, как продолжить экскурсию. На первом этаже имелась ванная, уборная, большая кухня, совмещенная со столовой. А так же огромный холл, в который они вошли со двора, и кладовая с дверью в подвал. Наверху было еще пять комнат.

Бекка как раз осматривала кухню, когда задняя дверь скрипнула, и вошел незнакомец. Он прижал палец к губам, призывая к молчанию. Потом поставил корзину с продуктами на стол, посмотрел на девушку, которая сразу догадалась, кто перед ней.

Он выглядел почти нормально: легкая небритость, волосы, стянутые в хвост. Какие-то брюки, что были ему коротковаты, рубашка, жилетка с цепочкой карманных часов, длинный плащ, перчатки без пальцев. От психа пахло пылью, машинным маслом и потом.

— Готовить умеешь? — недовольно спросила Ребекка.

Парень кивнул. Вытащил из корзины яблоко, вытер его об тряпицу и подал девушке. Он рассматривал Бекку, но не облик, скорее ее реакцию, движения, выражение лица, пытаясь угадать, как она поступит или что думает. Сам он был достаточно высок и при этом горбился, скрывая свой рост, длинные руки при этом казались особенно подвижными.

— Салли Монтгомери Ферчайлд, мисс Бекка. Можно просто Сэл, — он улыбнулся. Безумия на первый взгляд в нем не замечалось, оставалось полагаться только на слова доктора.

Бекка взяла яблоко, но есть не стала, да и не стоило пока, если впереди операция по извлечению драгоценной детали.

— Меня уже просветили, что полезнее для здоровья быть с тобой в дружественных отношениях. Хочу посоветовать применить этот принцип и ко мне, — Ребекка дружелюбно расплылась в осторожной и обольстительной улыбке. Пока Бернарда не слышал, она могла позволить себе такие предостережения.

— Яблоко не повредит, мисс Бекка. Операционную надо сначала убрать, — пронизательность психа поражала, он уловил ее сомнения мгновенно. Решив занять себя делом, Сэл начал стаскивать покрывала с мебели, кидая их в найденный короб для картошки. Только пол все еще оставался пыльным.

— Я хороший человек для тебя, мисс Бекка, — лицо Сэла отличалось живейшей мимикой. Из задумчивого оно становилось озадаченным, потом огорченным, потом снова на него выплыла улыбка. Он вспомнил, что хотел сказать:

— Патрика били, но он жив. Очень огорчен вашей с доком пропажей. Передавал 'привет'.

— Я знаю, — коротко ответила Бекка. Хорошо, что никто, даже этот Сэл, не мог знать о том, что было между ней и главным механиком. — Если ты не против, я выйду в сад. Мне не очень хорошо.

Ребекка оставила яблоко на столе. Из-за чертового увеличенного короба внутри нее — весь организм сходил с ума. Ее угнетала предстоящая операция. Конечно, Бекка хотела избавиться от лишнего железа внутри, но было и страшно: какое осложнение будет на этот раз? Сколько придется отходить после операции? Что случилось с эфиром в покинутой на два года операционной? Как же ее замучили эти вскрытия и зашивания!

Еще не нравилось, что это делал Бернардт. Не потому, что она не доверяла его мастерству или имела какие-то глупые причины стесняться своих послеоперационных состояний, ей просто не хотелось и для него становиться девушкой-шкатулкой, механизмом, который можно открывать и закрывать, когда вздумается.

Ребекка прикрыла глаза, вдыхая свежий воздух в саду. Его вкус был прекраснее 'Вдовы Клико'.

* * *

Доктор закончил говорить по переносной станции и, зайдя на кухню, застал

удивительную картину — убийцу в фартуке, моющего посуду. Печь тот тоже как-то раскочегарил, и на ней стоял чайник и дополнительная кастрюля с бинтами.

— Бекка? — Бернарда почти не беспокоило, но все же нащупал рукоятку револьвера в кармане плаща.

Сэл принялся скоблить тряпкой с песком нож, неторопливо и тщательно.

— Вышла на воздух. Тут пыльно. И печально, — ответил псих.

Сэл дождался, пока доктор успокоится, и сполоснул две чашки, отпустив, наконец, злополучный нож. Очень кстати пришлась корзина, найденная на станции, уже собранная чтобы отправить кому-то и позаимствованная. Мужчина разыскал там чай и заварил его.

— Нужно время прийти в себя. Мир меняется, — задумчиво протянул Сэл.

Он давно ни с кем не говорил, но сейчас приходилось. И фразы выходили медленными, заторможенными, нелепыми рублеными предложениями, потому что он не мог вспомнить слова сразу.

— Понимаю. Не говори ей про завод. И про твои дела там, — Бернарда отхлебнул из чашки, успокаиваясь. Сердце стучало как бешеное, надо же было так испугаться.

— Да. Она... больно, — убийца отвернулся, вернувшись к посуде. Обдумывая сказанное и не сказанное, оба мужчины породили на кухне тишину особого рода.

Когда Бекка вернулась, док дотирал полы на кухне, а Сэл раскладывал продукты на полки в шкаф. Удивительно, но за несколько минут они стали вести себя как сообщники. Бернарда совсем не обращался с Сэлом, как с психом, который неизвестно что может сделать, а говорил, как с приятелем.

— Когда операция? — спросила девушка, когда Сэл вышел, и она снова осталась с доктором наедине.

Бернардт улыбнулся ей, кивнул на стакан воды и две таблетки:

— Будут проблемы с наркозом. Не думаю, что баллоны с эфиром все еще годны, — пока что его это волновало больше всего. Лучше бы Патрик дал ему на прощание не револьвер, а медицинский саквояж.

Ждать пришлось еще довольно долго — пока подготовишь стол, пока прокипятишь инструменты и сам сполоснешься под ужасно холодной водой — и это в начале весны... Не сказать, чтобы на свободе было все, как в сказке. Сэл растворился где-то на верхних этажах, а Бекка, закрыв во время ожидания глаза, так и проспала до конца операции. Деталь была извлечена, и не верилось, что набор железок размером с кулак может стоять, как путь в светлое будущее.

Пришлось вытащить коробку, эта задача была одной из самых сложных. Бернарда сотни раз благодарил бога, что не положился на действие таблеток — наркотика и сильного снотворного — и все же испробовал анестезию хлороформом, а не эфиром: уже не практикуемую, но все еще не менее действенную.

* * *

Бекка проснулась уже наверху, лежа в постели под грудой теплых одеял. День клонился к вечеру, так что Бернарда и Сэл много чего успели сделать. Например, все отмыть и распаковать мебель, не тревожа Бекку.

Просыпаться после наркоза было самым неприятным для девушки, оно всегда

начиналось с некоторой паники и возбуждения. Она сжала руки в кулаки, чего-то не хватало в этот раз.

Каждый раз она просыпалась от голосов, от мягкого давления и тепла на своей ладони. Это был чуть заикающийся поспешный треп Джепетто и полумеханическая-полуживая рука Патрика, держащая ее. Правая ладонь главного механика как раз была живой плотью, мягкая и теплая, только тыльную ее сторону прокрывали трубки и пластины, левая же его рука была полностью механической.

Сначала среди следящих за ее пробуждением не стало Джепетто, веселого старика, мясника — как назвал его Бернадт. Джепетто умел вызвать улыбку у пациента даже тогда, когда тому хотелось лезть на стену. После предпоследней операции, лишившей ее совсем крохотного существа, которое могло быть ее ребенком, не было ни Джепетто, ни Бернарда, который был в заточении.

Рядом оказалась только ладонь Патрика.

— Что у тебя с головой, Патрик? — голос ее был сиплый, горло пересохшим от эфира, а на маске главного механика красовалась какая-то нелепая повязка, подоткнутая под детали и пропитанная кровью.

— Неважно. Как ты? Давай-ка пока на твоём здоровье сосредоточимся.

— У меня плохое предчувствие. Что пошло не так, Патрик?

— Боюсь, ты лишилась ребенка... Бекка, это слишком далеко зашло. Хотя бы для тебя это должно прекратиться...

Ребечка очнулась окончательно, видения прошлого отступили. Она жалела о том, что никто ее не встречает на этой стороне.

Сначала она не обратила внимания, в полумраке комнаты было плохо видно, но в углу, свернувшись в кресле, дремал доктор. Иногда он вздрагивал, все же дом не успел протопиться достаточно, но упорно отказывался просыпаться. За окном началась морось, и ветер безнадежно стучал в окно, скребя ветвями по стеклу. Свобода оказалась мрачноватой, не такой солнечной, как хотелось, без разительных отличий от заточения на заводе.

Наверное, стоило подождать с операцией. Досада и страх все еще не покидали Бекку — затянувшаяся стадия возбуждения? Или просто уже нервы сдали? Сердце скакало в груди, было немного душно, наверно, от того же сердца, ведь механическое легкое избавляло ее от некоторых побочных эффектов после наркоза. Где-то в мыслях Бекка ухмыльнулась, в чем-то она уже разбиралась, и это с двумя-то классами образования.

Позвать Бернарда не удавалось, в горле пересохло. Оставалось просто обидеться на него за то, что он, как анестезиолог по совместительству, спал в такой ответственный момент. На тумбочке стоял графин и стакан, разве что налить было некому. Рядом с кроватью поставили ночную вазу, на всякий случай. Однако все равно не хватало человеческого внимания после такой-то операции, считай, половину бока вырезали, а потом заново сшили. Дверь отворилась, и в комнату заглянул Сэл, увидев, что Бекка проснулась, подбежал к ней:

— Воды? Туалет?

Бекка попросила ее напоить, шевелиться лишней раз не хотелось, это бы растревожило швы и пришлось либо терпеть большую боль, либо все же будить Бернарда.

— Скажи, Сэл, как твоя речь сейчас? Мне нужен человек, способный на всяческие

манипуляции в беседе. Хотя тут, наверное, стоит дожидаться Бернарда, — мозг Бекки просыпался, и тут же в нем начинали вертеться мысли и планы, это радовало ее, даже казалось, улучшало самочувствие. — Пожалуй, я так и сделаю. Но тебе тоже будет задание.

— Говори, мисс Бекка. Я много слов вспомнил, — речь Сэла, тем не менее, все еще звучала отрывисто, хоть и более складно.

У него сделался очень заботливый взгляд, что было бы нормальным для обычного человека, но в данном случае настораживало. Хотя пока еще ничего странного он не сделал, так что Бекке пришлось сильно усомниться в словах Бернарда про ненормальность Сэла. Он кивнул на доктора:

— Док уснул час назад, устал. Сложная операция.

— Я с ним потом это обсужу. Нагнись ближе, мне сложно говорить громко, — девушка дождалась, когда Сэл это сделает, и тихо зашептала:

— Ты сможешь воспользоваться телефонным аппаратом? Попробуй. Если ничего не выйдет — мы провернем с тобой это позже, я покажу, как. Ежели справишься сам, то тебе нужно позвонить по одному номеру. Ты должен позвать к аппарату Фрэдди. После сказать ему, что его посылка перехвачена, а почтальон убит. Наверняка он уже давно и сам понял, что его заказ пропал. Возможно, уже перечислил деньги на нужный счет, и, раздосадованный отсутствием товара, позвонил продавцу и потребовал вернуть средства. В разговоре тебе следует выяснить — сделал ли он все эти действия. Если так, то сказать, что посылка у тебя. Что свяжешься с ним потом. Ты понял меня?

— Сделаю. Я тебя понял, мисс Бекка. У меня проблема со словами, а не с головой, — укоризненно заметил Сэл. В полутьме его выразительное лицо казалось очень красивым, лучше, чем днем. Худое, бледное, с высокими скулами и едким прищуром, широким ртом, но тонкими губами, высоким аристократическим лбом — такое лицо не должно было принадлежать психу, просто не могло, но мир часто любит отмачивать разные шутки. — Говори номер. Я позвоню, пока док спит.

— Я вовсе не собиралась тебя обидеть. Может быть, ты задал бы какие-то вопросы, это бы помогло мне понять, что я могла упустить, — Бекка попыталась вспомнить номер, но ее сознание еще недостаточно прояснилось. — Достань из моей сумочки книжку, молитвенник, номер на обложке внутри. И, Сэл, об удаче в этом деле расскажешь мне, когда я тебя спрошу. Окей?

— Договорились, мисс Бекка, — она не могла не заметить по уверенным движениям мужчины, что он уже ковырялся у нее в сумке, наверняка и номер помнил, просто из вежливости достал молитвенник, найдя его в темноте на ощупь без всяких проблем. Он зажег керосиновую лампу, похоже, что здесь электричество не работало, и склонился над страницами, нахмутив брови.

— Почтальон не убит, а перехвачен. Если засветитесь, где не надо, всегда можно сказать о побеге. Так?

— Логично. Но я вовсе не думала завершать игру так быстро. Фрэдди не видел и не знает меня. Куда больше его напугает, что убили курьера, — Бекку снова тянуло в сон. Уже засыпая, она спросила: — Почему ты помогаешь Бернарду?

— Это интересно. Он угадал меня первым. Раньше никто этого не мог, — Сэл расплылся в улыбке, вспоминая что-то хорошее. Он слышал слабые слова Бекки, даже на расстоянии, а взгляд пронизывал ее насквозь. — Ты боишься того, чего не понимаешь, мисс Бекка? Я не сделаю вам плохо, — Сэл прислушался к самому себе, потом кивнул каким-то

Ребекка всегда быстро поправлялась после операций, и эта не стала исключением. Хотя Бекка для себя твердо решила, что больше никогда ни на одну операцию не согласится. Через две недели она уже свободно ходила по дому, часто сидела в запущенном парке, наслаждаясь свежим деревенским воздухом. Никого кроме них в округе не было, она решила не портить своего платья, и вполне обходилась той одеждой Бернардта, которая нашлась в доме. Вскоре такой вид Бекки перестал смущать непривычных мужчин, и иногда приходилось примечать, что даже в мужской блузе женщина выглядит очаровательно.

Доктор часто уезжал, оставляя ее один на один с Сэлом. Тот выучился говорить заново и рассказывал ей разные истории, если она скучала. Откуда-то даже приволок книжки, наверняка 'позаимствовав' их, а попросту — украл на станции.

Дом полностью изменился, стал уютным. Уже не хотелось продолжать нелепую борьбу с теми, кто изготавливал детали, а хотелось просто жить и не торопясь думать обо всем на свете. Весна вошла в свои права, и снег быстро стаял, оставив только прошлогоднюю жухлую траву.

Наконец настал срок, и Бернардт заявил о переезде в дом кузена. Небольшая двуколка уже ждала у дороги. День выдался чудесным и солнечным. Торопиться было совершенно некуда, да и не хотелось. Бекка снова надела то платье, в котором обрела свободу — дорогое, примечательного темно-вишневого цвета. Когда они уже разместились, она вернулась к вопросу, что волновал ее все это время:

— Чем ты занимался, уезжая?

— Тебе рассказать все или частично? — доктор вздохнул, если бы дорога не предстояла долгая, он бы постарался уйти от вопроса. — Я же говорил тебе уже, что у меня есть кузен. Его зовут Томас. Томас Бартолби Блекстоун. Ему двадцать пять лет, богат, не женат, умен, наверно потому и не женат... Кстати, будь с ним осторожнее, он жуткий ловелас. Я навещался к нему в гости, обсуждал наше положение. Понимаю, что долго отсутствовал, но не спросишь же в лоб у человека, с которым три года не виделся: 'я собираюсь покончить с одной криминальной группировкой, которая похитила меня и чуть не убила. Ты не хочешь присоединиться?', - Бернардт усмехнулся.

Сэл правил двуколкой и даже не оборачивался, хотя не было сомнений, что все слышал.

Доктор продолжил:

— У него особняк в Девоншире. Масса не занятых гостевых комнат. Там купим все необходимое, начнем разведку, будем жить. Еще... я обналичил один свой счет, из тех, которые не были официальными. Достал все бумаги из своего стола, которые оставались в лечебнице, у меня там обширнейшее досье на знать, это тоже можно использовать. Больше пока ничего не успел, уж слишком мало времени, если не собираешься привлекать к себе внимание. Мимо проплывал пасторальный пейзаж, и как-то даже не верилось, что начинается подпольная война. Да кому она вообще была нужна...

— Ясно, — скушаяще ответила Бекка. Она смотрела на мелькающие просторы, положила подбородок на руку в кружевной перчатке. В ее простом ответе чувствовалась какая-то недосказанность, недовольство. — Сэл все докладывает? Такая собачья преданность и

услужливость. Удивительно, как ты пользуешься тем, что презирал, находясь на заводе.

— О чем ты? — Бернардт недоуменно посмотрел на женщину, потом окинул взглядом сгорбленную спину Сэла, который эти слова проигнорировал.

Недавно он начал обдумывать, что связывало его с Беккой все это время. Что? Возможно, на заводе это были безысходность? Может, он находил в ней отдушину? Не было бы ее, так нашел бы какую-нибудь девушку из семей рабочих, вряд ли бы Патрик сильно возражал.

Бернардт не мог ее понять, они принадлежали к разным мирам. А что она в нем нашла? Что она к нему чувствует и чувствует ли? Да и сейчас... Ненависть никуда не выветрилась, но, может, Бекку стоило просто-напросто отпустить? Дать ей денег, пристроить в хорошую компанию и позволить не вмешиваться в эту историю больше? За эти две недели он очень хорошо почувствовал, что между ними растет пропасть. И эти обвинения, нелепые по сути, выводили из себя.

— Что за чушь ты несешь, Бекка? — Бернардт стукнул по спине Сэла. — Сэл... Сэл Черт возьми, да скажи же ты что-нибудь, о тебе же речь!

— Я хочу послушать, что ты скажешь мисс Бекке, док, — хриплый смех долетел до Бернардта, тот чуть не взвыл с досады. — Она хорошо рассуждает.

— О, Господь, дай мне силы... — нахмурился доктор. — С чего ты вообще решила, что он мне что-то говорит?

— Я просто пытаюсь, здесь, вне стен заточения, понять, что ты за человек, — Бекка все еще провожала глазами пейзаж, сейчас она улыбнулась, вуаль не прикрывала ни ее губ, ни белых зубов. — Чего ты стоишь, если ты не против, — она, не сбрасывая с лица улыбки, наконец, повернулась к Бернардту и даже положила голову ему на плечо, взяла под руку. 'И все же Ребекка красива, этого нельзя отрицать' — подумал Бернардт. Она похожа на огонь. Иногда она отстраненная, будто бы порыв ветра смел пламя, а иногда она греет и вся уют и понимание, а иногда как сейчас — блуждающий, завораживающий огонек.

Небо, ранее кристально голубое, заволокло. К концу поездки вовсе стало туманно и слякотно, как и положено ранней весной. Их встретил кузен Бернардта. Он поздоровался с доктором, обнял его и кивнул в сторону дома. На Сэла, принимая его за слугу, даже внимания не обратил, зато на Ребекке задержал пристальный взгляд.

Они с доктором не слишком походили на родственников. То, что в Бернарде казалось долговязостью и худобой, в Томасе было стройностью и статью.

— О, воистину, поверить не могу, что такая красота сопровождает моего нелепого Берти. И где он только нашел столь чистый бриллиант?! Позвольте... — кузен ловко ухватил Бекку за ручку и коснулся губами. — Пойдемте, пойдемте, не волнуйтесь, слуги обо всем позаботятся. Вы наверняка устали в дороге. Вам подготовят комнаты, ванну и все остальное, сразу после ланча. О, мой повар готовит просто божественно, не сомневайтесь. Мой ангел, не обращайтесь на Берти внимания, он тут все знает, сам придет к нам, позвольте немного о вас побеспокоиться.

Томас Бартолби Блекстоун щебетал, не переставая, зачаровывая словами, и девушка даже не заметила, как оказалась в большой обеденной зале, где на накрахмаленной скатерти лежали свежайшие булки, стояли фарфоровые чашки, только и дожидаясь чая или ароматного кофе.

— Садитесь, мой ангел. Нет-нет, не беспокойтесь. Итак, я забыл представиться, с моей стороны это грубо и неучтиво, но вы сами должны понимать, что ваша неотразимость просто

не дала мне вымолвить ни слова. Я Томас. Томас Бартоломью Блекстоун, хозяин этого скромного жилища. Вы, мой ангел, можете называть меня просто Томас. Вам кофе, чай?

Ожидание ответа заставило его, наконец, замолчать, остановив неудержимый поток слов.

— Время уже обеденное, красного вина, пожалуйста, — Ребекка изобразила учтивую улыбку.

Она была под стать своему платью — шикарна, но сдержанна, ярка, но холодна. За ланчем вела себя, как и полагалось незамужним девушкам из высшего света, и почти не говорила, только если к ней обращались напрямую. Периодически оглядывалась на Бернардта и его верного психа — ведь они сопровождали ее, а оказаться наедине с мужчиной, которого она встречает впервые — о, это могло стать пятном на ее репутации. И все же она не выглядела смущенной или встревоженной.

Ребекка осматривала столовую, и глаз опытной авантюристки отмечал нужные детали. Она приглядывалась к кузену: был тот ловеласом или нет, но в данном случае, ему точно не светило стать удачливым охотником.

— У вас красивый дом, — позволила Бекка одно замечание.

— Да? Благодарю. Право слово, признаться, я сам когда-то его обустроивал, — хозяин дома изобразил смущение, но тут же отмер. Он позвонил в колокольчик, и почти сразу же прибежала служанка.

Бернардт очень хотел не вмешиваться в разговор. Честно говоря, кузен за пару недель утомил его, и он только радовался, когда тот переключил внимание на кого-то другого. И почему бы не Бекка, ничего плохого ей не грозило. Но доктор все же изобразил грозное выражение лица, или, возможно, очень страдающее и предупредил Томаса:

— Томас, она очень воспитана, чтобы обратить внимание на тот факт, что ты слишком говорлив. Бекка, не слушай этого паяца. Лучше просто не обращай внимания.

— Хорошо же ты относишься к любимому кузену, Берти! — Томас вскинул руки и отвернулся, но молчать дольше минуты не смог. — О, ты всегда таким был! Я знаю, что я тебе безразличен. Ты появляешься у меня на пороге, только когда что-то не так. Никогда не приезжаешь в гости запросто.

— Ты даже во сне болтаешь! — Бернардт закатил глаза и налил в кружку чая. — Лучше расскажи, как там с нашим делом.

— Ну-ну, не сейчас. И не здесь. Позже в кабинете, тет-а-тет, — Томас повернулся к Бекке. — О, мой ангел, скажите, что вы думаете об этом невыносимом человеке? Он ужасно ведет себя только со мной или же со всеми? Хотя, вы такая прекрасная молодая леди, мне кажется, что даже волк будет вести себя с вами будто невинная овечка. И все-таки, что вы о нем думаете?

Как раз принесли вино, показали Бекке, плеснули в бокал совсем чуть-чуть, чтобы она ощутила вкус, признав вино либо годным, либо нет.

Болтливость — нужно заметить, что Ребекка, считающая слова шелухой, если те не подкреплены делом, не выносила болтливости. Хотя девушка была привычна к маскам, которые люди время от времени надевали, она и сама скидывала и придумывала новые очень часто, пожалуй, куда чаще других женщин. Вот и сейчас, может быть, она бы еще и построила бы из себя недотрогу, но это вот 'поговорить о деле тет-а-тет' стало для Бекки как красная тряпка для быка.

— Я думаю, что, знай вы Бернардта с той стороны, с которой имела удовольствие узнать

его я, не делали бы опрометчивых выводов о его нелепости, — Ребекка согласилась на принесенное вино, выпила половину вновь наполненного бокала, чем-то закусила. Может быть, игра бы и стоила чего-то, но фактически, как бы ни была девушка благородна и воспитана, она прибыла к Томасу в дом с мужчиной, с которым не состоит в браке и не помолвлена, а значит, ее роль вполне очевидна. — И прошу говорить о деле при мне, так или иначе я имею к нему отношение не меньшее, чем Бернардт. Если не большее.

— Ну, я-то знаю его с рождения... — протянул Томас, не успев за тем, как Ребекка быстро перевела тему.

Бернардт чуть не подавился, закашлялся. Еще не хватало, чтобы Томас стал повествовать о былых годах, так они и вовсе никогда не доберутся до сути дела, рассказ сможет тянуться до самого заката цивилизации.

Сэл же искренне веселился, слушая этот диалог. Его никто не спрашивал ни о чем, и тем не менее не запрещал сидеть за общим столом. Он налил себе кофе из серебряного кофейника, откинулся на спинку стула и даже полистал положенную рядом сегодняшнюю газету, как истинный аристократ.

— Не сердитесь, мой ангел. Берни слишком серьезен, и ничего не хочет рассказывать о своей жизни. Мне просто интересно, что случилось, исключая небольшую историю, в которую вы замешаны. Это всего лишь забота о моем драгоценном родственнике, не более.

— Дело, Томас, дело, — Бекка посмотрела на кузена доктора, взгляд этой дьяволицы снова выражал слишком многое, чтобы строить предположения о ее отношении. — Меня чертовски заводят разговоры о делах.

— Ваши 'утерянные' документы будут завтра. Ваши, мой ангел, и Берни. А об этом человеке ты мне не говорил... — удивительно, но Томас смог себя превозмочь и, наконец, стал говорить медленнее и только необходимое.

Сэл удивленно моргнул, отложил 'Гардиан' и улыбнулся в тридцать два почти белых зуба. Затем он скорчил рожу, подмигнул Бекке и развел руками:

— Весьма прискорбно. Я адвокат мисс Бекки и доктора. Оказываю помощь в решении дел, связанных с законом. Ведь так?

— Ну, раз так... — Томас снова перевел взгляд на Бекку. Он буквально исследовал каждую ее черту, каждую часть тела взглядом. — Я поднял кое-кого из своих информаторов, но не думаю, что они помогут. Мои судоходные туры занимают не ту нишу интересов, с которой вы могли бы пересечься... Да, еще написал в Лондон. Через пару недель там будут вас ждать, естественно, по новым документам, а пока просто насладитесь отдыхом в Редгарден-холл, поживите тут, побродите по окрестностям. Ни в чем не ограничиваю.

— Пара недель — много, я должна вернуться в Лондон хотя бы через неделю и рассчитываю на сопровождение, Сэл мог бы мне в этом помочь, — Бекка отложила приборы и чуть откинулась на спинку стула, настолько, чтобы не выглядеть вульгарно. — Я была бы признательна главным образом за имена, хотя и тут дело наживное. Главное, конечно, документы, чтобы остаться неузнанными.

В общих чертах — разговор с Томасом удовлетворил Ребекку. Бернардт не зря провел те недели, когда она восстанавливалась после операции. За дело почти можно было не волноваться, но кое-что приходилось ей не совсем по вкусу.

Те телефонные звонки, что они делали с Сэлом, принесли некоторые плоды, и Бекка уже представляла, как она могла бы выручить деньги за украденный механизм. Эти деньги, хотя сумма выходила несколько меньше, чем изначальная цена механизма, могли обеспечить

девушку приличной жизнью и при умелом использовании — даже старостью. Если все сложится удачно, то Бекка может просто уехать и всё начать заново. Выйти из всей этой истории.

— Бернадт? — Ребекка открыла дверь в комнату, которую определили доктору как спальню. Была уже поздняя ночь.

— Входи, — он все еще не спал, что-то просматривал, что-то записывал, составляя планы на будущее, планируя расходы. — Мне нужны контакты тех, о ком можно бы было навести справки. Не могу найти толстяка по прозвищу Фитц...

В неярком комнатном свете хорошо стали видны мешки, залегшие под глазами доктора, видимо, уже давно. Странно, но сейчас Бернадт опять сменил характер, став весьма вальяжным господином, однако, стоило коснуться дела, он вновь превращался в нетерпеливого и суетливого. Он не был ни в чем уверен, часто думал притащить Патрика из его укромного гнездышка, попытаться выведать все, что тот знает, и потом убить, но последний поступок... О, этот последний поступок механика... Доктор часто о нем думал и бесился оттого, что к нему проявили доброту. Нет, даже не так, даровали свободу, будто и вовсе не отнимали ее. Забрали, чтобы временно воспользоваться, а затем выбросили без права на что-либо.

— Кстати, не стал интересоваться сразу, но зачем тебе в Лондон? — спросил Бернадт.

— Я хочу продать механизм. Так или иначе, пока это мой единственный шанс на обеспеченную жизнь, — Бекка зашла со спины, коснулась плеч доктора, неторопливо разминая их. Она была уже в ночном комплекте, на который накинула легкий белый халат с кружевной отделкой — интимная дорогая вещичка, в которой она, слава случаю, никем не была замечена по пути к доктору. — После сделки я могла бы уехать...

— И что делать? Просто существовать? То есть... Ладно, я полагаю, это здравая мысль. В любом случае, я не хочу подвергать твою жизнь опасности, — Бернадт запнулся, он и сам не знал, зачем вовлекает в свои мстительные планы Бекку. Если ее не будет рядом, то это даже лучше.

Патрик лишил его медицинской практики, лишил поста главврача, лишил надежды на будущее, и без подсказок понятно, что стоит засветиться, и нужные люди упокоят лишних свидетелей навсегда. Но смириться с этим, просто оставить все, как есть, доктор не мог, гордость не позволяла. Но Бекка... она другое дело. Он развернулся к ней и положил руку на бедро, залез под шелковую ткань и двинул ладонь вверх, потом остановился.

— Как твой бок? Болит?

— Не болит, — Бекка улыбнулась, сколько-то секунд она смотрела задумчиво на Бернадта. — Знаешь, есть тысяча вещей, которыми можно заниматься, если ты не выискиваешь кого-то и не сжигаешь себя жаждой мести. Уверена, что до встречи со мной ты помнил об этих вещах и наверняка планировал. И не только вещей, Бернадт, но и мест. Можно отправиться куда угодно. Хоть в Париж! Ты бывал там? Я нигде, кроме Лондона, не была, — она все еще не убирала рук с плеч мужчины, но больше не гладила его. — Но пока я остаюсь с тобой и участвую в этом деле. Я ведь твоя должница. Да и ты мой, — Бекка снова ухмыльнулась. — Но я хочу кое-что попросить сейчас. Мне не нужны никакие обещания, но пока мы вместе в этом деле, я хочу, чтобы мы действительно были вместе, а не каждый вел свою игру. Обещай, что не будешь скрывать от меня те шаги, которые предпринимаешь, и планы, которые строишь.

— Договорились, — Бернадт позволил себе некоторое умолчание. — Ты будешь знать

все, что я собираюсь делать с этого момента.

Он усадил ее на колени и не стал больше ни о чем задумываться, оставив все мысли, кроме как о ее теле в шелковом халатике.

* * *

Время тянулось особенно медленно. Если в предыдущем домишке две недели прошли быстро, в разговорах, совместных ужинах и книгах, то в доме Томаса все стало по-другому. Прислуга и сам хозяин называли его 'Редхоул', постанывая окончание, сокращая от 'Редгарден-холл'. Легенды о красном саде первого владельца, теперь стали просто легендами. Не сказать, правда, что тут был более бедный сад, но никаких алых роз, оплетающих стены, лавки и беседки, и в помине не осталось.

Большая библиотека Томаса наводила на мысли о том, что собирал ее Бернарда, а вовсе не хозяин: стеллажи занимали разнообразные справочники, книги по медицине, классика литературы, философские труды, копии чужих монографий. Даже не верилось, что человек способен это читать, да еще и понимать, о чем там говорится. Многие книги и вовсе были не на английском, а на языке оригинала — латыни, греческом, французском, итальянском, немецком, испанском, даже русском.

Ребекке было позволено ходить везде, предоставлялась полная свобода действий, но все равно ощущалось, что ее никогда не оставляли одну, слишком много прислуги вокруг. Казалось, каждый наушничает, сплетничает и следит за всеми. Сэл, правда, вошел в это общество как свой, но и о нем Бекка уже улавливала обрывки разговоров, как и о себе, и о докторе. Не сказать, что к ним относились плохо, но все равно было тяжело для человека, который к такому не привык.

Близился к концу четвертый день, который, как и предыдущие три, начался с двух служанок, одевания, говорливости Томаса и продолжался до самого вечера. Вообще, казалось, каждый день тут только и делают, что болтают без умолку, переодеваются для завтрака-прогулки-обеда-прогулки-ужина-сна, да едят, опять же ведя беседу или монолог, как получится.

Ребекка подумывала о том, чтобы съехать в гостиницу ближайшего города, даже один раз туда наведальась, но ограничилась только покупкой одежды. Так или иначе, у нее должен быть хоть какой-то гардероб, чтобы не только выехать в Лондон, но и жить в поместье. Так от ее денег, что она получила перед побегом, не осталось и пенни. Это угнетало, но единственным разом, когда она просила денег у Бернарда, по-прежнему оставался случай с двумя фунтами на трамвай.

Женщина тоже отмечала, что на свободе все оказалось иначе, чем планировалось на заводе. Слова, которые говорил когда-то Бернарда, подернулись таким туманом, что казались каким-то давнишним сном. Пропала близость, что была в то трудное время, хотя Бекка все еще пыталась ее найти, приходя к мужчине ночью или обсуждая с ним их дело.

Ей не хватало ребят с завода. Пусть те и не лучшая компания для девушки, с ними можно чувствовать себя спокойно. В этом же доме, кишачем людьми, Бекка не чувствовала покоя. Вечером она вышла в сад, что бы побыть в тишине и уединении хоть какое-то время. Небольшой фонарик освещал дорогу скудно, но Ребекка давно выучила территорию.

Мягкую темноту вечера взрезал пронзительный женский крик.

— Что? Что ты сказал? — доктор привез сюда телефонный аппарат и заткнул ухо, чтобы продолжить говорить.

Затем до него дошло, что конкретно он услышал. Уж голос Бекки он узнал. Он прервал разговор и выглянул в окно. Комната на нижнем этаже давала свои преимущества, можно было не пользоваться далекой дверью, а просто выскочить в окно. Что он и сделал, приземлившись в какую-то лужу, уйдя в мокрую землю почти по щиколотку.

Откуда донесся крик? Этого он не знал, просто вышел на дорожку в надежде, что поймет, куда бежать.

Впрочем, направление прекрасно знал тот, кто иногда следовал за Ребеккой вечерами. Не так, как прислуга, а просто приглядывая краем глаза. Сэл появился на месте гораздо раньше, но так и не вышел из надежной тени кустов.

Бекка уронила фонарь, масло из него вытекло, и тот погас. Она стояла как парализованная, похожая в темноте на большую черную птицу.

— Бекка! Где ты?! — донесся до нее зов доктора.

— Бернардт? — ее голос казался сдавленным, срывался. Она взяла себя в руки и произнесла более внятно. — Я здесь. Нужен свет.

Еще с минуту ей пришлось ждать, потом, ломая кустарник, навстречу выплыл огонек лампы и расцарапанное лицо доктора, который решил пойти напрямик. Про одежду и говорить не приходилось, ночной сад превратился в непроходимые джунгли.

— Бекка? Что случилось?!

Ребекка указала на скрытую в темноте лавочку. Хорошо бы она там увидела крысу или лису какую-нибудь, но тогда девушка вряд ли надеялась бы, что лампа высветит зверя в том же месте, где она его увидела.

Это и не было зверем. Под резной лавкой на только проклевывающейся молодой траве свет лампы высветил маску. И Бекка и доктор узнали бы ее и в темноте, но свет показал самые страшные детали: разбитые окуляры, клюв, на медных краях которого красным отсвечивала еще не совсем высохшая кровь.

Бекка снова вскрикнула:

— Патрик!

Доктор выругался, подошел к лавке и поставил фонарь рядом.

— Патрик... — он кивнул Бекке на маску, а сам вытащил револьвер из кармана и осмотрел округу. — Кто бы это ни был, не мог же он уйти далеко...

— Бернардт, кто это мог сделать? — женщина сильно побледнела, это было заметно даже в темноте, ей хотелось в кого-нибудь вцепиться, ощутить под руками что-то надежное. Маска Патрика означала две вещи: механик, скорее всего, мертв, и их обнаружили. — Не смей ходить один! Пойдем, поставим дом на ноги. Нужно много света, собаки и люди. Кто бы ни бросил маску, он может быть рядом и ждать нас!

— Упустим, — однако, доктор выстрелил вверх, чтобы привлечь внимание в особняке.

По крайней мере, бегать уже не пришлось, там и так зажглись огни, и суетливые крики огласили ночь. Бернардт схватил фонарь и двинулся по следу из сломанных веток и примятой траве.

Они обыскивали все до самого утра. И не нашли абсолютно ничего, кроме мятой травы. Бекка была на грани истерики, она всю ночь помогала искать, но блуждание в зловещей темноте, где только и ждешь, что кто-то выскочит из-за куста и убьет тебя, не принесло ничего кроме ужасной усталости и дрожи в руках. Ребекка впервые в полной мере ощутила, что значит быть в бегах и пугаться каждого шороха.

Она сидела в гостиной, служанка принесла ей горячего какао, чтобы согреться — утро выдалось особенно холодным, а от росы платье полностью промокло. Руки Ребекки тряслись, и она еле справлялась с тем, чтобы подносить к губам чашку.

— Берти, вы, конечно, можете и дальше тут оставаться, но я советую вам уехать из страны на время, — Томас был мрачен. Пострадала его гордость, ведь кто-то посмел напугать его гостей.

Он уже обратился в полицию, предоставив им доступ к улике. Был в этом и плюс, проверка документов гостей как бы подтвердила качество поддельных бумаг на имя Ребекки Кавендиш и Бартоломью Берта Шрайбера.

Кузен передал Бернاردту запечатанное письмо и небрежно кинул на стол два небольших мешочка, глухо звякнувших о древесину.

— Конечно, я бы советовал, — сказал он, — чтобы письмо было вскрыто лишь в дороге до Лондона, здесь достаточно ушей и глаз, которым я доверяю только рутину. А вы, мой ангел, простите, что так получилось. Не думал, что в моем доме вам может угрожать какая-либо опасность.

— Думаю, опасность нам теперь может угрожать везде, Томас, — Ребекка посмотрела на доктора, она все ждала каких-то слов от него. Она раздумывала — не могло ли это быть мстью Бернардта руками того же Сэла? — Могу я попросить ваших людей прочесать территорию еще раз после обеда?

— Конечно, — кивнул Томас. — Что ты думаешь о кораблях, Бернардт?

— Так проще отбить погоню. На корабле не посадишь тридцать агентов, и следить на море не будут. Думаю, это хороший план, Томас, — доктор был задумчив.

Тени под глазами и безмерная усталость наводили на мысль, что если он и изображал полнейшее незнание, то изображал чертовски качественно. Сэл тоже был тут, сидел очень спокойно, рассматривал Бекку и не участвовал в разговорах, да он вообще не общался с Томасом и не смотрел в его сторону.

— Территорию осмотрят, безусловно, — еще раз пообещал Томас, бросив взгляд на измученную усталостью и нервами женщину. — Я сильно надеялся на псов, но повсюду накрошили табака. Попробуем еще раз найти след, когда собаки отойдут...

— Просто тот человек... хозяин маски, — Ребекка отпила из чашки, чтобы голос не срывался. — Мне очень важно знать, что с ним произошло. Но оставаться тут действительно нет смысла.

Ребекка не понимала Бернардта, не понимала его состояния и этого болезненного вовлечения в дело, которое они придумали. Мстись или страх подкашивали доктора, что он довел себя до такого? Бекка не знала, что она сама от этого испытывает — злость или переживание за мужчину. Иногда ей хотелось вытащить его мозг и душу и хорошенько прополоскать, вымыть от лишнего.

— Томас, пожалуйста, пообещайте мне, что если вы найдете хозяина маски — Патрика, и он будет жив, вы окажете ему помощь, — попросила она.

— Конечно же, мой ангел. Я найду способ вам сообщить, если найду этого человека...

Кстати, на случай, если это было представление... Как его опознать? — странно, но едва речь заходила о делах, Томас переставал нагромождать обильные словесные конструкции и становился довольно пронизательным, должно быть, владение крупной фирмой не просто так досталось.

— Он... высок, худ. Я не знаю, — Ребекка выронила кружку, та разлетелась на осколки, расплескав какао. Она закрыла руками лицо и заплакала, она никогда не видела Патрика без маски.

— Бекка, ну не плачь. Не стоит. Все будет нормально, — Бернардт подскочил к Ребекке, опустился на колени у ее ног, стал гладить по голове и шептать, о том, что все будет хорошо. И как выстрел прозвучал голос Сэла, четко описывающего Патрика:

— Выше дока на два дюйма. Маска подобного рода для дыхания. Массивный, фунтов двести или около того. Характерные протезы рук. Правая рука почти нормальная, с тыльной стороны механика, модель МВ-3 модифицированная, левая механическая. При ходьбе шаркает, кажется, припадает на правую ногу, но не обязательно. Много работал с механическими деталями, так что обратите внимание на ладони... — Сэл замолк и, поднявшись, тоже подошел к девушке, протянул платок.

— Хм... думаю, не ошибемся, — Томас кивнул. Позвонил в колокольчик, чтобы убрали с пола осколки кружки и лужицу какао. — Интересный у вас адвокат...

— Я — адвокат в латинском значении, — Сэл усмехнулся.

Корабль вышел из порта час назад, и посторонних людей на нем почти не было, они трое, да еще двое, те взошли по трапу в самом конце, когда судно уже отходило. С собой вещей взяли минимум, зато довольно много денег. Бекке достался один из мешочков, что дал Томас, около тысячи гиней — целое богатство, если жить без изысков. Пожалуй, да — на такую сумму можно купить одну из дорогих фальшивых деталей, или кого-нибудь убить, нет, не кого-нибудь, целую толпу — жизнь в Лондоне стоила не очень дорого.

— Бернадт, это не мог быть Сэл? В смысле, так поступить с Патриком? — Ребекка, наконец, дождалась, когда они останутся с доктором наедине в каюте.

Сэла она отправила принести что-то с кухни, если там такое вообще водилось. Бекка отослала его, желая устранить на время. Несмотря на учтивость, этот дружелюбный псих осточертел женщине своим постоянным невидимым присутствием. Ей постоянно казалось, что он стоит рядом, смотрит, подслушивает — она была близка к паранойе.

— 'Охотники', будем их пока так называть, — продолжала она рассуждать, — никак не могли избавиться от Патрика. Никто не был так хорош в подделке механизмов, как он!

— Сэл не отходил от тебя дольше, чем на шесть часов, просто не успел бы съездить в Лондон. А Патрик не знал, где мы, да и зачем ему приезжать сюда? — доктор пожал плечами. — И маска могла быть чья угодно, незачем сразу думать о Патрике. Такие часто используются, старая надежная модель. Если, как ты говоришь, 'Охотники' не могли избавиться от Патрика, то почему бы им просто нас не поугаить?

Бернардт и сам не мог понять, для чего это все было сделано. Он терялся в догадках и не улавливал смысла. Может, просто предупреждение? Что если бы Бекка не заметила? Значит, кто-то наблюдал и специально сделал, чтобы это заметила именно Бекка. Но как этот кто-то пробрался мимо слуг и Сэла?

— Это маска Патрика. Он дорабатывал ее под себя, под свою работу, так же как и механику на руках — все это уже далеко от оригинальных моделей, — Бекка закрыла дверь каюты на ключ, просто хотелось какое-то время посидеть запершись. Она так и замерла, понутив плечи и опустив голову. — Мне страшно, Бернадт. Давай просто убежим далеко. Покончим со всем...

— Я... Не могу, — доктор отрицательно покачал головой, запустил руку в волосы, растрепав их. — Я не хочу бежать и не хочу быть загнанным, даже не сделав попытки что-то изменить. Не говорю о том, что мы не убежим позже, но не сейчас. Ты со мной?

— Может, ты и прав, — Бекка кивнула, она сама не раз говорила, что окончательно выйти из дела можно только вперед ногами, но лучше бы вынести своих врагов. — Я с тобой, — она оглянулась на доктора, мелькнула тень улыбки, которой она встретила Бернадта после той роковой операции. — Я не хочу, чтобы ты потом обо мне помнил, как о причине всех бед.

— Но будем вести себя, будто бежим... Паника! Паника! — доктор улыбнулся и подошел к женщине, обняв ее. Он коснулся ее губ и только потом прошептал на ухо:

— Мы на грузовом корабле, отплывем от берега, потом к нам причалит судно с контрабандой, и мы сойдем обратно на берег. Время пути корабля шесть дней, так что если и есть какие-то хвосты, то постараемся их обрезать. У контрабандистов не бывает новых лиц, так что там тоже все чисто.

— Хорошо, — Бекка обняла Бернарда. — Дни, неделя тут, неделя там, другая неделя — время просто уходит у нас, как вода через сито. Я боюсь, что чем больше мы задерживаемся тут, тем больше теряем нити там, в Лондоне. Ты, кажется, знал того толстяка — босса, который командовал Патриком? У нас есть по нему зацепки?

— Фитц. Фамилия Фитцпатрик, ирландец, имени не выяснил, — доктор опустил руки, порывшись в памяти. — По нему почти ничего нет, засветился на заводе и на Ислингтоне, где снимал жилье. Уехал из Лондона, когда мы сбежали, и пропал. Точнее, даже не известно — уехал ли, просто взял билеты, — Бернардт помрачнел. — Выясним пока, когда с завода пропал Патрик, и пропал ли вообще.

— Без маски Патрик не жилец, — Бекка отошла от мужчины и села на край небольшой кровати, их в каюте было две, и радовало хотя бы то, что Сэл будет спать где-то в другом месте. — Значит, этот Фитц тоже не больше, чем пешка. Я его видела несколько раз — он приезжал навести порядок, выдать задания, но я не знала, насколько он важен. Значит, нам нужны люди покрупнее, те, кто мог если не вращаться в нужных кругах, то хотя бы получить доступ к материалам. Хотя узнать, что какой-то завод закупил автоматона со столь дорогим оснащением — не сложно. Все есть в газетах.

— Надо поискать того, кто бы мог это выяснить без шума, — согласился Бернардт. — Ни к чему нам привлекать лишнее внимание... Я теряюсь. Никогда не делал такие сложные вещи, больше похоже на промышленный шпионаж...

— А мне приходилось часто, — Бекка неторопливо выпутывала из волос шпильки, потом снимала платье, она собиралась немного отдохнуть, а главное, заставить выспаться Бернарда. — Я притворялась гувернанткой, попрошайкой, дорогой шлюхой, обанкротившейся певицей, молодой вдовой, иностранкой. Единственное, что мне недоступно — роль добропорядочной леди, девушки на выданье. Ведь помимо приданого, которое может быть и фальшивым, главное в наше время — мнение общества и репутация — они не могут быть фальшивыми, они вращаются и лелеются с юности. Да и кому я это рассказываю? — Бекка улыбнулась, скидывая очередной слой своего одеяния. — Ты должен отдохнуть. Постарайся выспаться, пока мы не пересели на другое судно.

— Спать? Ох, совсем забыл про это... — доктор присел на койку и откинулся назад. Вообще, слова женщины имели резон. Возможно, ее актерские способности будут более полезны, чем информаторы. Надо еще над этим подумать... Он потер переносицу, снял очки, положив их поверх дорожного сундука. — Я так ужасно выгляжу, да?

— Ну, ты никогда не был красавчиком, но выглядел живее, — Ребекка улыбнулась шире, усаживаясь рядом. — Разве месье не подают холодной? Или как там правильно говорить... Не важно, но ты близок к перегреву, а это плохо для дела и планов. Тебе стоит быть спокойнее, пока я рядом и все еще стараюсь держать себя в руках, — уголки губ девушки чуть опустились. — Хотя, признаться, я просто в панике.

— Действуешь по сюжету, — уткнувшись в ее колени, Бернардт буквально на секунду прикрыл глаза и тут же уснул.

* * *

Судно встало на якорь через четыре часа. Сэл бродил по кораблю, наблюдая за матросами. Интересно: если кого-нибудь выбросить за борт, как скоро это заметят? И

можно ли сделать так, что все снова спишут на несчастный случай? Он нашел для себя прекрасный молоток, засунув его за пояс сзади, присвоил, прикрыв пиджаком и пальто.

Он видел, как начали подавать сигналы судну, появившемуся из темноты, запомнил порядок и напугал матроса — сигнальщика, появившись из-за спины:

— Интересная схема. А если что-то не так?

— Другие сигналы, два-два-три-пять-два... ах, ты ж! — матрос успел прикрыть рукой фонарь и сплюнул.

Сэл поправил молоток. О, он почти дрожал от нетерпения, так хотелось убить этого морячка. Псих поспешил вернуться в каюту, чтобы не сорваться. Вернулся и встретился с Беккой взглядом, очень медленно вытащил молоток и положил рядом с очками доктора. Отошел и прислонился к стенке, глубоко вдыхая.

— Пора будить дока, мисс Бекка. Карета подана.

— Да. Я разбужу, — Бекка уже переделалась в неплохое дорожное платье из теплой клетчатой шерсти. Она бросила взгляд на молоток. — Сэл, упаси тебя Господь причинить кому-то вред. Я тебя накажу, — она присела рядом с Бернардом, тронула его за плечо, чтобы разбудить.

— Что? Уже все? — Бернардт выкарабкался из сладкого теплого сна и заворчал, вслепую попытался нащупать очки, но нащупал молоток.

Рука его неуверенно провела по инструменту, сжала и выставила перед собой. Он недоуменно скорчил лицо, потом нашел взглядом Сэла, и это стряхнуло с него остатки сна. Не стал ругаться, на железе не было крови, значит, не произошло ничего непоправимого. Он протянул молоток убийце.

Ребекка никогда не видела, как заклинают змей, но слышала и поняла, насколько близко укрощение к тому, что она видит на ее глазах. Сэл подошел очень медленно. Кажется, дай ему молоток, и он, как безумный, начнет все крушить. Он осторожничает, и едва не подпрыгивает от нетерпения. Но док смотрит на него медленным и тягучим взглядом, гораздо более страшным, чем у убийцы, да еще эти черные круги под глазами... Сэл взял молоток и спрятал за спиной. Кивнул огорченно.

— Ладно, я полагаю, наш транспорт прибыл? — доктор встал, нацепил на нос очки, будто и не произошло сейчас ничего странного. По крайней мере, вел себя обнадеживающе. — Сэл, перетащи вещи, как пристыкуемся. Бекка?

— Да, я готова.

Сэл — она хотела отнять у него молоток и навсегда избавиться от его гнетущего присутствия и помощи. Бекка упрекнула себя за эти не совсем здоровые мысли, может, пребывание в лечебнице не прошло бесследно? С Сэлом она вела себя по-доброму, никоим образом не показывая страха. Говоря проще, как с собакой, четко отмеряя порции уважения, добродушия и строгости, уж жертвой Бекка не хотела себяставлять.

* * *

Возвращение в Лондон отозвалось внутри и приятными, и опасливыми ощущениями одновременно. С одной стороны, скупой воздух с отчетливым привкусом горения был все же привычнее, он пах домом. С другой стороны, возвращение было так же возвращением в дело, было началом расследования. Они стали ближе к тем, от кого сбежали, и к тем, кто убил

Патрика.

На вокзале Ребекка забрала из камеры хранения небольшой чемодан, и они с остальным грузом взяли большую закрытую.

— Где мы остановимся? — обратилась Бекка к доктору, когда они сели. Она выглядела взволнованной, завести беседу казалось просто необходимым.

Наверно, нет ничего проще, чем спрятаться в Лондоне, думал доктор. Даже не надо ничего особенного делать, тебя просто потеряют, едва переступишь границу проклятого города. Много плащей с капюшонами, натянутых до самого носа. Тут еще на некоторых улицах продолжают выплескивать помои из окна, не редкость увидеть труп. Гулять хочется только ближе к богатым кварталам, да и безопаснее, а попадешь в бедный — и вот уже не надо прятаться, тебя скоро надежно спрячут где-нибудь в земле или в Темзе с камнем на шее.

— Поживем в самом обитаемом районе, конечно же. На Пиккадили. Я снял пару комнат. Давно хотел там пожить, все-таки центр: все можно найти, всегда открытые пабы..

— Хорошо, — Бекка собиралась что-то спросить, попутно выглядывая в окно — уже стемнело, и там мелькали только нечеткие силуэты домов и людей. — Я...

Ребекка запнулась. Карета резко притормозила, двери открылись, и к ним под село трое громил — очень знакомых, из банды Патрика. Они прижали всех сидящих внутри, и, как только двери закрылись, карета рванула вперед. Впрочем, оружия в руках у ребят не было.

— Спокойно, — один из них тут же поднял руки вверх, показывая, что они пришли говорить, а не причинять вред.

— Я начинаю восхищаться Патриком. Это нормально? — доктор повел плечами. Как же обидно, что столько усилий, хитрый план с кораблями — все впустую, их схватили у самого вокзала! Бернарда даже не понимал, как, черт возьми, их удалось отследить? Это попросту невозможно. Неужели его ждет еще год в заточении?

Интересно было испытывать это странное чувство: страх, предвкушение и восторг, смешанные вместе. Он указал на одного из мужчин:

— Я тебя помню. Один из хороших парней, не желавших стрелять мне в спину.

— Да, мое имя Вил, — сказал высокий, но худощавый человек. Впрочем, его худоба не обманывала, такие сухопарые ребята часто оказывались самыми отчаянными головорезами.

Бернардт неожиданно для себя успокоился. Почему? Ну, хотя бы потому, что у него есть козырь. Даже несколько. Револьвер в кармане, с которым он не расставался даже в ванне. Всего трое противников, и Сэл, который не едет в карете, а снова гуляет сам по себе, чувствуя себя на улицах Лондона, как рыба в воде.

Бернардт улыбнулся, почему-то мужчины с оружием и опасная ситуация вызывали в нем приступ говорливости, хотя, может, это гены с Томасовой линии...

— Мы все думали, — продолжил Вил, — как связаться с вами, контролировали вокзал. Если бы Бекка не забрала свой чемодан, мы бы вас упустили... Все изменилось. И чтобы вы, док, не пугались, сразу говорю — мы больше не ваши враги. Хотя я никогда себя таковым и не считал.

— Короче говоря, — второй из шайки Патрика, самый пожилой из них, похожий на матерого волка, перебил Вила. — Патрика решили убрать из дела.

— Да, нам подкинули его маску... — Бекка вцепилась в руку Бернардта до боли.

— Патрик еще жив. Пока. Он у нас. И мы настаиваем, что бы ты и док поехали с нами в Ист-энд.

— Ну, по крайней мере, теперь можно будет посмотреть ему в лицо, а не в кусок железа... — сказал Бернадт, стараясь не улыбаться, потому что внезапно он захотел наорать на женщину. Хорошо, что эти бандиты оказались дружелюбно настроены, а если бы нет? — Насколько с ним все плохо без маски?

— Он не жилец, — Вил сокрушенно покачал головой. — Сразу говорю. И тебя, Бекка, я бы не пускал к нему, но он зовет. Ребекка кивнула, она не обращала внимания на доктора. Они приехали на место через полчаса. Пока карета ехала по улицам Ист-Энда, некоторые прохожие провожали ее взглядами, и в этих взглядах светилась жажда наживы. Но стоило ей остановиться и выпустить ребят Патрика, как человеческие тени отхлынули. Тем не менее, один человек Патрика остался караулить карету.

Место, где они остановились, назывался 'Добрый дом', здесь сдавали дешевые комнаты кому попало. Хозяин зарабатывал на шлюхах и усталых бездомных. Они спустились в подвальные комнаты. Открыла какая-то невзрачная женщина.

В комнате, где лежал Патрик, царил полумрак и ужасный запах: сомнений, что механик умирает, не осталось. Было слышно, как больной дышит — сипло, с трудом. Бекка подошла к нему молча, как зачарованная. Коснулась рукой его правой ладони. Пальцы механика дрогнули. Он произнес что-то, похожее на ее имя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это я, Патрик.

Бернардт вошел следом. Дивясь тому, что своего нечеловеческого отношения к этим людям он так и не сменил, и не огорчился за механика. Только думал, насколько все плохо, и можно ли исправить проблему дыхания хирургически. Он мог бы, наверное, если бы не запах разложения. Скорее всего, началась гангрена или столбняк, в такой грязи это неудивительно.

Доктор надеялся увидеть лицо Патрика, но тот и на смертном одре оставался человеком без лица. То, что скрывалось под его маской — отнюдь не было лицом, скорее месивом, более не похожим на живую плоть. Только сейчас она блестела от разных жидкостей, глаз у Патрика не осталось, нос и губы тоже с трудом различались. Как рядом могла находиться Бекка, как она могла присесть у кровати, держать за руку, не представлял даже хирург.

— Как это случилось, Патрик? — тихо спросила Бекка.

— Вы продали деталь? — голос механика был еле слышен, еле разборчив. Бернадт не хотел влезать в эту беседу, но кое-что его волновало:

— Твои ребята подбросили маску или... эти? — неразборчивое ругательство. Важно было знать об этом, кузен был последним, кого бы Бернадт хотел подставить. — И нет, деталь еще у нас.

— Не продавайте, — Патрик хрипло застонал, по лицу Бекки, кажется, текли слезы, но она не могла позволить себе всхлипнуть. — Механизмы. Я посмотрел чертежи... они все будут одно. Одно целое. Это не разные заказы. Я отказался дальше создавать детали для того, что они делают. Они решили убить меня.

— Патрик, что они собирают? Патрик? — Бекка склонилась ниже, но механик, похоже, делал последние выдохи.

— Все кончено, прости, что втянул тебя, — просипел Патрик из последних сил. — Иди, Бекка. Я хочу умереть. Пусть док прикончит. Я знаю, он хотел.

Бекка уткнулась лицом в ладонь Патрика, до сих пор не позволяя себе зарыдать.

— Бекка? — Бернадт подошел к женщине.

Слова Патрика очень заинтересовали его. Что создают эти люди? Стоит ли тогда в это

впутываться? С толпой психов он уже имел дело, эти 'охотники', возможно, тоже из их числа.

Вил взял Ребекку под руки, поднимая с колен, понес ее из комнаты, перед выходом кивнув доктору — мол, делай свое дело.

— Патрик, что они создают? У тебя остались где-нибудь чертежи? — Бернарда осматрелся, ища, чем бы закончить земной путь Патрика. Наверно, он попадет в рай, что весьма прискорбно, потому что доктор хотел отправить его на седьмой или восьмой круг ада, соразмерно грехам, демонам пришлось бы подраться за право его помучить.

— Этого нельзя допустить, — Патрик пытался сказать еще что-то, но слова превратились в неясные стоны. Если бы мог, механик кричал бы. Доктор смог различить только имя Бекки.

Бесполезно дальше пытаться что-то спрашивать. Бернарда разочарованно вздохнул, удивляясь про себя, что еще пять минут назад восхищался Патриком, даже гордился. Он наклонился и мастерски пережал сонную артерию. Несколько минут держал, чтобы точно убить. Хотел получить удовлетворение от мести, но оно почему-то не приходило, только гадкое чувство неправильности того, что он делает. Это стало первым убийством, совершенным им специально, по собственному желанию. И по просьбе обреченного человека.

Бернардт вышел, закрыв за собой дверь, вытирая руки платком, но честно говоря, сейчас бы он с радостью вымыл их раз пять и вообще принял душ. Запах смерти, казалось, шел отовсюду.

Бекку усадили на какой-то полинявший диван, но женщина сползла с него и стояла на коленях, уткнувшись лицом в сидение, совсем как пять минут назад у кровати Патрика.

— Док, тут через два дома есть таверна, — Вил стоял рядом с женщиной, не решаясь более ее касаться. — Грязное место, но наливают что покрепче и до краев. Надо Бекку привести в чувство.

— Сойдет, — Бернарда прошел к Ребекке, опустился рядом с ней. Он погладил ее по голове, потом прижал к себе. Самому тошно от всего этого, и зачем только Патрик попросил его убить... милость, или это не просто так? Что он должен понять для себя после этого? — Тише. Близких людей всегда тяжело терять. Пойдем, выпьем за хорошего человека Патрика, чтобы он не очень огорчился от твоих слез. Давай, вставай.

Док не торопил. Просто наговаривал, был мягок, уверен.

— Ты не считал его таким, — Бекка сидела еще минут пять на полу, потом позволила себя вести, она сделалась словно пьяная или будто бы горе навалилось на нее такой тяжестью, что ей стало трудно даже подняться.

Таверну заполняли люди: те, кто убивал свой вечер и зарплату после работы, и те, у кого выпивка была основным делом — все были тут. Мутные мигающие лампочки, грубые высокие столы, прокуренный воздух.

— Идемте, найду вам место поукромнее, — к доктору и Бекке подошла высокая женщина, лет за сорок пять, плечистая, когда-то красивая. — Вот, садитесь здесь, — женщина согнала из-за стола какого-то мужика, тот уже плохо ладил со своими ногами, но послушно убрался. — Бекка, заказывайте, что хотите, я так налью. Думаю, здесь вас многие угостят. Главное — помни, девочка, я — Фрида Фор, всегда тебя поддержу.

Бекка из рук доктора сползла на длинную скамью по одну сторону от стола. Она не ответила Фриде, но та понимающе не стала продолжать беседу, только принесла через

несколько минут полные кружки. Докторпил, пытаясь осмыслить свои ощущения. Не так, чтобы напиться, но чтобы отойти. Да еще следил за деньгами, мало ли какая публика решит потешить себя новеньким, полным под завязку кошельком.

Бекке тоже принесли выпивку, но та оставалась в прострации. Она даже не плакала, просто смотрела в какую-то одну точку на замызганном столе.

— Бекка? Э... — высокий и худощавый парень протолкался к ним, и уперся в стол руками.

Он посмотрел на Ребекку, никак не отреагировавшую на его появление, и решил обратиться к Бернарду. Сам Бернардт не видел этого человека на заводе.

— Мистер, приходите завтра в Ист-энд, сюда же, в 'Слепое пса'. Поговорим о том, что сказал Патрик. Есть, что обсудить, — на этом долговязый незнакомец замолчал, будто фразы он подбирал с большим трудом. Он коснулся плеча Бекки, погладил его, но что сказать ей, не знал. — И мистер, как вам выпивка в глотку лезет? Если вы сейчас не позаботитесь о ней — мы ее заберем.

— Вы тут все друзья, я уже понял, — доктор кивнул.

Ну конечно, этим-то людям он бы не стал объяснять, что сам сейчас взял и охотно убил того, по ком так горюет Бекка. Он хотел дать ей время, чтобы она пришла в себя, но тут все были ретивыми, так и стремились, чтобы все стало сразу хорошо. Он подвинул ей виски. Наверно, это было уже сто раз — приводить в себя ошеломленных людей, будь то потерявших кого-то или опустошенных предательством, все они были одинаковы.

— Выпей, Бекка, — попросил он. — Не знаю, станет ли от этого легче, но люди должны умирать не так. Мы найдем главных и отомстим.

— Я просто не верю в его смерть, — Бекка заставляла себя вернуться обратно в этот мир. — Все это так странно, нелогично. Что он такого мог понять, за что с ним так поступили? Знаешь, отвези меня туда, где у нас будет дом. Я не хочу пить тут.

— Хорошо, — Бернардт кивнул, нашел громил из тех, что привезли их сюда, махнул рукой, дескать, мы уходим. Долговязого окатил ледяным взглядом. Если тот решил, что Бекку удастся забрать просто так, то он здорово ошибся. Бернардт прошипел скорее, чем проговорил:

— До встречи завтра. И хорошо бы ты точно знал, о чем говоришь.

Обратно добрались быстро. Две квартиры на третьем этаже в доме, казалось, состоящем из света, на улице, где никогда не умолкало веселье, и пестрые компании художников, писателей и прочих представителей богемы шатались от одного паба до другого. Одна квартира для них, вторая для Сэла, который все еще где-то пропадал. Бернардт усадил Бекку в кресло, задернул шторы и налил два стакана виски — себе и ей.

— Завтра все выясним. Все узнаем и решим, как поступить, — сказал он.

— Да, — Бекка кивнула, на этот раз быстрее соглашаясь опустошить стакан. — Это Том к нам подходил, он может сказать много полезного. У него тетка одна из владелиц большого ресторана, не помню названия, знаю, что она любит устраивать нужные встречи и знакомства. Когда Том жил у нее — много чего запомнил.

Бекка протянула доктору стакан, чтобы он снова его наполнил. Ей не хотелось напиваться, скорее очень хотелось заснуть крепким сном.

— И спасибо, что возишься со мной, Бернардт. Я не знаю, что было бы сейчас, если бы не ты.

— А что бы я делал без тебя... — доктор плеснул Бекке еще спиртного.

Он закурил, выдыхая клубы ароматного дыма, совсем не похожие на обычный сигаретный. В коридоре грохнула дверь второй квартиры, которую они снимали. Бернардт только улыбнулся Бекке. Его, наконец, начала бить дрожь, и сигарета с не совсем законным содержимым очень помогала с этим справляться.

— Ну, пил бы вечерний чай у себя дома, читая, или сидел на работе, задержавшись до вечера, — Бекка поднялась, подошла и опустилась на ковер, у ног Бернардта.

Женщина закинула голову ему на колени, глубоко вдыхая дым от сигареты. Она не стала просить делиться с ней, сама не представляла, как спустя пять лет может аукнуться ее прошлая наркотическая зависимость. Но поучаствовать в курении пассивно казалось вполне безопасным.

Вечер подошел к концу, они заснули в сладковатой дымке непотушенной сигареты, раскидав вещи по полу. Сон затянул в спасительное забвение, избавляя обоих от тяжелого осознания происшедшего.

* * *

О, Бернардт хотел бы тут жить вечно! Наверное бы, даже мог это сделать. Проснуться, спуститься в кафе, зайти в парикмахерскую, достать необходимые вещи, прогуляться по книжным. Будто бы все нормально, и можно забить время разной чепухой, чтобы дожидаться вечера в Ист-Энде.

Бекка большую половину дня, напротив, провела дома. Ей стоило отойти от вчерашней выпивки, привести мысли хоть в какой-то порядок. Женщина приняла ванну, распаковала свой старый чемодан — дурацкое вельветовое платье, в таком будет стыдно выйти из этого дома, но не стоит появляться в Ист-Энде в чем-то более приличном.

Бекка даже пробовала накидать на бумаге то, что ей известно, сложить это в подобие схемы, но от этого занятия снова заболела голова, которая к обеду более-менее отошла. Тогда она взяла темный плащ с шелковой отделкой, она купила его еще в Истборне, он закрывал невзрачное платье, и спустилась вниз.

Бекка подошла к консьержу и запнулась, не зная, как ей стоит назвать доктора, поэтому вышло сухо:

— Пожалуйста, передайте мужчине, проживающему со мной — Бартоломью Шрайберу из пятой квартиры, что я жду его в ближайшем... у вас есть, что посоветовать мне для раннего ужина? Что ж, спасибо, тогда, там я и буду его ожидать.

Через пол часа они встретились в ресторане.

— Кьянти, свинину, что-нибудь на закуску и пепельницу, — доктор уселся напротив Бекки и протянул ей два листочка. — Списался с Томасом, у нас есть вполне официальный статус барона и его невесты, прибывших в Лондон по делам его компании, и просто показать себя в свете. Он входит в несколько клубов, в которых числится, но никто его и в глаза не видел, так что мы сможем увидеть этих милых людей.

— Это хорошо, — Ребекка удовлетворенно кивнула. — Длинный Том много может рассказать об этих богатеях, его тетка любительница устраивать вечера знакомств, да еще и совладелица лучшего ресторана в Лондоне. Она, конечно, уже знать не хочет Тома. Но сам Том много помнит полезного, — женщина посмотрела бумаги, вернула их обратно доктору. — Никогда не дурила никого в паре. Нам надо быть убедительными, — она

отрезала еще кусочек, отправила его в рот, задумавшись о том, что может быть, в ресторане она еще как-то вписывается в общество, но на каком-нибудь званом ужине придется еще совладать со всем этим многообразием вилок, ложек и прочего. — Как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

— Это вопрос с подвохом, — Бернардит покачал головой. Потом улыбнулся, достал из кармана еще один лист бумаги. — Меня многие знают в высшем свете... заочно. Придется скрыть лицо дыхательной маской... Но тут нам повезло, возможно, среди наших клиентов найдутся те, на кого у меня есть компромат.

— Тогда не поскупись на хорошую модель маски, я бы не хотела, чтобы это напоминало... Ну, ты понимаешь, — Бекка снова опустила взгляд на свою еду.

Она умела говорить хорошо, выстраивать красивые и интересные фразы, но если приходилось упоминать о личном, то ограничивалась чем-то невнятным. Вообще было интересно, как весьма молодая девушка могла жить с мужчиной, у которого не только была металлическая маска вместо лица, но еще и в форме огромного. Не могли же их отношения ограничиваться только побоями со стороны Патрика.

— Я думаю, если Сэл сможет, стоило бы обыскать мастерскую и комнату Патрика, — предложила Ребекка. — Он умный человек, хоть мы и застали его в совсем плохом состоянии, он не мог ничего нам не оставить.

— Ну, я написал Сэлу записку, но он куда-то ушел. Скорее всего, в свой бывший дом, — тут голос доктора стал тихим, видно, тема была не слишком приятной, или скрывала чертовски темное прошлое. — Пока что можем заняться собирать факты и планировать, кого мы будем опрашивать первым. Мне очень интересно, как поставлялись детали, и почему сразу нельзя было заказывать их на одно лицо, если они собирают что-то одно? К чему трудности с доставкой? Просто положи в шкатулку и скажи, что это драгоценности покойной прабабушки... В конце концов, не к королеве же они их носят...

— Ну, это очевидно, раз такая секретность, значит, они собирают что-то незаконное, — Бекка посмотрела в окно, уже пора было собираться на встречу в 'Слепое псе' с Томом. — Только я теряюсь, что это может быть, если даже Патрик отказался на них работать? Он очень хорошо получал за это.

Ребекка замолчала и окинула ресторан ленивым взглядом, потом чуть наклонилась к доктору:

— А ты не боишься, что кто-нибудь узнает тебя здесь?

— О, ну если натянуть на нос шарф, то всем все равно, — Бернардит осмыслил сказанное Беккой. — Мне бы очень хотелось знать, почему место сбора принципиально... Ведь можно просто-напросто собрать все где-нибудь в Ист-энде, тут, в средних кварталах, да где угодно, не особенно привлекая внимание. Зачем морочить себе голову с укрывательством? Ладно, все узнаем в свое время. Идем?

— Идем, — Бекка отложила вилку с ножом, стоило еще дождаться официанта и расплатиться за ужин.

* * *

Длинный Том удачно встретился прямо на входе. Он обнял Бекку своими длинными руками, что-то крикнул хозяину за стойкой и повел доктора и женщину через кабак на

лестницу, там через внутренний двор, пока они не оказались в полупустой, весьма чистой комнате.

— Это у вас можно за чашечкой кофе строить планы по захвату мира, — сказал он, а в Ист-Энде везде есть уши. Никогда не знаешь, какой из пьяных в стельку алкашей тебя завтра продаст. И вовсе не показатель, что он слюни по столу раскатал.

Том отодвинул стул для Бекки и для доктора. Парень сел напротив, сложив перед собой руки, и оглядел серьезно Бернардта. Это был долгий взгляд, и 'можно ли тебе доверять?' почти читалось у Тома на лбу. На Бекку он смотрел не долго, потом улыбнулся:

— Расскажи, сестренка, кому ты поставляла детали.

— Считаешь, это что-то даст? — Бекка пожала плечами. В мыслях все выходило гладко и относительно просто, но стоило сказать вслух — дело выглядело более безнадежным. — Я не думаю, Том, что все те, с кем я встречалась, действительно были заказчиками. Один раз я оставила механизм в доме в корзине с бельем, один раз в церкви, дважды отдавала в руки мужчинам, которых и не опознать-то, один раз вообще собаке.

— Собаке? — бровь Тома ожила, совершила вираж вверх и вниз с удивительной подвижностью для человеческого лица. Взгляд у парня тоже был живой, может немного суетливый, но смысленный. Казалось, только дай ему команду, он побежит ее выполнять.

— Ну, да собака, большая такая, бело-рыжая. Умная. Да какая разница?

— Нет, ну... — Том закинул голову, пошевелил на этот раз губами, будто бы у него были усы. — Подделки Патрика стоили бешеных денег, значит, мы откидываем всяких малоимущих обывателей и ученых. Но! Это же механизмы, модернизированные, и как сказал Патрик, для какой-то одной цели. Значит, у наших богатеев, есть хоть кто-то, кто должен быть ученым! А потому, я вам проведу словесную экскурсию по элитным научным клубам.

Том развел руками, будто бы показывая, какое большое общество он готов отписать. Потом неуверенно оглянулся на доктора:

— Я верно мыслю, док?

— Гораздо интереснее, что ты в курсе всех дел... — Бернардт сделал неопределенный жест рукой, дескать, 'продолжай'.

На самом деле все бы было проще, если бы они знали, что за штуку собирают эти люди. Особенно, если она связана с автоматами...

— Я знаю Бекку уже лет десять, — неожиданно сказал Том. — Знал и тогда, когда они закидывались и курили с этой фифой. Док, вы когда-нибудь задумывались о том, как это может быть красиво между женщинами?

— Том, прекрати! — Бекка попыталась дотянуться через стол и вклепить Тому подзатыльник, но долговязому достаточно было только немного отклониться, чтобы она его не достала.

— В общем-то, ее Патрика я не знал, — признался Том. — Это человек-крыса, с завода он вообще не выходил, подозреваю, что у него была боязнь какая-то. Но он бредил, когда мы его нашли, а пролежал он у нас долго, очень долго.

— Ладно, так что там про научную элиту? Механические сообщества? — Бернардт попытался вернуть разговор в прежнее русло.

Вообще, идея была абсурдна. Представить только общество копошащихся в шестеренках людей... С другой стороны, ведь существовало общество медиков, держащих в ледниках голову, чтобы проверить сворачиваемость крови в мозге...

— Первое, конечно же, Лондонское королевское общество по развитию знаний о

природе! — начал Том. — Говорить о том, что это серьезная организация — лишнее. С другой стороны, почему бы не присмотреться и к ним? Это организация частная, не зависящая от правительства. Доналд Донвалл Кингсли — поговаривают, что место в обществе он получил за деньги и свой титул. Владеет заводом 'Машинарיום Кингсли', с которого украли детали, почти сразу же, как их купили. Молод, богат, амбициозен, и другие качества юности. Кто еще? Вот, еще Эрик Бернс — знаменитый хирург и лучший врач Лондона, частная практика. Вообще, всячески положительный и семейный человек, но если мы имеем дело с механизмами и кражей механических органов — почему бы и нет?

— Ерунду говоришь, Том. Нападения на людей и подделка деталей — несвязанные вещи! — Бекка оглянулась на Бернардта, будто ожидая его поддержки. Ей и так было неприятно оказаться замешанной в деле, таком, что даже Патрик ушел из него ценой своей жизни. Убийства казались вообще невообразимым кошмаром.

— Если во всей этой авантюре есть такие значимые люди, то для отвода глаз они бы могли пойти на многое. Но я согласен, хирург вряд ли может быть нашим пациентом, — Том расплылся в улыбке, считая, что удачно сострил. — Тогда возьмем любителей военного дела: Адам Персиваль — физик и математик, бывший военный артиллерист. Знаменитый путешественник, участвовал во множестве экспедиций. Или вот этот джентльмен: уехал из Лондона, как только стали шерстить ученых — Льюис Линн Кампбель — Королевское Общество — известный ученый. Недавно вернулся в Лондон из своего родового поместья, где долгое время отдыхал по состоянию здоровья.

— Доктора Бернса я знаю. У него совесть не чиста, но вряд ли он будет рисковать, имея дело с незаконными организациями... — об остальных Бернардт что-то слышал, на фоне заголовков газет и общедоступных фактов. Насчет них стоило обдумать четче. Том назвал чертовски известные имена, и если это преступное общество держится усилиями именно людей подобного круга, то вести активные действия против них — это просто интересный способ самоубийства, довольно извращенный. — А куда уехал Персиваль, не в курсе?

— Он уже вернулся, — поправил парень. — Вполне можете у него самого спросить, он ужасно любит, когда интересуются его здоровьем и всячески ему сострадают. В общем-то, я не столько осведомлен в их делах, сколько в их слабостях. Эти вечера в костюмах, знакомства, тетка знала, как и к кому стоит подмазываться, — Том задумался, что там еще говорила Бекка: церковь, собака? — Джори Иден Тревёр — Охотничий клуб — знаток английской псовой охоты, известный заводчик сеттеров. Его лучший пес Джой — звезда английских лесов и болот, недавно скончался от кишечной инфекции. Целую пирушку закатали в поминки псине.

— Я боюсь собак, — задумчиво сказала Бекка.

— Ну, и зря, может, одна из его псарни и забирала у тебя механизм. Я бы на вашем месте напросился к нему в имение, а лучше сразу на охоту, — Том, кажется, уже чувствовал себя совсем в деле.

— Я и верхом на лошади не умею.

— С Патриком ты была такой же привередой? — нахмурился долговязый.

— Нет.

— Вот, видите, док, как бывает иногда полезно поколачивать жену.

— Том! — рука Бекки наконец встретилась с затылком парня, звук получился весьма громкий, а Том перестал лыбиться.

— Вряд ли это был сеттер. Бекка сказала, что пес был белым с рыжим... — вспомнил

Бернард, прерывая спор. Судя по всему, выходило, что искать контакты придется почти на ощупь. — Может быть, хоть один участник этого шоу будет причастен к деталям точно?

— А Джой и не был сеттером. Я, правда, док, тоже не спец в собаках, но охотничьи собаки одними сеттерами не ограничиваются. Вообще, я предлагаю так — вы ходите, смотрите, подмечаете, может, Бекка чего вспоминает, а я вам выдаю все, что стоит делать, чтобы залезть в душу и дом очередного подозреваемого. Так будет плодотворнее, чем впустую описывать вам всех.

* * *

Ночью в бедных районах становилось тревожно и совсем темно. Даже Бекка сегодня волновалась, не в пример отчаянным прогулкам, когда была пациенткой Бернардта. Иногда она даже скучала по тем временам, по иллюзии доверия, возможности говорить все, что в голову придет. Но сейчас она не чувствовала прежнего участия Бернардта. Отчего-то нужно было следить за словами, бояться отвлечь ерундой, стараться не показаться глупой, какой-то не такой. Хотя какой нужно быть, Бекка и сама не представляла.

— Где Сэл? Если он согласится обыскать мастерскую, я бы хотела пойти с ним.

— В соседней комнате, собирается. Это может быть опасно, — доктор размышлял, проглядывая толстую кипу собственных записей, желая найти хоть какие-то возможные зацепки. Он оторвался от писанины, осматривая женщину. — Почему просто не подождать результатов? Выспаться? Прочитать книжку? Тебя там могут заметить, и будет больше проблем, чем если заметят только Сэла.

Док промолчал, что, скорее всего, Сэл убьет свидетеля, а Бекка очень добросердечна, и скорее всего это только осложнит всю экскурсию.

— Мисс Бекка ничем не помешает, док, — псих вошел в квартиру. — Надень темные штаны, мисс Бекка, и никакого корсета, не на балы идем. Жду внизу, через десять минут. Сэл обжег девушку взглядом, он уже понимал, что убить ему никого, скорее всего, не дадут. А жаль, он хотел применить молоток. Тот жег ему руки еще с корабля. Бернардт кивнул, нашел шприц, наполнил его жидкостью, положил в отдельную коробку, вроде футляра для очков. Небрежно кинул убийце, видимо, понимая, что теперь переубедить девушку бесполезно.

— Точно хочешь пойти? — он все же предпринял последнюю попытку.

— Это зачем? — спросила Бекка про шприц. Она торопливо расстегивала пуговицы платья и застёжки, пока ничего не снимая, дожидаясь, когда Сэл выйдет. — Я не думаю, что со мной будут проблемы. Просто я же знаю Патрика, я жила с ним. Может быть, угадаю, куда он мог спрятать чертежи. Если они вообще были. Ну, и заберу некоторые свои вещи.

Сэл не заставил себя ждать, только взвесил собранный заплечный мешок еще раз и закрыл дверь.

— Это транквилизатор... Ну, гораздо проще бы было, если бы Сэл вырубил случайного свидетеля молотком, но я ценю твое сострадательное отношение к людям, ведь он может и перестараться, — доктор подошел к женщине, приобнял и поцеловал, сначала в шею, потом прикусил мочку уха, коснулся губами виска. — Остайся... Бекка засмеялась:

— Нет, я должна идти, — она легко выкрутилась из рук доктора, отошла к столу, и продолжала улыбаться совершенно дерзким образом. — Так ты мне дашь брюки?

— Бриджи для поло, — Бернадт разочарованно потянулся, открыл шкаф и кинул Бекке одежду, заворчав что-то под нос, о том, как несправедлив мир, что позволят свершиться такому факту, что девушки больше интересуются мужскими штанами, нежели теми, кто в них. — Пожалуйста, будь осторожна. Если что, то оставь Сэла и беги. Ясно?

— Хорошо. Вернусь рано утром и разбужу тебя, — Бекка избавилась от платья, не особо аккуратно скинув на кровать, платье было ее старым, и ни на что кроме походов в значные места Ист-Энда не могло согдиться. — Бриджи для поло, подумать только, — женщина приложила к себе штаны. — Дай мне еще верх и шляпу, раз ты такой модник. Придется завтра полдня убить на поиск гардероба для выходов в клубы. Найти портного, готового сделать столько срочных заказов вряд ли удастся, да?

— Я уже нашел его и даже заказал часть одежды, не волнуйся, — доктор дал ей жилетку, свой плащ, доходивший Бекке до щиколоток, и рассмеялся, когда котелок сполз ей на нос. Пришлось довольствоваться шарфом, прикрывшим пол лица и часть густой копны волос. — Прямо мальчишка газетчик...

— Ладно, я пошла, — женщина не стала перед уходом целовать или обнимать, думая, что в последний момент это сможет затмить надобность идти на завод. — Сэл? Бекка спустилась в холл, консьерж удивленно смотрел на нее, не понимая, как мог пропустить входящего в дом человека, пришлось поскорее выйти на улицу.

— Будут указания, прежде чем мы придем? — спросила она, когда псих появился за ее спиной.

— У завода только. Плащ дока очень длинный, там у входа оставим. И вот что еще, твои сапоги придется тряпками обмотать, мисс Бекка, а то греметь будешь каблуками-то... Вид Сэла сегодня покорял — более ужасного у него еще не было: старое пальто с туго набитыми карманами, все в заплатках, растянутый свитер, прожженный и в дырках, перчатки без пальцев, да еще ботинки особого рода, когда подошва стирается настолько, что можно прочесть, что нацарапано на мостовой, если кто-то вздумает там писать. На лице застыло подавленное выражение. Бекка не могла не заметить, что Сэлу стало явно легче, когда он узнал, что она идет с ним, ему не хотелось оставаться одному.

— Ты не рискуй понапрасну, если там нас заметят, — добавил он. — Убегай. Ну да, док, небось, сказал уже... Он умный, док-то. Знаешь, мисс Бекка, хорошо, что ты пошла, что-то тошно мне сегодня в Лондоне в одиночку ходить.

— Понимаю. Я много проводила времени на улицах, самым удачным было, пожалуй, жить в клинике. Но до этого, да и после, бывало, мне приходилось мерзнуть и голодать по нескольку дней, ожидая, когда меня заберут, или заберут товар, — Бекку не особо смущало мужское одеяние, она даже шла широким быстрым шагом, хотя прохожие все равно оборачивались. — А что у тебя было до клиники?

— Тут плохая история, мисс Бекка. Очень плохая, — Сэл помрачнел. — Почему у дока не спросишь, мисс Бека? Или тебе все равно, кто я такой? Смелая? — смех у мужчины был тихим, но ему хотелось рассказать, поделиться. Вот док знал, очень хорошо знал. И документы видел. И снимки. И показывал Сэлу, но лучше б не показывал. — Ты знай, что просто так людей в одиночку на три года не садят.

— Это твоя история, а не Бернадта, потому тебя и спрашиваю, — Бекка засунула руки в карманы, жаль на платьях их не делали. — Думаешь, я не знаю плохих историй, Сэл? Просто тебя было, кому посадить, а кто-то продолжает гулять... Ладно, не слушай меня, если не хочешь. Можешь не говорить, я не буду у Бернадта спрашивать. Это будет не

честно.

— Ну, не обижайся, мисс Бекка, тогда. У меня неплохая семья была, лет до двадцати, потом отец увлекся наркотиками...

Отчего-то голос Сэла вводил в транс...

Он рассказывал очень просто, но его история затягивала, он и сам погружался в нее с головой. Они уже шли по тихим переулкам, так что голос мужчины обретал особую тональность печали. Сэл рассказывал, как док дал ему почитать дело. Там для него ничего нового. Он вспоминал, как отец баловал его в детстве, и до чего была красива мать, незаконнорожденная дочь какого-то важного аристократа. Помнил, как отца изменили наркотики, так что он стал заниматься нелегальной хирургией: выковыривать из людей пули, сшивать разрезы в чужих животах, чтобы заработать побольше денег на наркоте. В доме становилось все меньше и меньше вещей. Мать часто плакала. Пациентов почти не осталось.

Память обрывается. Дальше он знает с чужих слов. Отец не может признать себя бесполезным и заставляет сына ловить на улице людей, чтобы раз за разом в наркотическом угаре пытаться 'восстановить квалификацию.

Голос Сэла проникал все глубже. На улице стало так темно, что виднелись только контуры домов, достаточно, чтобы не врезаться в стенку, не больше. Кажется, что стоит закрыть глаза, и создастся картинка. Почти видно, как Сэл открывает папку. Там старая фотография отца с матерью, переворачивает страницу. Там снова отец, теперь уже снимок из морга: очень бледный, с синими вздувшимися венами, почерневшим хозяйством, лицо невероятно искорежено. Это дело рук Сэла.

Сэл помнил, как у него болела голова, и он отказывался выполнять приказ отца. Когда спустился в подвал, тот разделявал его мать. Ее глаза застыли в ужасе, но она была еще жива и, увидев его, отвернулась, не в силах, прикрыть руками разбросанные по операционному столу внутренности. Конечно, она все понимала. Она была просто очень сильной и преданной семье.

— Я убью и тебя, ублюдок! — пустое обещание отца не возымело должной силы. Сэл притащил когда-то в этот подвал человек сто. Они хоронили трупы где попало, их не очень разыскивали. Части внутренностей раздавали кошкам.

Ему двадцать пять...

Он берет газовый баллон и стирает кровожадную наркоманскую улыбку с лица Эрнесто Ферчайлда, отца. Лупит, лупит, никак не может остановиться. Помнит, как прикормленные кошки обступили его мать и выжирают ее по кусочкам. Падает в обморок.

— Ну, в общем, потом в психушку. Повесили на меня только убийство отца, остальное-то ему приписали... — Сэл оглянулся на девушку, тревожно всматриваясь в ее контуры. — Ты, мисс Бекка, как? Я ж говорил — не то, что хочется услышать...

Бекка пожала плечами, это движение больше походило на нервную судорогу. Она достаточно молчала, потом задала еще один вопрос:

— И что теперь, Сэл? Какой ты? — Бекка смотрела в землю. Рассказ Сэла многих мыслей навевал, и дело было даже не в том, насколько опустился его отец, как пострадала мать, и чем все это закончилось. На мгновение Бекке померещилось некое сходство.

Выполнять приказы, кажущаяся невозможность все изменить. Если то, что конструируют эти люди из поддельных механизмов, так ужасно, если убийства и вырезанная из жертв механика — их рук дело, то чем она лучше Сэла? Нет, это бред, ничего общего.

— Совсем не связано, — Бекка снова дернула плечами, поймав себя на том, что сказала последние слова вслух. — Для тебя ничего не значит чужая жизнь?

— Ты, мисс Бекка, не поняла, наверно. Ты знаешь, кому-то нравится шлюхи, там, выпить, деньги, извращения, а я люблю людей убивать. Это нормально, так бывает. Это не зло, все равно, все в конце концов умирают, и много таких, кому так лучше, а то мучаются, растягивают свою жизнь, а сами только о смерти думают. Или вот еще много тех, кто ищет таких как я, чтобы не самим на себя руки накладывать. Еще улица, и придем, — это было сказано обыденно, привычно.

Сэл повернул за угол, тут можно было очень сложным образом выбраться на задний двор завода, куда скидывали разный металлический хлам, балки, куски арматуры, колотый кирпич, да все, что не нужно, а вывезти никак не могли.

— Док знает. Он мне так сказал, что это нормально. Иногда такое сказать может, что я не хочу делать ничего. Это... отец называл это гипнотическим воздействием. Все, пришли.

Сэл скинул с плеч сумку, достал из нее два куска ткани и указал Бекке на ящик, чтобы она села, потом быстро обмотал ее сапоги тряпкой, особенно плотно примотав ткань к подошве и привязав покрепче.

— Плащ сними, тут оставишь, мисс Бекка, — сам он взял еще пару кусков ткани, фонарь с закрывающейся заслонкой и ломик, повесив его рядом с молотком. — И шарф. Зацепишься еще. Я тут один путь видел, ты и не знаешь, наверно, даже, что такой есть.

— Хорошо, идем, — Бекка решила больше не говорить с Сэлом.

Она послушно шла за ним, вполне беззвучно. Она многое умела делать беззвучно — вставать со скрипящей постели, чтобы не разбудить Патрика, ходить по железным мостам, плакать. Они остановились у какой-то балки, Сэл пошел вперед, сделал пару шагов. В голове Бекки мелькнула мысль, что толкни она сейчас его, и тот свалится, не успев понять, в чем дело. Она даже вытянула руку вперед. Одно короткое движение, и нет этого убийцы, больного человека с навсегда покореженным сознанием. Женщина отвела руку назад, чтобы сильнее толкнуть, свои движения казались очень медленными.

— Сэл, я боюсь упасть, — Бекка не боялась упасть, просто в последний момент убрала руку, ее трясло, и она должна была что-то сказать.

— Я хорошо чувствую агрессию, мисс Бекка, — предупредил убийца, прежде чем нырнуть в темноту завода. Совсем тонкая щелочка выпускала свет фонарика лишь затем, чтобы осветить края решеток и трубы.

Обычно, чтобы добраться до мастерской Патрика от главного входа, уходило минут семь, пока по лестницам поднимешься, пока обойдешь, но не сейчас, время растянулось на часы, совершенно размылось. Очень мерзли руки, холод металлических конструкций сводил с ума, несмотря на то, что обычно на заводе было жарко, тут все продувалось, и приходилось стискивать зубы, чтобы не стучали.

Наконец они сошли вниз, совсем рядом с нужной дверью, и Сэл полностью задвинул фонарь. Им пришлось довольно долго ждать, пока Сэл не убедился, что рядом никого нет, не хватало еще в темноте наткнуться на неожиданные сюрпризы.

— Ты аккуратнее, мисс Бекка. Может, ловушек наставили внутри, кто знает...

Тут пригодился ломик, замок только жалобно скрипнул на одной глухой, из-за обмотанных вокруг него тряпок, ноте, и Сэл пропустил первой Ребекку. Они прошли сначала в комнату Патрика, она вела и в мастерскую. Бекка дождалась, когда пройдет и убийца, и затворила тяжелую дверь. Стянув в темноте с чего-то ткань, она подоткнула ей щель под

дверью — теперь можно включить свет.

Обстановка комнаты была проста: кровать, не очень широкая, скорее сдвинутые вместе две узких, на одной стороне была мягкая подушка с накинутой на нее кружевной накидкой — сторона Бекки, с другой подушка плоская, из кожи, с какими-то пятнами, видно, от масла, которыми механик смазывал детали своей маски. По обоим сторонам кровати тумбочки: расческа и маленькое зеркальце на Беккиной, какие-то детали, железная коробочка и пыль на тумбочке Патрика. Комнату уже кто-то обыскивал.

— Сэл? — Бекка говорила еле слышно. — Злишься на меня? Это не была агрессия, — женщина подошла и осторожно положила руку на плечо психа. — Ты можешь посмеяться или обидеться на мои слова, но мне бы хотелось, чтобы с тобой и с твоей семьей этого не случилось. Не потому, что я добрая, а потому, что ты мне симпатичен.

— Ты добрая, мисс Бекка. И немного наивная, — Сэл окинул взглядом комнату. Неровности, неплотный звук, он исследовал кровать, привинченную к доскам пола. Патрик жил почти роскошно, уж по крайней мере, пол у него был деревянный, и это наводило на мысль о тайнике именно там. — Ты же вышла замуж за Патрика, значит, добрая. Как вообще можно выйти замуж за человека, у которого вместо лица металлический клюв и трубки?

— Я не из жалости за него вышла, — Бекка тоже осматривала все, под матрасом, под кроватью, в тумбочках. Перешла к тумбочке Патрика, среди деталей, к стене была приставлена одна из фотокарточек, которая хранилась в выкинутой секретной коробке Бекки. Коробочка валялась неподалеку, видно, она привлекла внимание обыскивающих комнату, и теперь у нее был оторван замочек, а снимки и афиши валялись среди хлама. — Он мне здорово помог, и он был умен. Наверно, первый мужчина, который говорил со мной о чем-то более серьезном, чем меню во вшивой забегаловке. Ну, и замужество с Патриком исключало домогательства рабочих и отребья из Итст-Энда. Проще говоря, не положено ли девушке выходить замуж?

— Знатная фигурка у тебя была, мисс Бекка, — Сэл удивленно присвистнул, подняв с пола одну из старых фотографий, на которой была смеющаяся Бекка и еще какая-то женщина, наверно, та самая бывшая любовница. — А чья была идея вшить в это хорошенькое тельце железную коробочку для хлама?

— Хочешь сказать, сейчас хуже? — Бекка пока не нашла ничего стоящего, только фотоаппарат, подаренный Бернардом, повесила его себе на шею. — Идея была Патрика. Знаешь, сейчас я думаю, что и легкое мне не из-за курева заменили, а чтобы лучше переносить этот чертов эфир. Может, я и не права.

— Хуже? Что значит, хуже? По-другому, — Сэл взглянул на потолок. Сейчас бы пригодилась какая-нибудь съемная панель, полая нерабочая труба, в которую можно скатать листы и запихнуть. Он заходил в эту комнату раньше, но тогда предпочел тут не задерживаться, на заводе было много более интересных мест. Он любил толпы людей, не лукавил перед собой, в одиночестве ему после трех лет пребывания в карцере становилось не по себе. — У тебя нет идей, мисс Бекка?

— На потолок не смотри, Патрик не мог закидывать голову, вряд ли бы он справился с тайником на потолке. Мне отчего-то кажется, что мы ничего не найдем, если он что-то и оставил, то это вполне могли найти и уничтожить. Уж до нас тут тщательно все просмотрели, — Бекка открыла следующую дверь — в мастерскую главного механика. Здесь реально перевернули каждую шестеренку — такой тут творился хаос и бардак. Бекка только вздохнула:

— Знаешь, странно, что ты спросил про Патрика. Бернардта этот факт, похоже, просто позабыл. А я четыре года вообще ни с кем не могла поговорить толком. Просто о том, что на душе. Да и вообще, приятно, когда тобой интересуются, какое бы там ни было дерьмо в прошлом.

— Ты же спросила меня о моем, — Сэл пожал плечами. Раньше было как-то неправильно спрашивать, а теперь стало можно. В мастерской он осматривал все тщательно, в том числе и втискиваясь в шкафчики, смотрел, нет ли тайничков в стенках. — Док ждет, когда ты сама ему все расскажешь. Он уважает тебя, мисс Бекка, если бы спрашивал, в пору тебе его пациенткой становиться, да? Психиатр же, — псих вдруг выпрямился, перестав горбиться, и стал очень высоким. На лицо выплыла маска скучающе-надменного Бернардта, и он очень похоже передразнил его: — Значит, вы больны? Вы уверены, что вы больны? И чем же, как вы считаете, вы болеете?

— Я ему достаточно всего успела нарасказывать, пока была 'пациенткой', правда, все это было ложью, — Бекка устала от поисков, ничего полезного здесь не было, а ночь, тем не менее, уже перевалила за середину. Женщина просто сидела на краю стола.

— Не имеет смысла искать дальше. Тут пусто. Если хочешь, то возьми с собой половину фотографий, — предложил Сэл и стал складывать разные предметы на пол, некоторые хрупкие давил, глуша звук тряпкой. В несколько минут в лаборатории царил еще больший хаос, будто несколько человек обыскивали ее, круша все, что под руку подвернется. Потом Сэл утомленно потянулся, аккуратно переступил через груды мусора, которые сам сотворил, и ухмыльнулся девушке. — Пойдем, мисс Бекка?

— Да. К черту фото.

* * *

Они вернулись под утро, рассвет уже начинал смешиваться с клубами пара, накрывающими ранневесенний Лондон. Бекка продрогла окончательно, да и чувствовала себя уставшей, вымотанной переживаниями: ступать тихо, не быть замеченной, не сказать лишнего Сэлу — это порядком утомило.

Женщина скинула одежду на пол. На ванну сил не было, Ребекка забралась к доктору под одеяло. Повозившись в постели, она обняла его, прижалась ближе в каком-то особо нежном порыве к спящему мужчине. Обычно Бекка посреди ночи откатывалась на край кровати, если ее не держать — привычка, с Патриком она делила кровать четыре года.

От нее немного пахло заводом, мокрым железом, утренним влажным Лондоном, местом заточения Бернардта и одновременно местом его свободы. Так же как и в рождественскую ночь, только без привкуса вина.

— Ммм... — Бернардт сонно притянул девушку к себе и заснул с ней в обнимку.

Его уже почти не волновала неряшливость, не побудешь сильно аккуратным, покопавшись в чужих органах в антисанитарных условиях, или посидев в подвале пару месяцев, по крайней мере, он сильно снизил планку. Так же сонно он задал вопрос 'Что-нибудь нашли?', только для того, чтобы тут же уснуть опять.

* * *

Пробуждение пришло с запахом завтрака, холодной свежести комнаты и газет. Доктор оторвал взгляд от газетных листов бледно-желтого цвета, рассмотрел стенку, на которой ютились имена, припиленные булавками к обоям, обрывки бумаги, выписки, какие-то стрелки, факты. Будто доктор планировал целое побоище, а не просто информационную разведку. Сонная Бекка последовала взглядом за глазами доктора, она пила кофе, стоя еще не одетой, держа в руках чашечку и блюдце.

— Не хорошо, если это увидит прислуга, — сказала она.

— Сегодня наш выход в свет? — Бекка зевнула и кинула взгляд на окно, стоило поторопиться, найти парикмахера, у которого день не расписан на клиенток, костюм, в конце концов.

— Квартиру убирают, если того пожелает сам квартиросъемщик, под личным присмотром. Это же Пикадилли, тут не Ист-энд, но не прогуляться по чужим карманам просто дурной тон, вроде как 'мистер, мне даже не интересно, что у вас в карманах, настолько вы мне безразличны'. — Доктор мотнул головой в сторону ванны. — Платья принесут через час, будут подгонять под тебя. Ванна и завтрак тебя ждут. А начнем мы со старика Эрика, главного хирурга в этой унылой стране. Как думаешь?

— Сегодня пятница, у них традиционный ужин на квартире у театра. Собираются, говорят о науке, о жизни, выпивают. Женщины на таких посиделках не бывают, но меня ты вполне можешь привести, так как это будет твое первое с ними знакомство воочию, да и самих правил мероприятия ты не должен знать, — Бекка накинула уже известный доктору с Истборна халатик и села за стол. — Дай закурить.

Просьба Бекки была немедленно исполнена, и Бернардт налил себе еще кофе, откинувшись в кресле, чтобы понаблюдать за женщиной.

— После примерки покажу тебе маску. Честно сказать, меня терзают сомнения по поводу нее, если я встречу Эрика, то как бы он не опознал этот фарс...

— Да, твой волос вряд ли покрасишь. Черные сложно осветлять, — Бекка не без удовольствия затянулась, поставила локти на стол, не застегивающийся халатик оставлял обнаженную грудь на виду, а стол скрывал шрамы на животе и боках женщины, делая ее почти идеальной. Она смотрела на Бернардта, прикидывая, что можно сделать с его обликом, чтобы его никто не узнал. — С другой стрижкой не хочу тебя даже представлять. В общем, шляпы, а там, где их надо снимать — укладка, можно зачесать волосы назад. — Ребекка изобразила рукой движение, потом стряхнула на край блюдечка пепел. Снова затянулась.

— Будто волосы — это основная проблема... — Бернардт улыбнулся, хорошо, что она не предложила ему варианты, как спрятать нос... — Давай я расскажу тебе про Бернса? Хирургия у меня была первым предметом. Когда я поступал, он ее уже почти заканчивал, взяв вторым образованием, оставалось два года. Кажется, он еще прекрасный терапевт. О нем ходили легенды, он вроде экстрасенса. Еще в институте он обнаружил и зарегистрировал около двадцати новых болезней и для десятка предложил методы лечения. Он может сидеть и смотреть на человека, даже не осматривая, и уже знать, чем тот болен. Он очень умный, но рассеянный, все замечает и тут же забывает за ненадобностью. Циник, но со своим моральным кодексом, причем очень жестким, никогда не будет делать что-то заведомо аморальное. У Эрика есть жена и дочь. Он любит приглашать домой гостей, так что я надеюсь, мы будем в их числе. Пока что все. Выбрал из-за того, что к нему проще всего подобраться, да и знаю я о нем больше, чем об остальных.

— Хорошо. Возьму на себя любителя говорить о болячках, молодого барона и лорда Михаэля Нольвенна, говорят, он тоже молод, богат и вообще экстравагантен. Когда доберемся до охотничьего клуба — возьмешь на себя Джори Тревёра, — Бекка снова смахнула пепел. — Давай, что ли, в общих чертах накидаем, кто мы и что там у нас.

— Я дальний родственник Томаса Бартоломью — Берт Шрайбер, веду дела в основном в Германии, поэтому долго не был в Лондоне, но юность провел здесь. Приехал по делам фирмы, да еще засветиться в обществе, потому что планирую открыть крупный филиал тут, и окончательно переселиться в Лондон. Ты — Ребекка Кавендиш, моя невеста, у тебя частное владение где-то недалеко от Томасовых земель, так мы и сошлись. Про маску легенда примерно такая: пострадал от взрыва в порту, попал какой-то мусор, не смогли восстановить гортань полностью. Это основная легенда. Единственное, что плохо, так это то, что жилье в Лондоне стоит кучу денег, и не хочется снимать частный дом для наших игр...

— Ну, и ладно, будем снимать эту квартиру. Врать, что строим дом в пригороде. Это не важно, на самом деле, — Бекка докурила сигарету, залпом допила остывший кофе и удалилась в ванну.

Примерка и подгонка костюмов заняла безобразное количество времени, учитывая, что одно платье должно было быть готово к вечеру, поэтому его дошивали практически на Бекке. Даже повозку пришлось заказывать между примерками. Наконец, портной покинул квартиру, а мнимый барон с невестой были обеспечены костюмами на этот выход.

— Вот дерьмо, я совсем ничего не успела, — Ребекка, лишенная возможности сходить к парикмахеру, пыталась за последние крохи времени соорудить приличную прическу сама. — Бернардт, подай лоскут ткани с пола, — попросила женщина весьма громко, и при этом умудрившись не выронить из губ сигарету.

— О, господи, мне стоило взять в невесты Сэла. Почему мой костюм подогнули за пятнадцать минут, а твой занял весь день, и то чудом?! Кто знал, что там больше десяти слоев? И на подвязках есть что почитать... — доктор подал девушке ленту и хрюкнул. Его одновременно весь этот хаос бесил и веселил до колик в животе. — Это чтобы мужчина, снимая с тебя весь этот наряд, не заскучал. Правда, может, стоило попросить еще сшить юбку из 'Таймс'? Подумай об этом...

Он, стоя позади Бекки, пытался втиснуться отражением в уголок зеркала, чтобы приделать на лицо кожаную, с выводами для трубок, с подвижными частями и даже дверцей для курения или питья через трубочку, маску.

— Это все талия, с ней больше всего проблем. Этот корсет мне уже не удобен, но надеюсь, я выдержу вечер, — Бекка сделала прическу, подвязав некоторые пряди лоскутом от платья, вся эта конструкция была немного небрежна, но это только добавляло женщине очарования. Она чуть двинулась в сторону, чтобы увидеть в зеркале Бернардта в маске. — Техника в купе с живой плотью всегда ужасали меня. Иногда я думаю, что еще пара десятков лет, и мы не сможем разобраться, кто из нас человек, а кто автоматон.

— Ну, не так быстро. Для этого нам понадобится как минимум война. Знаешь, что в период войны наука делает скачок вперед? — его голос исказился, стал металлическим, с шумами, как бывает, когда плохая связь по телефону. Бернардт надел небольшой нагрудник, спрятав лямки под полы сюртука, туда уходили трубки, и на нагруднике нервно прыгали стрелки датчиков. — Как ты себя чувствуешь после операции? Я уверен, что отлично сделал, да и осмотры говорят, что все хорошо заживает, но...

— Я не знаю, — Бекка пожала плечами. — Я еще не совсем отошла от всего, поэтому не

могу трезво оценить.

Мелькнули мысли о несостоявшемся ребенке. Сейчас Ребекка понимала, что все сложилось верно, разве могла она выносить его со всей той металлической дрянью, что напихал в нее Патрик? А сможет ли вообще теперь? Она повернулась лицом к доктору, еще раз осматривая его в маске. Просторная ванная стала тесной, стоило в ней оказаться даме в платье.

— Я бы не хотела ни войны, ни скачка науки. Куда еще выше? Есть ли у нее вообще пределы? Пока мы только губим себя и превращаем в железо.

— И продлеваем жизнь. Всегда были люди, которые говорили, что дальше развивать науку не стоит, и всегда оказывались неправы. Это просто оправдание деградации, Бекка, — сказал доктор. — Да и зачем тогда получать образование, учиться, чем-то заниматься, если смысл жизни превращается не в открытие еще каких-то кусочков вселенной, а в существование дом-работа-дом?

— Я не хочу с тобой спорить, — Ребекка обошла мужчину и выглянула в окно. — Карету подали. Нам пора.

Женщина стала серьезной, пропала спешка, торопливость, наверно, доктор бы мог вспомнить подобную готовность, когда Бекка была его пациенткой, и собиралась на очередную прогулку. Но когда они сели в карету и тронулись к известной штаб квартире клуба, Ребекка нахмурилась:

— Сколько у нас еще времени? Мне не хватает нескольких дамских мелочей. Перчаток, кошелек. Мундштук еще не помещает, не могу же теперь курить так. А еще кольцо какое-нибудь, а то какая я невеста.

— О, ну тебе бы стоило сказать об этом раньше. Пока на тебе все это ушивали, — Бернардит недовольно поморщился, постучал в стенку кареты, и кучер притормозил. Доктор высунулся из окна, сказал адрес, — Я позаботился только о кольце.

Если бы маска не закрывала лицо, то эффект был бы драматичнее, потому что улыбка у доктора была поистине хитрой. Да и кольцо обладало совершенно дьявольской силой, золотое, с мельчайшей гравировкой в форме дракона, все осыпанное рубинами и алмазами. Что-то восточное. Он пояснил:

— Семейное.

— Не слишком ли большие траты для антуража? — Бекка отчего-то стала еще сосредоточеннее и даже мрачнее. — В конце концов, со мной может что-то случиться. Вряд ли семейные драгоценности тогда долго пробудут на мне.

— Ну, что же поделать. У меня нет другого, — доктор рассмеялся. Боже, надо же, переживать так из-за кольца, когда он сам ошутимо волновался, но из-за того, что они лезут неизвестно куда, неизвестно с какими людьми играть в опасные игры.

Богатые дома! Роскошь, роскошь, роскошь. Можно зайти в один из таких домов и думать, что это музей. Величественные кварталы, известные жильцы, элита Лондона. Карета остановилась напротив штаб-квартиры научного общества, почти вровень с парадным входом. Это был именно такой богатый дом.

Бернардт подал Бекке руку, обратив внимание, как прекрасно подошло кольцо. Их уже встречал, помимо лакея, кто-то из сообщества. Этот неизвестный молодежавый тип успел за первую минуту надоесть до жути, мелькая вокруг:

— Как доехали? Как дорога? Сэр Бернс говорил, что вы пожелаете пораньше... Лакей открыл двери главного зала и, пройдя внутрь, возвестил собравшимся:

— Сэр Бартоломью Шрайбер и его невеста, мисс Ребекка Кавендиш. Доктору только и оставалось, что проследовать за ним и коротко поклониться:

— Господа.

Кевин Кори Рейнолд — президент общества, пожилой инженер-изобретатель. Старость уже исказила его гордую осанку, давно выбелила волосы и покрыла лицо морщинами, но ни это, ни очки с толстыми стеклами не могли скрыть живых ясных глаз. Он тут же отделился от группы мужчин и подошел к гостям, как и полагалось хозяину. Легким поклоном поприветствовал Бекку, пожал руку Бернардту.

— Господа, сегодня наш день ознаменован приездом нашего идейного брата! — голос у Кевина Рейнолда тоже был на удивление четким, так что на него и доктора с женщиной устремились взгляды всех присутствующих. — Пройдемте, я вас со всеми познакомлю.

Главная зала штаб-квартиры оказалась большой, в светлых тонах, не перегруженная мебелью и прочими предметами интерьера, чем так грешили современные особняки. Зала делилась на несколько секций. Первая с большим столом и стеной, занятой доской для чертежей. Во второй секции стоял стол поменьше, и в отличие от первого, заваленного бумагами и приборами, этот был обставлен для ужинов и непринужденных бесед. Третья секция отличалась белым мебельным гарнитуром, состоящим из длинного диванчика, на котором сидели две дамы, и множества кресел с журнальным столиком — все это образовывало полукруг у большого камина.

— Прошу знакомиться — Льюис Линн Кампбель, почетнейший наш ученый, чьему выздоровлению мы очень рады, — представил президент полного пожилого джентльмена с пышными усами, переходящими в не менее пышные бакенбарды пепельного цвета. Кампбель особенно засиял после примечания о его здоровье.

— Очень приятно, мистер Шрайбер, — он поклонился Бекке, протянул руку Бернардту.

— Рад познакомиться, — Бернардт пожал протянутую руку, вообще-то ему и вправду показалось тут интересно. Раньше он клубы обходил стороной, не сказать, чтобы ему не поступало приглашений, но с психами и вписанными 'больными', тех, кого богатые родственнички отправили в лечебницу против их воли, было интереснее, они отнимали все свободное время, но оно того стоило. — Надеюсь, ничего серьезного?

— О, сейчас я в относительном порядке, — Кампбель улыбнулся еще шире, об этом свидетельствовали приподнявшиеся усы. — Но не смею пока препятствовать вашим дальнейшим знакомствам.

Президент подвел пару к следующему почетному мужу:

— Адам Персиваль — физик и математик, бывший военный артиллерист. Знаменитый путешественник, участвовал во множестве экспедиций.

Этот мужчина оказался моложе предыдущего, суров лицом, с сохранившейся в осанке военной выправкой.

— Рад знакомству, — Персиваль улыбнулся женщине, поцеловал ее руку, кивком головы поприветствовал фальшивого барона.

— Польщен знакомством. Лондонские газеты не перестают о вас писать, — Бернارد подумал о том, что хотя бы улыбаться и изображать эмоции не надо, это одно из преимуществ маски.

Физик только кивнул.

— Два наших самых молодых, но отнюдь не менее ценных от этого члена: лорд Доналд Донвалл Кингсли, владелец 'Машинариума Кингсли', и лорд Михаэль Нольвенн.

Доналд Кингсли — видный молодой мужчина, высокий, черноволосый и светлокожий. Глаза у него тоже были темные, в них читалась уверенность в себе, ум и приглушенный азарт. Он тоже коснулся губами руки Бекки, умудрившись при этом даже не взглянуть на ее лицо. Впрочем, неожиданно явившийся барон Шрайбер вызвал у него больше интереса, это было видно по его взгляду, короткому и оценивающему. Кингсли протянул доктору руку:

— Рад встрече, — еще одно рукопожатие.

Лорд Нольвенн также окинул доктора взглядом, чтобы заметить:

— Что-то мне подсказывает, что вы не задержитесь в нашем клубе, — это прозвучало грубо, но почему-то у присутствующих не вызвало отрицательной реакции. А через секунду президент клуба пояснил:

— Сэр Михаэль имел среди своих предков предсказателей, как он говорит. И даже представлял нам доказательства. Да еще он взял за привычку говорить всегда лишь правду, не допуская лукавства ни по какому поводу. Его считают очень эксцентричным, но пока он не ошибался, мы даже не можем упрекнуть его ни в чем.

— Именно так. Рад знакомству. Миледи, — Нольвенн коротко кивнул.

— Взаимно, мистер Нольвенн, — Ребекка верила в предсказания, и даже была категорически против таких людей, она думала, что такие способности у них отнюдь не от Господа.

Ей бы стоило держаться подальше от лорда, но разве могла она лишиться себя столь азартного момента? Женщина неуверенно улыбнулась мужчине, отвела взгляд, поднесла к губам руку, закусив палец в нерешительности — не кокетство, а только лишь смущение и любопытство.

— Возможно, мистер Нольвенн, вы и мне можете что-то предсказать? — Ребекка улыбалась уже открыто. Если этот лорд обнажит ее прошлое, а ученые, похоже, не особо сомневаются в его способностях, ей придется выкручиваться.

Михаэль замер, склонил голову. Тонкая улыбочка эстета сползла с его лица, и он нахмурился:

— Это не всегда получается, но, если позволите... — он выставил руку перед Беккой, прикрыл глаза. Смотрелся будто настоящий медиум, таинственно и могущественно. Затем он опустил ладонь и спросил Бекку, кинув извиняющийся взгляд на Бернарда: — Потеряли кого-то близкого недавно?

— Дважды, мистер Нольвенн, — Бекка кивнула. Ну, конечно, случай с Патриком самое яркое и мучающее ее событие, а еще раньше — ребенок.

Президент клуба, не желая омрачать момент, проговорил что-то быстрое и извинительное и поспешил продолжить знакомство.

— Доктор Эрик Бернс, наше медицинское светило! Мисс Ребекка, мистер Шрайбер бы ужасно неправ, приведя вас сегодня сюда, а не вчера в оперу, где для клуба было заказано две ложи, иначе бы вы просто умерли сегодня от тоски в нашем обществе! Так, вот я о том, что по счастливому стечению обстоятельств, наше скучное общество сегодня разбавлено двумя прекрасными дамами — миссис Бернс — женой доктора, и его прекрасной дочерью — мисс Айгнейс Бернс.

— Я с радостью познакомлюсь с уважаемыми женщинами Лондона. Но пока мы еще не подошли к ним, мистер Рейнолд, скажу вам по секрету, — сбавила шаг Бекка, — что для меня огромное счастье оказаться в обществе тех, кто воплощает собой науку и прогресс, — невысокой женщине и то пришлось чуть нагнуться, чтобы, улыбаясь, проговорить это на ухо президенту. — Конечно, я не могу быть настолько нахальной, чтобы выразить свое желание побыть вашей слушательницей.

— О, вы вправе требовать! Мы будем рады, если мистер Шрайбер будет посещать нас в вашей компании, — ответил мистер Рейнолд, Бекка очаровала президента без какого-либо труда.

— Слово моей любимой для меня закон. Если другие законы это не запрещают, — ответил Бернадт, больше занятый мыслями о Бернсе.

Он заметил, как изменился этот человек с последней встречи. Теперь он оброс брюшком, мефистофелевской бородкой и облысел на полголовы, хотя разум его, скорее всего, оставался таким же острым. Бернадт хотел с ним поговорить, но боялся, что Бернс узнает его даже в дыхательной маске. С другой стороны, надо было получить приглашение к Бернсу на обед.

— Иди, любимая, мне очень интересно пообщаться с мистером Бернсом. По странному совпадению, совсем недавно я читал его статью в германском журнале...

— В германском? — услышал сэр Эрик Бернс, удивленно поднимая брови, вспоминая что-то.

Без особых трудностей выяснилось, что у этого гиганта научной среды тоже есть недостаток — тщеславие. Бернс и Бернадт переплыли в свою среду общения, увлекшись беседой, оставалось только надеяться, что у мужчины хватит благоразумия не сильно показывать свою подкованность в медицине.

Ребекке же пришлось подойти к представленным ей женщинам. Это казалось ей досадным. К женщинам она относилась странно, учитывая, что несколько лет она была любовницей одной дамы, — женщин Ребекка все же не любила, можно сказать, не переносила. Особенно таких, какими были женщины из семейства Бернса.

Миссис Бернс отлично выглядела для своего возраста в темном закрытом платье из бархата, с ниткой отборного жемчуга, обвивающего ее шею. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, насколько эта женщина строга и холодна. Она даже улыбнулась Бекке так, что приветственный тон не смог скрыть пренебрежения.

'Все ясно', - подумала Бекка, — 'нарушая все правила клуба, старуха притащила свою дочь в общество перспективных умов, чтобы выдать ту замуж'. Ребекке всегда казалось забавным, что такие люди, как эти мужчины, — ученые, предприниматели, дельцы и авантюристы, выбирали себе в супруги кукол, которые хоть и получали образование не в пример лучше ее, могли вести беседы не больше, чем об опере и зоопарке.

А мисс Айгнейс Бернс все же была мила, и на фоне своей строгой матери смотрелась очень выгодно, нежно и мягко. Она казалась ровесницей Бекки, хотя это было бы странным — так долго оставаться незамужней дочери такого известного врача. Скорее это Ребекка выглядела моложе своего возраста. Мисс Айгнейс же имела светлый волос — хороший медово-русый цвет, молочную кожу, кругловатое, но изящное личико, кроткие голубые глаза.

Ребекка была уже готова взвыть, вынужденная вести с дамами беседу, но не могла найти предлога сменить их общество на общество ученых. Она уловила момент, когда Бернардт проходил рядом, и позвала его жестом.

— Мистер Шрайбер, уделите немного внимания нам, — заговорила за Бекку миссис Бернс. — У мисс Ребекки такое необычное кольцо. Расскажите нам его историю.

— Неужели, любимая, ты сама не рассказала? — Бернардт чертыхнулся про себя.

Хотя и он мог похвастаться, все же он выпросил у доктора Эрика приглашение на завтрашний ужин, и теперь как раз собирался поговорить с сэром Персивалем о его болезнях, тот уж слишком радовался. Что-то говорило Бернардту, что тот много чего придумал, а может, и вовсе не болел так, что вообще стоило уезжать из Лондона. Но почему бы не начать с дам.

— Ну, что ж... — он опустил в кресло, скрестив руки на груди. — Кольцо на пальце моей невесты — семейная реликвия. Его получила от индийского раджи еще моя прабабушка, в честь помолвки с моим прадедушкой. Ему, наверное, более трехсот лет. Раджа был уверен, что кольцо заколдовано, и тот, кто захочет разорвать брак, будет проклят. Ну, это всего лишь старые сказки.

* * *

— Господи, еще чуть-чуть, и я взвою от боли! — Ребекка нервно курила, пока карета везла их на квартиру.

Наскоро подогнанный корсет ее совсем измучил, все же многочисленные операции и махинации с железным коробом сделали фигуру не совсем подходящей под стандартные модели. Женщина держалась одной рукой за бок, стараясь отвлечься:

— Тебе удалось выбить приглашение? А этот лорд Нольвенн? Прямо-таки дьявол! Я уже представила, как он выдаст что-то неприглядное обо мне, и у всех этих богатеев отвиснут челюсти.

— С Эриком мы быстро нашли общий язык, как я и думал, он любит лесть. Гении всегда обожали похвалы... — Бернардт расстегнул сюртук, чтобы открепить маску от лица, та была совсем новенькой и натерла лицо и шею там, где проходили ремешки. — По мне, так этот Михаэль мог сказать что угодно, что-то бы да произошло. Успокойся, так поступают все гадалки, просто говорят что-то обобщенное. Надо только поддакивать ему, и с ним будет просто. Общество дам пришлось тебе не по вкусу?

— Да. Запудрить мозги мужчине совсем не сложно, но эти женщины сами сожрут кого угодно с потрохами, — Бекка выкинула недокуренную сигарету, кажется, от нее только сильнее кружилась голова. Она откинулась на сидение, расстегнула несколько пуговиц на высоком воротнике платья. Холодный весенний воздух совсем не помогал справиться с жаром. — Поверь, если бы мое прошлое знатной женщины было настоящим — они бы уже к

завтрашнему ужину знали обо мне любую мелочь. А так будет множество подозрений, много внимания. Думаешь, эта сушеная карга действительно хотела послушать твои истории?

— Ну, я дам тебе почитать про ее родственников кое-что интересное, и тебе будет, чем ей ответить. И сам буду спасать тебя от нее, если ты возьмешь на себя доктора Бернса. Он все приглядывался к маске, как бы не заметил... Вообще, по легенде ты из хорошего рода, но строгие родители не позволяли уехать из отчего дома, пока ты не обвенчалась. Недалеко от Истборна есть богатые владения, там живет пожилая пара, насколько я знаю, у них действительно есть дочь, и с кем-то обручилась. Фамилия старушки Кавендиш, так что твое прошлое так быстро не вскроется, — доктор зевнул, на самом деле он вымотался, так нервничал из-за этой маски, но по-другому было нельзя.

— Мне кажется, что чужие секреты из ящичков стола кружат тебе голову, — заметила Ребекка. — Но неверно считать, что ты можешь прийти к каждому и шантажировать его. На весь мир, Бернардт, компромат не нароешь. И уж тем более будет плевать на чужое дерьмо какому-нибудь громиле в переулке или подкупленной горничной, которые помогут убрать того, кто слишком много знает о других. Не надо так размахивать своей влиятельностью. И я совсем не пытаюсь тебя учить, а... В общем, сам понимаешь.

— Не думаешь, что это хорошее подспорье для нас, Бекка? Ну ладно, действительно, тщеславие Бернса, кажется, заразительно, я, наверное, сейчас был как надутый павлин... — Бернардт рассмеялся. Понимал, что некоторых людей и в самом деле слишком легко убить, он сам входил в этот список.

Карета подкатила к подъезду, так что пришлось на время пути в квартиру, прервать беседу.

— Так что? Кого мы попробуем обработать после Бернса, если он по всем статьям невиновен и непричастен? — спросил Бернардт, снимая плащ.

— Примемся за всех разом, — Бекка зашла в квартиру, прислонилась спиной к стене. — Все они уже удавшиеся люди, я бы поставила на молодых барона и лорда. Оба предприниматели, махинации с контрабандными деталями вполне могут быть делом их рук. Особенно мне не нравится этот предсказатель. Надо расспросить про них Тома, про то, как к ним найти подход, — Бекка перевела дыхание. — Господи, Бернардт, я должна совсем упасть, чтобы ты помог мне? — женщина оттолкнулась от стены и ушла в спальню, чтобы там рухнуть на постель.

Вздыхнув, доктор пошел за ней, присел рядом и стал задумчиво расшнуровывать ее корсет. Он думал о том, что они будут делать после того, как раскроют, кто стоит за всем этим делом с автоматами и поддельными деталями? Если им улыбнется удача в том, чтобы узнать, но не в том, чтобы тягаться с этими людьми... Что они будут делать?

Бернардт был заключен в подвале, работал в диких условиях, нет, не так — его жизнь и свобода были в чужих руках. После смерти Патрика в нем будто погасили эту ярость, бушевавшую внутри. Зачем вообще теперь лезть во все это? Бернардт не признавался себе и Бекке, но ему было интересно. Чертовски.

— Что если эти, как ты их назвала, 'охотники' на самом деле делают достойное воплощения дело? — вдруг спросил он.

— Тогда кто мы, чтобы мешать этому? Если, конечно, доброе дело можно начинать с воровства, принуждения и обмана, — устало ответила женщина. Но если задуматься, что у нее было, кроме этого дела? Абсолютно ничего, ни семьи, ни родственников, ни гроша на жизнь. А деньги, данные Томасом — даны для дела, их Бекка и собиралась отработать. Будто

спасение, вспомнился уже подзабытый мотив:

— Но мы же должны найти способ восстановить твою жизнь, а я пока не вижу других вариантов это сделать.

* * *

Бекка сидела в зале за небольшим столиком у окна, за которым они и завтракали.

Она была даже вполне одета, длинная ночная рубашка, поверх приталенный белый халат из кружева — в свете весеннего солнца она казалась феей или невестой. Влажные волосы женщины лежали на небольшом полотенце, накрывающем ее плечи. Сама она читала: морща иногда лоб, ведя пальцем по строчке и бесшумно шевеля губами. Как только Бернardt проснулся, Ребекка отложила газету в сторону и пояснила, не без тени смущения:

— Нашла тут что-то вроде научного вестника. Надо же соображать хоть что-то, — она поднялась из-за стола. — Кофе? Газету?

— Все сразу и тебя, — док с ленцой потянулся. Сегодня спектакль должен был продолжиться. — У нас сегодня запланирован ужин?

— Да, ужин у доктора, на шесть тридцать.

Дом известнейшего на весь Лондон доктора Эрика Бернса соответствовал его положению — большой, светлый особняк в пять этажей.

Званный ужин был запланирован давно, и не стал импровизацией к приезду мнимого барона и его невесты. Помимо неизвестных Бернardtу гостей, оказалось и два знакомых лица — лорд-предсказатель и владелец Машинариума.

В семействе Бернса все соответствовало традициям и правилам приличия, соблюдавшимся еще с начала века. Не было исключением и очередность в которой гости входили в обеденную залу. Гости входили парами, хозяин возглавлял процессию под руку с самой высокопоставленной дамой. Ею оказалась невеста барона, то есть Бекка. Далее в залу прошла дочь доктора, которая досталась в пару

Бернardtу, завершала шествие хозяйка — с самым влиятельным из приглашенных мужчин — бароном Кингсли.

Даже стол в этом доме накрывали в почти отошедшем в прошлое стиле 'а ля франсе', и он ломился от красиво оформленных блюд. Доктор Бернс и миссис Бернс сели с разных концов стола, остальные согласно порядку, в котором входили в зал.

— И как там, в Германии, сэр Шрайбер? — Бернс, как и подобает хозяину, начал беседу, когда еда была разложена по тарелкам гостей.

Бернardtу подали только вино, Бернс учел, что с маской тому не удастся насладиться вкусом блюд. И если бы Бекка не видела, что доктор наелся перед поездкой, то его бы можно было пожалеть, потому как блюда и в самом деле выглядели изумительно.

— Ничего нового. Венский союз так и не оправдал надежд после Наполеона, так что они все еще раздроблены, и надежды у частных предпринимателей только на торговлю, — ответил Бернardt. -

Да я и занимался там только торговыми делами, почти не оставалось времени на ленивое времяпрепровождение. Уж не знаю, как терпит меня моя невеста, в самом деле, ей достался трудоголик, — механический голос был почти веселым, так что все улыбнулись, а

док послал девушке ободряющий взгляд.

— Но это поистине удивительно. Мне очень интересен экспорт, — добавил Бернадт. Беседа потихонечку пошла бодрее, светские разговоры вообще имеют обыкновение нагромождать много слов, но вносить в них минимум смысла, тут было почти так же. Бекка быстро освоилась с приборами, это оказалось просто, нужно лишь внимательно поглядывать на других гостей.

Дамы высказывались очень редко, только если разговор заходил о творчестве, театре, погоде или Лондоне. Ребекка вела себя несколько живее в разговоре, но и не выделялась чересчур. Они с доктором были молодой парой, и для гостей это оказалось благодатной темой: как встретились, что думают насчет свадьбы и прочее. А для разговоров более серьезных, с кем бы то ни было — с Бернсом ли, или с бароном и лордом, требовалось менее людное мероприятие.

Смена блюд, десерт, полчаса музыки в другой зале с камином, все это прошло незаметно и показалось Ребекке весьма интересным. Она ни разу не была на таких ужинах. Хотя и бывали времена, когда она крутилась в обществе богачей, но те вечера, тонущие в дымке сигарет, искажающиеся под воздействием морфия, Бекка вспоминала с содроганием.

В завершении ужина решили развлечься игрой в прятки. Эта домашняя игра стала в последнее время модной в богатых домах, что Бекке показалось чудным.

Прятаться гостям предполагалось тоже парами, партнеров выбирали девушки, вытаскивая записки. Конечно, доктор Бернс с супругой не играли, хотя если бы не миссис Бернс, хозяин, казалось, был бы тоже не прочь принять участие в этой ненавязчивой глупости.

Водить выпало барону Кингсли. По жребию Бернадту снова в пару досталась дочь Бернса, а Ребекку судьба свела с лордом Нольвенном. Женщина посчитала, что тут ей повезло: она сможет остаться наедине с одним из их подозреваемых, да еще игра позволяла ходить по всему дому хозяев.

* * *

— Мистер Шрайбер, — Айгнейс Бернс чуть присела, будто им выпало танцевать, а не прятаться, протянула мужчине руку, как только они вышли в коридор. — Вам повезло с напарницей, я знаю место, где нас в жизни не найдут. Пойдемте.

Девушка легко улыбнулась, игрового азарта в ней было ровно столько, сколько требовалось, чтобы не выглядеть ребенком, но и занудой тоже.

Бернарду оставалось только удивляться. Он хорошо понимал, отчего Нольвенн пришел в радостное расположение духа, ведь Бекка и раньше была красоткой, а теперь и вовсе блистала, но эта девушка... Ей в напарники достался мрачный незнакомый тип, уже обрученный, с маской на поллица и явно не слишком юный, чему бы тут радоваться?

— Будьте моим проводником, Агнесса, — он решил называть ее на немецкий манер, быть предельно вежливым и предупредительным, раз уж ей придется терпеть его.

Почему-то внутри зародилось чувство ущемленного достоинства, а может, это была просто ревность к Бекке. Бернадт как раз обдумывал возможность потягаться профилем с лордом Михаэлем.

— Я покажу вам библиотеку отца, — дочь доктора Бернса вела себя как совсем юная

особа. Сколько ей было лет на самом деле, оставалось только гадать, ведь внешне она казалась ровесницей Бекки.

Говорить о том, что библиотека известнейшего на весь Лондон доктора впечатляла — излишне, собственно, в этом доме впечатляло все. Необычно только то, что библиотека совмещала в себе еще и кабинет доктора, и это могло быть большой удачей — оказаться тут. Эх, если бы только

Бернардта не сопровождала девушка!

Айгнейс прикрыла дверь:

— Знаете, в этой библиотеке вся история отца. Даже дипломные работы и фотоснимки студентов! — девушка встала у стола Бернса, смущенная и возбужденная одновременно оттого, что она осталась наедине с бароном. — Хотите, я открою вам мой небольшой секрет?

— Разве я могу отказаться от этого предложения? — доктор был впечатлен. Он осмотрел быстрым взглядом полки с книгами и увидел там такие, за которые бы пошел на многое.

Было бы изумительно, если бы Бернс еще и давал кому-нибудь почитать эти фолианты, возможно, гостям. Бернардт бы не отказался от такого случая, даже если бы слегка раскрыл себя таким интересом.

Но девушка не догадалась, только увидела, что гость дома пришел в некий восторг и смущение, вероятно, от ее откровенности.

— Вам наверняка покажется это глупым. Но вы почему-то располагаете. Знаете, я была в Индии, там женщины скрывают лицо, у некоторых видны только глаза, и это непередаваемо, насколько женщина становится от этого загадочнее и привлекательнее! Простите за сравнение, но, может, с вами подобная история? — Айгнейс засмеялась. — Возьмите вон тот табурет и достаньте пятую слева книгу на третьей полке.

— Вы меня заинтриговали, Агнесса, — Бернардт в точности выполнил указание девушки и подал ей книгу.

Глаза? Нет, про глаза он не подумал. Вот так откровенно кокетничать с человеком только из-за красивых глаз? Или это не было кокетством? Доктор не мог понять, слишком мало он у него было в подобных вопросах. Он предпочитал прямолинейность в чувствах, а не завуалированные намеки. Может, поэтому ему так и нравилась Бекка. Девушка на мгновение сделала испуганный вид, прикрыла рот рукой, потом улыбнулась:

— Только прошу, мистер Шрайбер, не смейте думать обо мне плохо. Вы ведь обручены, а значит, не представляете опасности для моей чести. Но мне бы хотелось видеть друга хоть в ком-то... — Айгнейс села в одно из кресел, рядом стояло кресло для доктора, так близко, что двое вполне могли смотреть одну книгу.

Девушку вроде мисс Бернс можно было только пожалеть. Живя здесь, в Лондоне, она оставалась словно заключенная в своем доме — в золотой клетке. Наверняка возможность с кем-то пообщаться без присутствия матери или камеристки у нее появлялась только вроде незатейливой игры в прятки. А после замужества ее ждала не многим более разнообразная жизнь.

— Отец постоянно работает, преподает, поэтому даже не стал заводить загородного имения. А ведь там бы я могла хотя бы гулять, ездить верхом. Но я совсем не об этом. В этой библиотеке есть огромное множество книг, я могу просто по памяти рассказать, где какая стоит! А людей мне заменяли фотоснимки из студенческих альбомов, — Айгнейс открыла

лежащую на ее коленях большую книгу — это действительно был альбом с фотографиями студентов с медицинского курса. Девушка аккуратно перелистывала толстые страницы с потемневшими снимками. — Я любила придумывать про них истории, любила находить про них в газетах и отмечать, чего они добились. Наверняка, мистер Шрайбер, вы думаете, что я сейчас зря трачу ваше время. Но я о глазах...

— О, неужели у меня глаза, как у кого-то из студентов? — О, ну конечно. Нет, о таком доктор не мог подумать.

Кажется, его выдали глаза. Да кто бы вообще был в состоянии предположить такое? Он сунул руку в карман и сжал механические часы, утешая себя, что повода для паники нет. Ну, конечно, какое беспокойство, когда ты числишься мертвым, и вдруг тебя опознает дочь твоего бывшего коллеги?

— Да. Но это же просто фотография, мистер Шрайбер! — и действительно тонкие пальчики девушки перевернули еще страницу, и Бернадт мог видеть свой курс. Еще мгновение, и Айгнейс безошибочно нашла его — молодого студента Штейна. — Конечно, это все мои буйные фантазии, но мне кажется, вы могли бы быть похожи. Если бы я могла заниматься серьезно, говорят, я могла бы стать отличным художником — такая у меня память на лица. Чтобы вы могли о нем сказать, мистер Шрайбер? — девушка погладила пальцами фигуру на снимке.

— Психиатр? Не слишком полезная профессия для общества, — пробубнил Бернадт, и зафиксировал за собою первый прокол в том, что не наклонился посмотреть на фотографию, а безошибочно назвал специальность курса. Конечно, ему не надо было смотреть на снимок, чтобы прекрасно помнить, что тогда он, да и все студенты его курса, были достаточно налиты бренди, чтобы выстоять пятнадцать минут на весеннем морозе, пока такой же нетрезвый по той же причине фотограф делал снимок. — То есть... О, ну...

Он растерялся и опустил в кресло.

— Он пропал еще до зимы. О нем до сих пор ничего не слышно. Я не знаю сплетен, а газеты скупы на этот счет, ведь помимо него пропало или было убито немало людей, — Айгнейс как-то сникла, будто бы судьба человека со снимка была ей не безразлична. Кажется, она не придала удивительной догадливости барона значения. — Считаете меня странной? И вы, наверное, правы. Но если может быть воображаемый друг, почему не может быть воображаемого любимого? У меня есть только старое фото, но если бы я могла — я бы сделала многое для его спасения и благополучия...

* * *

— Мистер Нольвенн? Вы отстае, — Ребекка улыбалась, открыто и заговорщически. Это было так странно — в чужом доме иметь право заходить куда угодно. — Смотрите, большой шкаф. Может, спрячемся там?

— Его всегда проверяют первым. И за шторами. Скажите, вы не слишком обиделись на меня за то, что я так бестактно обнажил ваши горести? — Нольвенн выглядел виноватым. Видно, кто-то сделал ему замечание. Он пытался быть честным с людьми и с самим собой, и нередко ему не хватало понимания, почему люди вовсе не радуются этому факту. Почему, спрашивая его о своем прошлом, часто они недовольны ответом?

— Я, право, не хотел вас огорчить, мисс Кавендиш.

Кингсли уже досчитал, и Михаэлю не оставалось ничего, как взять Бекку за руку и утянуть к стене, а после на темный балкон, в место, которое совершенно не просматривалось из комнаты.

— Я же сама спросила. Но честно, мистер Нольвенн, при всей моей дамской любви к тайному, я немного сомневаюсь в ваших способностях, — Бекка подошла к перилам. На балконе было холодно, ведь весна только начиналась. Морозный воздух срывал с губ женщины облачка белого пара.

— Признаюсь, я ужасно азартна. Но даже если бы я предложила вам переубедить меня разве могла бы я вам тоже ответить правдой о вас? Давайте поиграем в другую игру, пока барон Кингсли ищет нас? — Ребекка повернула голову в сторону лорда, она тоже была прямолинейной леди, по крайней мере, пока ее слова казались полным отражением ее дум, никакого лукавства.

— А могу я предложить вам обращаться ко мне по имени? — лорд прислонился к стене, скрестив руки на груди. — Что за игра?

— Михаэль, — повторила Бекка, из ее уст это прозвучало почти интимно. — Вы говорите факт обо мне, и если он окажется правильным, тогда раскрываете такой же степени откровенности факт о себе. Вам помогает ваш дар, а мне женская интуиция. Подойдите только ближе, чтобы я могла видеть ваши глаза. Ну что, вы достаточно азартны и смелы?

— А разве обычные люди не называют это простым словом 'знакомство поближе'? — улыбнулся Нольвенн.

У него, и правда, был дар. Он не всегда действовал, когда того требовал хозяин. Это накатывало внезапно, будто он давно все знал. Часто это обескураживало Михаэля, потому что он подчас это было, что ему никогда не рассказывали. Ему хватало ума держать свое знание при себе, да и сейчас... что это было?

— Вам не кажется, что я в любом случае буду знать что-то о вас? — спросил он неуверенно.

— В нашем обществе это неизбежно, — Ребекка пожала плечами, будто говоря: 'какой пустяк'. — Сложно представить, сколько о нас знают другие люди и молчат. Взять хотя бы слуг в наших домах. Хорошо, если мы помним имена хоть части из них, а они, тем не менее, знают куда больше: о вашем рационе, о вашем туалете, о дамах, посещающих вашу постель, и даже о том, с кого края вы предпочитаете спать. Но они незаметны и молчаливы, как и аккуратные сплетни в высшем обществе, — Бекка снова стала вглядываться куда-то в темное небо. — Разве не вернее быть более открытыми? Говорить прямо: 'Мистер, вы кажитесь мне подозрительным'.

— А я кажусь вам подозрительным? — Нольвенн снова удивился. Невеста неизвестного до этого времени барона будто вела с ним какую-то игру. Ни разу, ни одной женщине не удавалось так сбить его с толку. — Из-за чего же я могу казаться подозрительным подозрительной девушке, чей жених просто скрывает свое лицо от благородного общества под маской?

О, наконец, он произнес это. Нольвенн хотел сказать это еще при первом знакомстве, но не стал, и весь вчерашний вечер это молчание разъедало его изнутри. А теперь прямолинейность Ребекки просто спасла его, ему это понравилось, это было смело и благородно. Действительно благородно, а не напоказ.

— Я считаю, что несправедливо упрекать Бартоломью в том, что без маски ему

слишком тяжело. Да и воздух Лондона — он скудеет с каждым днем: мы вырубаем леса, наши аппетиты растут, а пар требует все больше и больше корма. Право, я задумываюсь о том, чтобы самой носить маску, когда буду ждать детей, — Бекка говорила весьма эмоционально, это не было светским трепом. — Вы не кажетесь мне подозрительным, вы кажетесь мне таинственным. И как это по-мужски, считать девушку подозрительной потому, что вам кажется подозрительным ее жених! — женщина вовсе не злилась, она даже рассмеялась, рискуя выдать их укрытие. — Так мы играем, Михаэль?

— Мы уже играем, разве нет? — он протянул Ребекке руку, как в любом мужском споре. Сейчас лорд почти признавал ее равной, когда никто не отвлекал и не болтался вокруг, ему казалось, что Бекка его старая знакомая. — Вы не дворянского происхождения, мисс Кавендиш?

— Я подкидыш, но имею фамилию, воспитание и любовь моих приемных родителей. Мои истинные корни — для меня тайна, — Бекка приняла руку Нольвенна, подтверждая, что он сказал все верно. — Не скажу, что это особо поразило меня. Поразите же каким-нибудь фактом о себе.

— Мой дар действительно существует, и моя бабушка была ведьмой, — сказал Нольвенн, наблюдая за реакцией Ребекки. Та удивленно и заинтересованно вскинула свои темные тонкие брови, прикрыла пальцами губы. — Мы потеряли половину имений только потому, что она предсказала королю скорую смерть. Несмотря на то, что его отравили через неделю, владения нашему роду так и не вернулись.

Этот факт не был тайной, но и в газетах об этом не писали. Что Нольвенн еще мог с себе рассказать? Он плохо себе это представлял, потому предложил играть чуть иначе:

— Поменяем условия? Один мой вопрос и один ваш. Честный обмен. Поверить не могу, что такая женщина, как вы, кому-то уже досталась, даже дар ни при чем. Вы действительно обручены, мисс Кавендиш?

— Вы же видите кольцо у меня на пальце? — Ребекка поднесла тонкие пальцы к янтарной броши на груди, скользнула легким движением по своей шее, будто поправляя локон. — Это многих смущает, имею в виду маску моего жениха. Немного не понимаю, почему я должна сторониться или пренебрегать тем, кто скрывает лицо маской в силу увечья. Ведь на самом деле кругом множество людей без масок, но они лицемерны, а души их, в отличие от тела, увечны, — с чувством проговорила она, выдохнула, несколько мгновений молчала, чтобы прибавить своим словам весу, потом перевела тему:

— Вы же состоите в клубе ученых, Михаэль. Я читаю газеты, и там красивые слова, с том, в какой мечте мы скоро будем жить, как преобразится все. Скажите, вам легко дается нести факел науки в нашу жизнь? Неужели ничто не мешает?

— Талант играть словами... С моей стороны было ошибкой не сказать, что на вопрос не полагается прямой ответ, — неожиданно лорд Нольвенн рассмеялся теплым, бархатистым смехом, все еще думая об ответе женщины, а не о ее вопросе, потом перенял эстафету. — Разве кому-то из прогрессоров было легко? Факел науки не только поджигает что попало, но и собирает толпы тех, кто стремиться его погасить. Вы имеете большой зуб на прогресс? Почему?

— У отца были некоторые проблемы после установки некоторых станков на заводе, — ответила Ребекка абсолютную правду. — Не он один, конечно. У меня достаточно ума, чтобы понимать, что прогресс неизбежен. Но ведь общество тоже должно обновиться согласно новым порядкам, а это так нелегко. Будущее так туманно...

Ребекка замолкла на несколько секунд, потом пояснила свой интерес к поднятой теме:

— Я просто пытаюсь узнать больше об этом самом неизвестном. Вовсе не хочу твердить об одном, возможно, даже хочу, чтобы меня переубедили. Кто вам мешает? Волнения рабочих классов? Религиозные объединения? Ну, государство же наверняка поддерживает, иначе бы вашему клубу было бы тяжело.

Бекка казалась спокойной, но если этот человек замешан в деле деталей, он может увидеть нечто, что заставит его впредь держаться подальше от нее и доктора. Держаться подальше

— в лучшем случае.

— Я могу начать аплодировать? — Нольвенн понимал, что невеста барона им манипулирует, неизвестно с какими целями, но сдавался в ее власть с неким наслаждением. — Ладно, нарушу ваш порядок отвечать на вопрос столь расплывчато. Государство, конечно же, поддерживает наш клуб, государству выгодно, чтобы мы делали открытия. Волнения рабочего класса... Вы так сказали, будто сами участвовали в них. Да оглянитесь же, Англия застряла в средневековье! Все еще не отменено до конца рабство, на фабриках работают даже дети. Что плохого в техническом прогрессе, если он хотя бы куда-то ведет?

Мужчина разошелся и теперь снизил голос. Не стоило, конечно, так обобщать. Но Ребекка оказалась слишком приятным слушателем.

— Прогрессу всегда мешают те, кто хочет только наживы и сохранения своего положения и имущества. Мисс Кавендиш... Ребекка, я могу понять рабочих. Автоматоны и конвейеры отбирают у них кусок хлеба. Но никто из них даже не думает о будущем. Они могли бы превратиться в механиков, а не бастовать за право быть инструментами. Кто нам по-настоящему мешает, так это правительственные кровососы, так и норовящие влезть за своей долей наживы и идей! Идей, которые они даже не в состоянии понять, не то, что донести их смысл до других. Почему вас так беспокоит эта тема, что вы спрашиваете только о ней?

— Нольвенн, я вас нашел! — на балконе возник барон Кингсли, весьма неожиданно, как черт из табакерки.

Бекка в душе обрадовалась его появлению. Беседа начала принимать опасный оборот.

— Осталось найти только нашего нового знакомого барона и дочь Бернса.

Кингсли, как и в первую их встречу, придал женщине не больше значения, чем предмету мебели.

— Эти двое так хорошо укрылись, — а вот это Кингсли уже сказал для Бекки, не без сарказма.

— Доктор Бернс? — Ребекка вернулась в залу, где собрались почти все найденные бароном гости. Она под села к доктору. — Этот ужин был прекрасен!

— О, я весьма рад. Это все общество. Ну и, возможно, плод моих скромных организаторских талантов и моего повара... — доктор Бернс улыбнулся Бекке той улыбкой, какая должна быть у самых добрых дедушек в мире. — А как вам наш сэр Михаэль? — живо поинтересовался он, откидываясь на спинку кресла.

— Он кажется своеобразен. Но больше в хорошем смысле. Признаться, доктор Бернс, я только вышла в свет, и еще не успела приобрести опыта, позволяющего мне так скоро разбираться в людях, — Бекка доверительно улыбнулась Бернсу. — Я привыкла слушать, что

мне советует мама или мой жених, но Бартоломью еще сам никого не знает.

— Ну-ну, мисс Ребекка, вы быстро во всем разберетесь. Мы здесь не такие страшные и не такие сложные, какими считают лондонцев... хм, не лондонцы. Хотя по мне, так сэр Михаэль очень уж открытый молодой человек и очень, как бы это назвать... идейный.

Доктор Бернс чувствовал себя польщенным, его слабость к тщеславию иногда сильно портила ему же жизнь. Но человека его типа и в самом деле было просто невозможно причислить к какому-то заговору, как с самого начала и подумал Бернardt. Скорее всего, он был прав, что Бернс не стал бы учувствовать в деле, связанном с охотниками и подделками.

— О, вот и Бартоломью нашли! — Бекка захлопала в ладоши. Ее примеру последовали еще несколько дам.

— Кажется, победа за нами, — Бернardt проводил мисс Айгнесс, и подошел к Ребекке и доктору Бернсу.

— Мистер Шрайбер, мисс Ребекка, — обратилась к ним миссис Бернс, обмахиваясь изящным веером из черных перьев. — Что, если я осмелюсь предложить вам устроить ответный званый ужин? Никак не хочу вас принуждать, просто как совет от старой леди — это дало бы вам возможность показать себя обществу и расположить его. Уверена, что подготовка к ужину развлекла бы и вашу невесту.

— Хм, это слегка осложняет дело. Право слово, не знаю, как мне быть, миссис Бернс, — замялся Бернardt. — В нашем доме идут работы, и можно сказать, что пока мы занимаем апартаменты, которые не позволят организовать столь же великолепный ужин. Я бы с радостью пригласил всех в Истборн, но обязанности...

Доктор Бернс понимающе кивнул, соглашаясь, что работа гораздо важнее ужинов.

— Миссис Бернс, может быть, вы видите выход из сложившейся ситуации? Возможно, пикник вне городской черты на свежем воздухе в солнечный день? — неуверенно проговорила Ребекка, ровно отмерив долю смущения, чтобы старуха посчитала его за уважение к ней и неопытность Ребекки.

— Пощадите наши старые косточки! — миссис Бернс отмахнулась веером от глупой идеи. Если ее супруг казался добрым дедушкой, то она вполне походила на суровую, но мудрую мать. — Мистер Шрайбер, знаете, у нас есть коттедж, обычно мы выезжаем туда на рождественские праздники, он здесь — в Лондоне. Думаю, мой супруг, как и я, были бы рады, если бы вы приняли наше предложение временно пожить там. А ужин и управление домом станут отличным опытом для вашей будущей супруги. Поверьте, такое счастье выпадает не каждому джентльмену — проверить свою избранницу заранее.

Ребекка молчала: если миссис Бернс и могла озвучивать общее мнение с мужем после долгих лет брака, то невесте такое было бы непозволительно. Оставалось только улыбаться, хотя на ум снова приходило желание посмотреть, на сколько осколков распадется ваза после удара о голову пожилой леди.

— Ох, ну что вы, право, так неудобно... — сказал Бернardt. — Это столько проблем для вас... Ладно. Мы согласны.

Он не хотел бы поймать еще один такой пронизательный взгляд от женщины. Глаза миссис Бернс как бы говорили: 'Если ты, человечиска, не согласишься на мое столь великодушное предложение, я превращусь в дьявола и заберу тебя в ад' или что-то подобное. И лучше бы ему не оборачиваться в сторону Бекки, кажется, там его ждал взгляд не лучше.

— Это так неожиданно, миссис Бернс... — Бернardt жалел, что вообще согласился на этот ужин, неудачи преследовали его сегодня одна за другой.

— Для меня тоже, дорогая... — тихо сказал Бернс и выдавил улыбку.

— О, она просто провокатор! — казалось, еще немного, и Бекка будет шипеть как рассерженная кошка.

Она, как авантюристка с опытом, легко прочла все эмоции, мелькнувшие на лицах четы Бернсов. Глава семьи не доверял им настолько, чтобы отдавать коттедж, но миссис Бернс не доверяла еще больше, и именно поэтому она и настаивала на аренде и на званом ужине. Ребекке хотелось кричать 'паника! провал!', потому что этот прием откроет всю ее несостоятельность, всю ее искусственность как воспитанной леди. Но Бекка не кричала и даже не стала делиться переживаниями с Бернадтом. Это просто еще одна проверка, еще одна сложная работа. Но если они укрепятся в хорошем мнении Бернсов и их знакомых — это сильно упростит жизнь.

— Самое ужасное, что из 'щедрости' они предоставят свой штат прислуги. Но хотя бы прислугу высшего ранга мы сможем взять свою. Бернадт, ты не уговоришь Длинного Тома побыть нашим дворецким?

— Побыть нашим дворецким? — доктор готов был рыдать от того, как бездарно он сегодня провалился. — Надеюсь, это шутка? Да черт, эта дочь Бернса узнала меня! Нет, правда! Представь себе, она заводит меня в кабинет, велит достать альбом с выпускниками медакадемии, а потом указывает на меня, говоря, что я у нее воображаемый возлюбленный. Что ты на это скажешь? Бекка присвистнула, как заправский беспризорник, даже кучер на козлах обернулся.

— Господи, мне начинает казаться, что все о нас все знают, просто играют с нами вместо того, чтобы сразу разоблачить! — Бекка накрыла руку доктора своей. — Да и эта миссис Бернс умудрилась дважды подсунуть тебе свою дочь. Ладно, будем считать, что они нам, наоборот, очень поверили — ты кажешься им очень перспективным предпринимателем, и старая ведьма подумывает о том, что такой супруг сгодится ее дочери. Кстати, Том будет отличным дворецким, он хотя бы досконально знает все об этих ужинах, и с ним я смогу советоваться, не боясь показать, что смыслю в этикете не больше маленького ребенка.

— Тот длинный малый? Ну, если он согласится тебе помочь, то может, письмо напишешь ты сама? — док стянул маску с лица, зевнул. — А как твой разговор с Нольвенном? Вы ведь говорили?

— Он может быть причастным, а может, и нет, — ответила Бекка, закуривая. — Но мне он показался приятным. В любом случае, кажется, я наладила с ним контакт.

Бекка задумалась. Не стоило просить Бернадта заняться Томом, глупо вообще давать ему поручение. Клубы, ужины, высший свет наглядно демонстрировали, насколько различались ее мир и мир доктора.

— Не знаю, как вытащить на чистую воду доктора Бернса, но его семья ведь сама за нас крепко взялась. Послезавтра в опере попробуем найти контакт с другими учеными, — предложила она, выпуская белый дым.

— Ну-ну, с Кингсли, наверное, будет больше всего проблем, он не показался мне ни особо дружелюбным, ни разговорчивым... — Бернадт посмотрел на женщину:

— Ну, ладно, я же вижу, ты недовольна мной в чем-то. Говори.

Нервное напряжение развивало в Бернадте интуицию лучше, чем любые другие

испытания. Бекка удивленно посмотрела на доктора:

— Ты чего? Все, что сейчас есть, куда лучше того, что когда-либо было со мной. Я не имею права быть тобой недовольной. Просто я ужасно нервничаю, я бы не хотела подводить тебя.

— Ну не ангел ли мне достался... — ухмыльнулся Бернарда и доказал свои слова горячими объятиями.

В конце концов, когда они доехали, поцелуи пришлось прекратить, да и с юбками в узком пространстве кареты возникли технические проблемы, но в целом...

— Посоветуй, что мне делать с этой Агнессой, я умею отбиваться только от тех, с кем не боюсь испортить отношения, — попросил Бернарда, когда они поднялись в квартиру. — А нормальные девицы из богатых семей мне и вовсе раньше не пытались вешаться на шею.

— Мне сложно советовать. Хочется сказать: 'Пошли эту девицу подальше', но я должна сказать, что стоит поиграть. Иначе мы просто не поймем, во что играет она, — Ребекка поставила зонтик в корзину, откинула шляпку на столик, чувствуя, насколько ее вымотал вечер.

За несколько дней она успела не только привыкнуть к этим комнатам, но и полюбить их. Большой чужой коттедж виделся каким-то другим враждебным миром.

— А какие девицы на тебя вешались, Бернарда? Про безумных я уже слышала.

— О, ну исключая тот факт, что Томас пытается просватать за меня всех особ, которые претендуют на его свободу... — доктор задумался, — Почему-то мой внутренний голос говорит: когда женщина спрашивает о других девушках, на самом деле она не хочет слышать ни об одной из них... По крайней мере, ничего хорошего. Бернарда налил яблочного бренди, покатал в стакане и залпом опрокинул в себя, только потом принялся снимать верхнюю одежду:

— Безумных я не считаю. Иглы, электрошок, связывание и обливание водой, заворачивание в ледяные полотенца — то, что все еще почитают у нас способами лечения.

— Ужас, — Бекка передернула плечами, услышав список процедур, вспомнила, как боялась подобного, когда ее устроили в лечебницу. — Если я что-то спрашиваю, значит, хочу знать ответ. Наверно, мне не хватает женских качеств, — она тоже не торопясь раздевалась, скинув одежду, сходила включить воду в ванной. Бекка тогда, в операционной, открыла Бернарду всю нелицеприятную правду о себе, и если это его не смущало, стоило задуматься о том, насколько ему интересна она сама. — Первый пойдешь в ванну?

— Позже. Для меня подобный маскарад был сегодня впервые, еще не отошел, — Бернарда опустил в кресло. — Если считать тех девушек, с которыми у меня были серьезные отношения до тебя, то их было пятеро. Дороти — мы не сошлись с ее матерью, о которой я к концу наших отношений знал больше, чем о самой Дороти. Второй была Алисия Кросс, дочь профессора, который пытался разгромить мою диссертацию на мелкие бесполезные фразы, не представляющие никакого интереса ни для науки, ни для кого вообще. Он был так убедителен, что доказал своей дочери, насколько я жалок и ничтожен, и она меня бросила. Третья, Марта. Ну, пять лет встреч. Она была вдовой одного офицера. Кроме страстных ночей, у нас не было общих интересов. Затем была Ангелика, три свидания, безумная ночь, похмелье, безумная ночь, похмелье, похмелье, безумная ночь, прости за все, я уезжаю в другую страну... Ну и Клара была последней. Мы просто разошлись.

— Хм, а я-то в клинике думала, что ты годишься не больше, чем на походы в технические музеи, — Бекка улыбнулась, а потом выдала фразу, абсолютно не свойственную ей. — Но ты бы меньше пил, док. И покуривал тоже, а то хождения только по музеям могут стать реальностью.

Женщина накинула халат, вода в ванной набиралась не очень быстро.

— Но я даже немного завидую тебе. Влюбляться — это прекрасно, хоть и не из моего мира, — призналась она.

— Твоя фраза сейчас была чертовски жестока. Ты ранила меня в самое сердце, — Бернарда рассмеялся, хотя и грустно. — Знаешь ли, это все мои отношения за всю мою жизнь, а все, что ты можешь сказать — это советы по поводу здорового образа жизни?

— А что я могу сказать, Бернардт? — Бекка села в соседнее кресло, повертела в руках пояс халата. — Мне кажется, что все, что я знаю об отношениях на собственном опыте, это только безысходность, отвращение да наркотический угар. Я никогда не влюблялась, даже не мечтала, для этого у меня просто не хватало времени. Думала, разве найдется тот, кто будет меня любить взаимно, кто не обманет? А сейчас понимаю, что для того, чтобы отдавать то, что идет от души, не нужно ждать ответного. И я знаю, что в конце этой истории, обязательно придет момент, когда ты услышишь что-то вроде: 'Мистер Штейн, приходите к нам на ужин, только прошу не таить обиды, приходите один, без вашей спутницы', или того хуже, вообще не позовут ни в один приличный дом. А я не смогу этого допустить.

Ребекка встала и направилась к ванне:

— Но, пожалуйста, зная мое прошлое со всеми этими богатеями и танцами, Патриком, не думай, что и сейчас я руководствуюсь не тем, что идет от сердца.

Женщина немного задержалась в дверях. Ее привычка к словесным нагромождениям, которые вуалировали основной смысл, запутывали — иногда выводила из себя. Вот и сейчас она накидала целый ворох слов, когда можно было обойтись лишь парой.

— Это твоя женская логика или твое обычное самопожертвование? Ты, конечно же, преувеличила мои заслуги перед девятым кругом ада... — доктор навалился на подлокотник кресла и закрыл глаза, а через пару минут задремал, убаюканный шумом воды и нервным напряжением.

* * *

Еще одно утро, похожее на два предыдущих. Это вводило в состояние ярости. Будто досуг уже поглотил их, было очевидно, что на игру придется потратить большее количество времени, чем они предполагали. Атмосфера казалась застойной, Бернарда просто хотел что-то делать, а не спать, спокойно завтракать, одеваться и ехать на светские вечера.

Теперь даже время, проведенное в плену на фабрике, предстало более деятельным, чем последние несколько недель, хотя в те произошло гораздо больше событий. Наверно, потому что там была определенность, нужность и правила, а здесь шло свободное представление, когда актеры не знают ни реплик, ни когда появляться на сцене.

— Ребекка, это невыносимо. Никогда не думал, что могу быть таким нетерпеливым... У тебя такое же чувство?

— Пожалуй...

Ребекка тоже проснулась не в радостном настроении. Сегодняшний день был практически свободен, только вечером стоило съездить в Ист-Энд и предложить Тому работу. Сейчас она ходила по квартире, и не торопясь убиралась.

— Это сложное дело, и оно может закончиться ничем, — сказала она задумчиво. — Я пыталась тебя занять, просила съездить к Тому, но ты посоветовал мне самой этим заниматься.

Кстати, Сэлу можно предложить должность первого лакея...

Женщина села рядом с доктором, может, она с трудом читала и не знала, как пишется большинство слов, но к составлению планов и операций у нее был талант.

— На самом деле, нам предстоит многое, — продолжила Бекаа. — Помимо того, что мы должны собраться и переехать в усадьбу, где будем вынуждены играть свои роли круглосуточно, нужно выяснить, что там думает эта белобрысая крыса — Агата, или как ее... Агнесса. Второе: я буду благодарна, если ты мне расскажешь, что у тебя есть из компромата на членов клуба. Третье: Джори Тревер из охотничьего клуба. Сэл вполне бы мог выяснить, где тот бывает, а ты бы мог завести с ним знакомство с последующей дружбой. Четвертое: опера на завтра, узнать список приглашенных, наметить, кого будем обрабатывать. Пока мы знаем не много о них, нам не за что зацепиться. Пятое: Фитц — куда он пропал? Шестое: я придумала, как вернуть тебе имя и пост, если мы раскроем дело. Придется писать письма... Б

екка перевела дыхание:

— Итак, я накрою обед, позовешь Сэла? Твои же задачи на сегодня: найти встречи с Трёвером и узнать, что творится в блондинистой головке мисс Бернс. Подыграй ей. Ах, эти благородные женихи такие неверные... — женщина картинно закатила глаза. Она пыталась быть спокойной и даже шутить. На самом деле хотелось взять Бернардта за воротник и встряхнуть хорошенько. Вначале он так был увлечен своей мстью, так подстегивал своим энтузиазмом ее, любительницу авантюр, а теперь Бекке приходилось тянуть все на себе.

— Если бы я не мог прокручивать что угодно в своей памяти снова, я бы тебя переспросил... — доктор недовольно поморщился. — Сэла еще нет, он куда-то вышел со своим новым железным товарищем, которому даже успел дать имя. И да, я подумал про любителя собак и сказал об этом Сэлу, так что, скорее всего он уже разыскивает Трёвера, — Бернардт хмыкнул. — А что за план про возвращение моей должности и письма?

Бекка вздохнула — он просто сидел и расспрашивал, что делать и что она придумала. Женщина перевела взгляд на доктора, и в нем мелькнуло предостерегающее выражение:

— Слушай, может, ты будешь просто спать со мной, а я — обо всем заботиться? Подружка главного бандита. Я просто не знаю, как тебя встряхнуть, можно подумать, ты работал не в психушке, а в институте для благородных девиц и преподавал литературу! — Бекка перевела дыхание и вернулась к вопросу. — Я думаю затеять переписку с полицией. И нам помощь, и они будут в курсе, что мы вели это дело.

— А-а-а, ну тогда конечно... — Бернардт скептически прищурился. — Может быть, я начну примерять корсет, пока ты будешь строчить донесения о наших делах? 'Здравствуйте, есть подозрение, что высшее общество что-то планирует, возможно, очередную скучную вечеринку с непонятными деталями, которые вроде бы, в этом я не совсем уверена, запрещает правительство'...

О, он даже не понял, почему Бекка так завелась. Он задал ей нормальный вопрос, а она говорила ему гадости.

— Это что, — а вот теперь он сам себя завел и даже не знал, как погасить эту злость, — была нападка на меня за то, что я нормальный человек и не знаю, как раскрывать заговоры? Ну, простите меня, Ребекка!

— Ага, значит, я, по-твоему, глупая? И идеи мои тоже? — неожиданно на губах Бекки появилась тень улыбки. Она провоцировала, проверяла. Как тогда в карете странными вопросами или как лорда Михаэля, проверяя его дар. — Но у меня они хотя бы есть, идеи! Если ты нормальный человек, какая же я тогда?

— Да ты вообще не имеешь понятия, как должна вести себя нормальная светская женщина! Если я провалюсь только потому, что достаточно известен, то ты из-за своего жуткого поведения! — доктор грохнул по столу рукой, так что поднос с чашками взвизгнул фарфоровым звоном. — И что значит- глупая? Как я на это должен ответить, женщина? Положительно, отрицательно? Ну, прости, что я образован, но не могу сразу понять, как придумывать преступные замыслы! Я-то думал, что все равно, чья идея, раз мы делаем общее дело! Ребекка засмеялась:

— Ну, про дело ты прав. Оно общее. Извини, — она с трудом сдержала смех, глядя на доктора. Ребекка улыбалась широко, обнажая белые зубы. Действительно, светские женщины и в половину не улыбались так, как она, может быть, только демоны. — Научи меня вести себя, а я, может быть, дам тебе пару уроков о том, как не только говорить серьезно, но еще и не веселить никого при этом.

— Это опять выпад в мою сторону? — осторожно поинтересовался Бернадт. Потом состроил невозмутимое лицо, что сделало его еще забавнее, и сел на место. — И чем же я тебя так развеселил?

— Ты нелеп, — Бекка перестала веселиться, поднялась с кресла и продолжила уборку.

* * *

Свершился переезд в усадьбу Бернсов. В четырехэтажный загородный дом. По меркам известнейшего доктора, это наверно и считалось небольшим уютным местечком для семейной встречи Рождества.

Том с энтузиазмом согласился на роль дворецкого. Приличной работе он был рад и выполнял ее добросовестно, не давая усомниться в себе ни хозяевам, ни прислуге. Сэла все же поставили на должность первого лакея, при хорошей прическе и одежде он оказался хорош собой. Да и Бекке стало спокойнее, когда псих был при деле, хотя и тут она его контролировала — было бы ужасно, если бы он что-то натворил в доме Бернсов.

Сама Ребекка последнее время отдалилась от всех. Она позволила убедить себя в своей неграмотности и несостоятельности как леди, и практически не покидала дом, предоставляя Бернадту возможность выезжать на приемы без нее. Если случалось ей выехать на какую-то встречу, везде, как проклятие, оказывалась миссис Бернс со своими завуалированными, но едкими комментариями. И ее дочь Айгнейс — по-прежнему ангел на фоне своей матери, спокойная, рассудительная, благородная. Бекка злилась на девушку, но, тем не менее, понимала, что дочь известного хирурга — прекрасная пара Бернадту.

— Устрицы? Это что, улитки водные? — Бекка скривилась.

Они с Томом обсуждали, какие продукты заказать для званого ужина. Подготовка к нему выматывала всех, особенно Ребекку, она ничего не знала, но, как якобы хозяйка дома,

вынуждена была все организовывать и контролировать.

— Знаешь, что я придумал? Алессандро Мабель будет твоим поваром для этого ужина! — Том с трудом удержал свое восклицание на уровне шепота.

— Шеф-повар 'Рога избылиия'?! Это же известнейший ресторан, ты что, свяжешь его и принесешь сюда силой?

— Ну, у него есть должок. Сам сказал, что жизнью мне обязан, что ему стоит приготовить ужин?

— Нет, это твой долг, он тебе еще может пригодится, — решительно отказалась Бекка.

— Брось, сестренка, у этих богатеев отпадут челюсти от такой роскоши! — Тома немного задело, что его еще щедрое предложение вызвало так мало восторга.

— Надеюсь, еще и уши завянут, и глаза ослепнут, тогда они не заметят, что вместо хозяйки у них уличная девка. Вообще, не будет ли такой повар слишком вульгарной роскошью?

— Не будет, можно подумать, Бекка, мы с тобой еще когда-то в этой жизни устроим такой ужин. У тебя какой-то унылый настрой, что такое?

— Ничего, Том. Просто я не справлюсь. Уже не справляюсь, — женщина отложила записи, встала из-за стола и отошла к окну. — Миссис Бернс ведет против меня тихую войну, и делает это так мастерски, что вроде и не придраться, а в то же время каждый, слышащий ее, хорошо это запоминает. Бернардт тоже считает меня неотесанной. Я не знаю, в чем мое поведение на людях так ужасно, я же не выражаюсь, говорю тихо, не смеюсь громко, что еще? Даже этой змее не отвечаю. Я сижу в этом доме, как чья-то уродливая сестрица, которую стыдно показать людям.

— Таков высший свет, сестренка. Считай, что примерила на себя роль леди: сидишь в золотой клетке, подвергаешься сплетням и заглядываешь в рот мужу, которому супруга скучна и уже давно опостыла.

— И после этого ты мой друг? — Бекка горько усмехнулась.

— После этого ты сможешь выбрать правильный путь, когда вы закончите дело, — Том покачал длинным пальцем, потом еще раз перелистал тетрадь.

— Кто-то в дверь звонит. Иди, открой, — попросила Ребекка, убирая так и не зажжённую сигарету.

Том спустился вниз вместе с Беккой, время было достаточно позднее для неожиданных визитов, но гость его удивил еще больше.

— Проходите, мисс Бернс. Позвольте вашу накидку, — дворецкий принял верхнюю одежду девушки.

— Добрый вечер, мисс Бернс, пожалуйста, проходите, — Ребекка выдавила из себя улыбку, провожая девушку в залу.

— Простите меня за неожиданный визит, мисс Кавендиш. Могу я поговорить с мистером Шрайбером?

— Конечно. Том, позови мистера Шрайбера.

— Сэр? — Том вошел в кабинет, который временно был не доктора Бернса, а барона Шрайбера. Не на людях Том к Бернардту все равно обращался так, как следовало дворецкому, ведь ему платили за эту работу. — К вам подъехала мисс Айгнейс Бернс. Проводить ее в кабинет, или сказать, что вы спуститесь?

— Позови мисс Бернс сюда. И подай чай, — как относиться к Тому, доктор так и не

решил, поэтому пока что обращался как к настоящей прислуге, так, как привык.

Он тоже удивился приходу гостыи, но виду не подал. Вниз спускаться не захотелось. Бернардт пытался выкрутиться с финансовыми вопросами. Конечно, дом им дали буквально за так, но эти новые туалеты, продукты, оплата некоторой прислуги, да и прочие мелочи сжирали запас гиней прямо на глазах. В лучшем случае, данных Томасом денег должно было хватить еще недели на две, а после их ждала бездушная пустота в карманах.

Из-за приемов Бернардт отдалился от Бекки, он просто обговаривал с ней по вечерам информацию и ложился спать. Да что там, тут всегда были слуги, и теперь, для поддержания хорошей репутации, они даже спали в разных спальнях, что весьма удручало доктора.

Том передал слова доктора мисс Бернс, та попросила его:

— Вы не могли бы проводить мою камеристку вниз? Она промочила ноги. Кабинет, с вашего позволения, я найду сама.

Айгнес отказалась от сопровождения Тома, заодно отделалась от своей камеристки и уверенно направилась в кабинет своего же дома.

— Мистер Шрайбер?

Айгнейс прошла в комнату, она не то чтобы была особо смущена, хоть и волновалась. Видно, предстоящий разговор она долго репетировала.

— Проходите... — Бернардт замешкался, наверно, в прошлый раз обращение по имени было слишком фамильярным. Как-то неожиданно быстро поднялась вверх гостыя, он только и успел нацепить дыхательную маску в последний момент. — Проходите, мисс Бернс. Сейчас подадут чай. Что привело вас сюда в эту ужасную погоду?

— Я подумала, что сейчас, пожалуй, единственная возможность поговорить с вами без свидетелей, и так, чтобы не испортить ни вашу, ни мою репутацию. В конце концов, это мой дом, я могу его посещать, — Айгнейс села напротив доктора. — Вы, наверное, были в ужасном смятении после ужина в нашем доме.

— Если я скажу, что вы ошиблись и я вовсе не тот человек, которого вы мне показали, мисс Бернс, вы поверите в правдивость моих слов? — и конечно, она затронула тему, которую Бернардт бы хотел вообще никогда не трогать и просто стереть из памяти. С другой стороны, доктор хорошо понимал, что никуда от этого разговора не деться.

Девушка отвела в сторону взгляд, может быть, она не ожидала такого ответа, может еще почему-то:

— Я понимаю, это была ужасная выходка с моей стороны, — светло-голубые глаза, в скудном освещении кабинета казавшиеся пронзительными, снова встретились с глазами доктора. — Но это же вы! Не знаю, что заставило вас скрываться, что случилось, когда вы пропали. Но я хочу убедить вас в том, что никто, кроме меня, не имеет даже мысли вас подозревать. Просто позвольте помочь вам.

— Зачем вам это... Агнесса? — Бернардт тяжело вздохнул.

Агнессе было чем гордиться, всего две фразы — и вот он сдался! Миллионы женщин ждут этого вздоха, чтобы утвердить свою победу окончательно. Такой вздох означает, что мужчина повержен женской логикой и совсем не представляет, что делать, если только не собирается ссориться и применять грубую физическую силу.

— Это нелогично, мисс Бернс. Вы видели человека на фотографии, опознали по глазам и предлагаете помощь мне, с которым даже не знакомы. А что если цели мои ужасны? Если я охотник за состоянием или того хуже, пытаюсь повернуть другое преступное дело?

— Наверно, я наивна и глупа, — прошептала Айгнейс. — Совершенно признаю это.

Только примите и то, что мое признание, если не в глазах общества, то в вашем мнении ставит меня в весьма скверное и позорное положение.

Айгнейс снова опустила глаза. Наверняка ей сейчас хотелось провалиться сквозь землю, ведь в прошлый раз она вообще призналась в расположении к тому человеку со снимка, то есть к самому настоящему доктору, который сейчас сидел перед ней.

— У вас глаза загнанные. Я бы поставила что угодно на то, что вы не барон-предприниматель.

— Лучшей помощью с вашей стороны было бы не обнажать мою личность перед другими людьми. Это поставит под угрозу очень многих людей, в том числе, возможно, и вас, — конечно, Бернадт чуть преувеличил истинное положение дел. — Человек, которого вы видели на фотографии, Агнесса, доктор Бернадт Штейн признан пропавшим без вести, а некоторыми людьми даже убитым. Вы понимаете?

— Я в курсе того, что происходит в городе, — обиженно подтвердила девушка. — Я же сказала, что никто, кроме меня, не догадывается. И тем более, я сама никогда не раскрою правды никому. Хотя бы потому, что побоюсь, в каком свете это выставит меня. Думаю, очевидно, что моя мать серьезно взялась за вас, хотя основная ее цель — обличить мисс Ребекку. Кто она, кстати?

Айгнейс, по-видимому, уже жалела, что приехала для этого разговора, она чувствовала себя ужасно, несмотря на то, что хотела предложить поддержку.

— Ну, хорошо... — несколько секунд, и перед Агнессой предстал человек с той самой фотографии. Постаревший, с недовольным и чудаковатым видом. Доктор аккуратно положил маску на край стола. — Мисс Кавендиш действительно моя невеста, из не слишком богатой дворянской семьи из провинции, поэтому натура у нее достаточно проста, и этикет не так жестко на нее давил, и у нее такая же история, как и у меня. — Тут он, конечно, солгал, но звучало очень правдиво. Сэл ведь тоже был из дворянского рода, по сути, а не годился для этого совершенно. — Я удовлетворил ваше любопытство за доброту, проявленную вами? Наверное, это было непросто, начать подобный разговор. Вы очень смелы, Агнесса.

Девушка кивнула, не зная, что ответить на последние слова. Смелой ее ни разу не называли.

— Простите мою мать за нападки на вашу невесту. Конечно, мисс Ребекка дискредитирует светских дам, но только лучшими качествами. Разве кто из нас может позволить себе веселиться и вести беседу наравне с мужчинами? Высказывать свое мнение, даже тогда, когда оно не совпадает с мнением большинства? Я уважаю мисс Ребекку, она смела по-настоящему, всегда, в быту, а не в закрытом кабинете, когда никто не видит, — девушка легко улыбнулась и бросила на доктора короткий взгляд. — Я боялась, что вы в самом деле получили увечье, вынуждающее вас носить маску.

— В какой-то мере получил, — ну, если уж приходится носить бесполезную штуковину только ради сокрытия лица, то в последнее время Бернадт думал, что проще было отпустить усы и бороду и сломать нос. Это было бы гуманнее.

В дверь постучали, и доктор нацепил маску снова. Служанка внесла чай и стала греметь чашками.

Тут было ничем не лучше, чем в доме Томаса, слуги тоже развлекались сплетнями и обсуждением биографии господ: неудивительно, что Агнесса заметила у доктора такой 'загнанный взгляд', ведь носить маску постоянно ему не хотелось. Хотя в последнее время их

внимание переключилось на Бекку, с обсуждением всех нелепостей, курьезов и ошибок, перебиванием косточек и едкими комментариями, передававшимися исключительно сверху вниз или снизу вверх по этой домашней карьерной лестнице, что царила в любом особняке.

Доктор промолвил пару фраз про хорошую погоду, хотя вот уже второй день весенние дожди заливали округу, и про чудесный дом, про доброту и скромность семьи Бернс, дожидаясь, пока служанка скроется с глаз.

— Я не буду спрашивать вас о вашем деле, доктор Штейн, — сказала девушка, когда служанка ушла. — Просто знайте, что я готова помочь вам, особенно, когда у вас появится возможность вернуться к своему имени и на свое место, — Айгнейс поднялась. — Простите, мне пора возвращаться.

* * *

Прошла еще неделя мучительной подготовки к ужину. Всплывали все новые и новые проблемы, такие, как не доставленная часть продуктов, или отсутствие столового серебра (его чета Бернсов вовсе не собиралась предоставлять), и прочее и прочее.

Бекка и Том со всем по большей части справлялись, женщина, хоть и имела проблемы с письмом — считала отлично, бедность научила, так что за бюджет они не вышли.

Случались и разные казусы и скандалы, но они не выходили дальше кабинета, в котором совещались дворецкий с хозяйкой.

— Ты пишешь как эпилептик в припадке! Это никуда не годится.

— Почему я должна писать приглашения? Пиши сам это дерьмо!

— Успокойся и пиши заново, Бекка.

— Катись к дьяволу со своими карточками, — чернильница летит в открытое окно.

— Бекка, долбаная ведьма! — Том берет себя в руки и бежит под дождь искать хозяйскую чернильницу.

Но сейчас все было позади: стол сверкал безупречной сервировкой; пах свежими цветами, под цвет платья хозяйки; из проигрывателя, позаимствованного Томом из того же ресторана, лилась тихая мелодия. Гости хвалили угощения и восхищались известным поваром.

— Ребекка, вы неплохо потрудились, учитывая рекордные сроки, — оценила ужин миссис Бернс, а Бекка только силой сдержала вздох облегчения, хотя следующая фраза пожилой леди заставила ее снова напрячься. — Но серебро, дорогая моя... Я недавно заказала отличный состав для чистки, я посоветую его вам.

— Я буду вам очень благодарна, миссис Бернс.

— Вы читали статью о том, что мистер Ошиан перевел свою фабрику на полную автоматизацию? — сказал барон Кингсли. — Автоматоны, конечно, далеки от экстра-класса, но предлагаю выпить за старину Ошиана!

Все подняли бокалы.

— Простите, а как же его рабочие? — вот от этого вопроса, покинувшего уста Ребекки, стоило задержать дыхание Бернاردту. — Им выплатили компенсацию?

— Ну, в газетах этого, мисс Кавендиш, не пишут, — поморщился Кингсли, — но я в курсе дел. Конечно, покупка такого количества автоматов прилично подорвала бюджет завода, и компенсации будут задержаны.

— Бедные люди.

— Это прогресс, мисс, он неизбежен, — барон поставил опустевший бокал на стол.

— А так как круг гостей сегодня весьма узок, позволю себе отметить, что Ошиан из тех людей, которые склонны проверять все на деле. Это я к тому досадному факту, что члены научного общества больше любят ходить по операм, чем сидеть в своих мастерских.

— Прогресс должен проверяться не увеличением благ у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет мало средств?

— Мисс Кавендиш, — Кингсли изо всех сил старался сохранять снисходительную улыбку на губах. — Никто не запрещает рабочим переучиться и делать работу, достойную не автоматов, а людей.

— Конечно, — женщина ухмыльнулась. — Только это немного сложно, когда ты остаешься без куска хлеба, с голодной семьей, и тебе уже за пятьдесят.

— Ребекка... Дорогая, ты преувеличиваешь, — прошипел Бернардт. Он готов был взвыть, лучше бы она просто залезла на стол и станцевала, эффект наверняка был бы таким же. — Прошу прощения за мою невесту, она плохо разбирается в деловых вопросах, а чувствительная натура заставляет слишком беспокоиться за все на свете. Хоть в статье указаны и минусы такого полного замещения. У Ошиана, насколько я знаю, есть конвейеры, на которых автоматы еще не проверялись...

Бернардт попытался смягчить слова Бекки. Если бы этикет не предусматривал сидеть на разных концах стола, он бы жестом остановил ее еще в начале препирательств.

К счастью, неудобный поворот разговора быстро забылся, и беседа перешла на рассказы об охоте и на анекдоты. В этой стихии, если не в глазах дам, то в глазах мужчин, Бекка выправила свое положение. Она смеялась над шутками гостей, задавала вопросы и казалась весьма оживленной. Дамы тушевались, не рискуя выйти на ее уровень беседы, но и не позволяя себе совсем уж надменных лиц. А глаза мужской части гостей часто освещались огоньком при взгляде на веселую хозяйку, одному Богу известно, что они думали, смотря на ее белые зубы, хитрые глаза, слушая ее смех.

После ужина все перебрались в залу, отдохнуть от угощений, беседа затянула всех, поэтому решили не устраивать дополнительных увеселений.

— Этот прием напомнил мне некую интересную историческую справку, коей поделилась моя хорошая подруга, чей супруг спонсирует Музей Истории, — миссис Бернс, откинувшись на спинку небольшого диванчика, курила, держа длинный мундштук в тонкой руке. — Она рассказывала мне о гетерах. Конечно, все мы знаем о том, как можно назвать этих гетер в обществе чуть менее образованном, чем наше. Но были из них и особы, добивавшиеся больших успехов и социального положения. Они часто приглашались богатыми господами на ужины, для ведения бесед и услаждения их глаз. Уже куда позже дамы такого толка могли иметь целые поместья, быть окруженными знатью и роскошью. Их приемы сравнивали с творческими вечерами. Айгнейс, прикрыла лицо веером, в ее глазах притаился ужас, она отлично поняла, что этим сравнением ее мать вовсе не собиралась подчеркнуть красоту приема. Поняла и Ребекка. Смутились и какие-то другие гости, а барон Кингсли вдруг громко сообщил, что мисс Кавендиш действительно достойна роскошного поместья и толпы поклонников.

— К счастью, у Ребекки уже есть жених, и лишние поклонники ей совсем не нужны, — сказал Бернардт.

Ребекка знала этот тон доктора. Это был тон опасного человека, злобного,

мстительного, той самой натуры, что появилась в докторе после похищения. Да и взгляд его мгновенно перестал напоминать затравленный, заменившись колким, совершенно не подходящим тому человеку, которого разыгрывал Бернардит все это время. Мисс Бернс нанесла оскорбление, а Кингсли сказал нечто, что утвердило его.

Гости разъехались, обеденная зала зазвенела посудой, засновали по лестницам слуги. Бекка ушла в комнату почти сразу же, как за дверью скрылся последний гость. Она курила в открытое окно своей комнаты, на улице лупил размокшую землю ливень. Женщина уже больше месяца не позволяла себе сигарет и выпивки, но сейчас было слишком сложно удержаться.

— Ну и что это было?! — Бернардит ворвался в комнату как вихрь. Стянул маску, с размаху кинув ее на пол, грохнул дверью. — Всего один вечер надо было вести себя по правилам. Я же не таскал тебя по другим мероприятиям, неужели сложно было продержаться всего один вечер?!

— Может, оставишь разборки до завтра? — Бекка не повернулась к мужчине, только отерла рукой слезы со щек и глубоко затянулась. Ни говорить, ни ссориться ей не хотелось.

— Может, вообще забудем об этом? Эта старая карга Бернс права, ты вела себя как куртизанка! Я могу понять, что тебе скучно, и у тебя есть собственное мнение по каждому вопросу, но если сейчас к этому относятся как к очаровательной привычке новенькой красотики, то скоро к тебе привыкнут и раздуют таких слухов, что намек этой Бернс будет звучать совсем в другой тональности!

— Не будет никакого 'потом', - Бекка оставалась спокойной, или, точнее, подавленной. — Знаешь, всех этих девиц с рождения учили держать спину, не раскрывать рот и прочее. Я жила без этого, меня кинули в этот чертов мир, как новорожденного щенка в воду. И, пожалуйста, либо тони, либо выплывай. Я последнее время только и слышу нападки, ни одного хорошего слова! Но я устала, я готова сойти с ума! Я не такая, слова у меня не такие. И даже, вот черт, серебро темное! А ты знаешь, что мы с Томом терли его две ночи кряду, чтобы ни гости, ни слуги не удивлялись, откуда у уважаемого барона появилось такое старье?

— Да я знаю, кто ты, ты постоянно оправдываешься этим, как я могу не знать?! Ты молодец, ты все сделала как надо с этим ужином, но неужели сложно просто вести себя скромнее? От тебя не требовалось ничего такого, с чем бы ты не могла справиться! — почему-то Бернардит совсем не жалел ее. Ни капельки.

Доктор замолчал, пытаясь найти причину своей звонкой ярости.

— Мне нечего сказать, — ответила Бекка. — Все идет не так, с этим делом, расследованием, со мной. Я скатилась до какой-то дурацкой роли, где призвана обслуживать тебя и твои идеи, и при том не отвечивать. Я просто твоя тень, не интересна себе, тебе и окружающим. Это не моя жизнь.

— Это не так долго длится, Бекка. Прошло всего два месяца, — заметил Бернардит, и это уже не говоря о том, что он прекрасно вел себя на заводе несколько месяцев подряд, а тут Ребекка то и дело жалеет себя. — Так может, тебе вообще стоило отказаться выводить этих людей на чистую воду? Как насчет этого? Ты три недели назад говорила, что все придумываешь, а я просто стою на заднем плане. И вот я вышел на первый, и ты снова недовольна. Что мне сделать, Ребекка? Мне начать делать твою жизнь прекрасной немедленно, или все же продолжим дело?

— Зато до этого ты заливал бренди свой стресс после любого выхода в свет! 'О, как я к этому непривычен, Бекка, мне надо отойти!' — женщина скривилась, изображая доктора.

— Да потому, что, раскройся моя личность, и люди, что доставили тебе маску Патрика, точно так же доставят тебе и мою голову. А эта Агнесса меня опознала. Она приходила сюда и, слава господу, обещала молчать. Смерть — достаточная причина для стресса? — воскликнул Бернадт. Ребекка была невыносима. Он в два шага почти подпрыгнул к женщине и встряхнул ее за плечи. — А если я умру, что с тобою будет, ты думала?

Бекка резко отступила назад ненамного, дальше не позволял подоконник открытого окна.

— Я не та женщина, которая не сможет о себе позаботиться. И если уж я стану трястись за твою жизнь, то вовсе не руководствуясь тем, что станется со мной без тебя, — прошипела она.

Ссоры — это всегда казалось странным Бекке. Вечно вырывались не те слова, которые подсказывал разум или сердце, рот произносил совсем другое, противоположное, искаженное.

— Просто скажи, что я не твоего формата, что я балласт и неумеха, и что сам уже не помнишь, почему вбил в себе голову, что придется обо мне заботиться.

— Не надо извращать мои слова настолько! — мужчина глубоко вздохнул, взял себя в руки, подошел к брошенной маске и подобрал ее. Слова его были тихими:

— Ты чудесная, я тебя ценю. Уверен, что тебе нет равных на всем свете, ты красива, умна, проницательна. Но соберись. Ты можешь раскрыть нас обоих, поставить обе наши жизни под угрозу своим нетерпением и несдержанностью. Это все, что я хотел сказать. Бекка прикрыла глаза.

— А что будет потом, Бернадт? Когда мы закончим дело? Хотя в это я почти уже не верю, — она замерла у окна.

Она тянула с этим вопросом как могла, потому что после этого 'потом' представлялась пустота. Сейчас выглядела жалко. Единственное, как можно было представить эту женщину с искаленным телом и жизнью рядом с уважаемым доктором Штейном, так только в роли его пациентки или случайной женщины на ночь. Под глазами ее залегли тени, а взгляд потускнел.

Скорбь и досада проложили по росчерку у рта, а губы сомкнула обида.

— Ну, если у нас это 'потом' будет. Может, уедем на мою историческую родину к пиву и сарделькам, хотя там вроде вешают протестантов... — Бернадт нахмурился.

Потом поцеловал Бекку в висок и вышел, сказав, что они продолжают беседу завтра. Он не хотел давать Бекке ложную надежду на что-либо, как, впрочем, он не давал ее и себе.

Буквально через несколько минут, как за доктором закрылась дверь, в комнату к Бекке тихо поскреблись. Потом еще раз. Потом ручка мягко провернулась, впустив в комнату Сэла. Убийца был вынужден привести себя в божеский вид, он стал совершенно другим человеком, обаятельным и даже милым.

— Мисс Бекка, есть разговор к тебе. По поводу нашего дела.

— Проходи, — Бекка закрыла окно, села за столик, уронив на руки голову. Решительно хотелось выпить. — Что там?

— Вы с доком поцапались? — Сэл приподнял бровь, да и вообще перекошил лицо так, что оставалось только удивляться, как ему удавалось держать свои эмоции в узде, когда он находился среди слуг и на званом вечере.

Хотя слуги уже шептались насчет него, он их и пугал и завораживал одновременно. Уж очень строго относился к обязанностям первого лакея и появлялся из ниоткуда, чтобы сказать, как сделать что-то правильно. Но вот по поводу дока и Бекки он спросил из вежливости, женщина уже заметила, что он много чего делает из вежливости, в том числе и уточняет очевидное.

— Я слышал ненароком, мисс Бекка, твою беседу с ним. Вот что... — он опустился в кресло мягким тягучим движением и достал знакомый женщине предмет — деталь, которую она так и не продала. — Эта вещь дорого стоит. И хранить ее опасно. Продав ее, ты получишь деньги и свободу, а я выслежу окончательного владельца этой штучки.

— Сэл, какого черта ты постоянно греешь уши? — Бекка поднялась и выхватила у убийцы деталь. — Как ты, точнее, зачем ты вытащил ее у Бернарда?

Она сама не раз думала о том, чтобы продать деталь. Признаться даже, звонила покупателю, тот ждал только ее согласия. Она бы тянула еще, но знала, что у них практически кончились деньги. К тому же еще вчера плата за деталь поступила на нужный счет. Оставалось только передать товар и забрать чек.

— О, мисс Бекка, какие правильные вопросы. Bravo, — Сэл даже похлопал освободившимися руками. И хитро ухмыльнулся, чтобы точно показать, насколько восхищается Беккой. — Прислуга ложится через полчаса, подъем у них на рассвете, если поторопимся, то успеем. И возьми запасную одежду, там мокро. Открой окно, я поставлю к нему лестницу, и тогда спускайся.

Бекка быстро сменила праздничное платье на то старье, что обычно надевала для поездок в Ист-энд. Тихо заглянула в комнату спящего Бернарда, чтобы взять немного денег на транспорт и снять с себя украшения, а то, не приведи Господь, что-то случится. Она вернулась в комнату и спустилась по подставленной к окну лестнице.

— Деталь нужно доставить в двадцать пятую ячейку камеры хранения на вокзале, мисс Бекка. И, надеюсь, ты умеешь ездить верхом? — запоздало поинтересовался мужчина, бесшумно двигаясь по мокрому саду в абсолютной темноте, ведя за собой за руку Бекку. — Я вернусь в дом, проверю, чтобы нашего отсутствия не заметили. Ты должна уйти до пол пятого, после этого там появятся те, кто заберет деталь. Тебе ясно, мисс Бекка?

— Да, — Бекка надежно спрятала деталь в сумку, которую закрепила на поясе. — Сэл, как править лошадью?

— Ты все же не знаешь... Ладно, не думаю, что с этим возникнут проблемы, — он подвел ее к воротам поместья, там к изгороди была привязана меланхоличная кобылка, которая пыталась обжевать бревно своей импровизированной коновязи. — Не дергай ее за повод. Она смиренная и довезет тебя до вокзала, а потом обратно. Давай, мисс Бекка.

Сэл знал, что сейчас ведет себя недостойно, мама бы его отругала за такое, если бы была жива. Он сказал Бекке неправильное время. В конце концов, док должен остаться только с ним, да и дурацкую прислугу уже надоело изображать.

Бекка ехала мучительно долго, как ей показалось. Страшно ли было ехать одной, впервые на лошади, через безлюдное поле и по ночным улицам? Нет, бывали в ее жизни задания и пострашнее.

Но на вокзале ждало разочарование. В этой самой двадцать пятой ячейке была записка, где указывалось другое место для передачи детали. Женщина растерялась, но все же решила действовать согласно написанному. Она запомнила дорогу и вернула листок бумаги на

место.

— Где она? — спросил Бернардт.

Сэл прокрался обратно в спальню Бекки и как раз писал записку доктору от ее лица. Он совершенно не ожидал, что док, так крепко спавший, вдруг проснется и наведается в спальню девушки.

— Где она, Сэл? Почему ты в ее комнате? Как давно она ушла?

Сэл промолчал, отступил к окну, но слова доктора его остановили.

— Я найду тебя, Сэл. И ты знаешь, что будет, — угрожающе проговорил Бернардт, стараясь не выказывать паники. — Помнишь ту ночь с госпожой Клок? Та кошка, которую держал твой отец... — доктор подошел к Сэлу совсем близко. — Где Бекка, Сэл?

— Она поехала продавать деталь, док. Ей нужны деньги, — о, врать Сэл не мог. Только не этому человеку. Посреди горла вставал ком, мешал выплеснуться лжи. — Вы поссорились, и ей нужны были деньги. Я дал ей деталь.

— Ты украл деталь и отправил ее без прикрытия? Чтобы она не мешалась под ногами? Разве я не требовал быть с ней хорошим?

Сейчас даже смотреть на доктора было страшно, Сэл ощутимо вздрогнул. Он нащупал молоток рукой, он с ним не расставался даже во сне, но Бернардт почувствовал напряжение и снизил напор:

— Просто скажи, куда ты ее послал.

— Вокзал. Двадцать пятая ячейка камеры хранения. Там лежит другой адрес. Я... я не знаю... я не знаю, док. Что мне сделать? Я не помню, ты заставил меня забыть, — псих сгорбился, весь усох, опустил руки по бокам и закачался из стороны в сторону.

— Ты будешь хорошим и достанешь мне быструю лошадь прямо сейчас. Ясно? — доктор медленно коснулся плеча Сэла. — И себе достанешь лошадь, потому что если с Беккой что-то случится, ты будешь об этом очень сожалеть. Очень.

Лошадь в конюшне осталась только одна, Бернардту пришлось оставить Сэла и поехать самому. Он молился, чтобы с Беккой все было нормально. Лучше, чтобы лошадь девушки взбесилась и ускакала в лес, или чтобы чертова деталь потерялась по дороге, или чтобы Бекка заснула в седле или не пошла по второму адресу.

Он дал Сэлу строгое указание любыми путями попасть в город и помочь девушке, если придется. Удивительно, насколько сговорчивым оказался псих под угрозами познакомиться поближе сразу с пятью представителями кошачьего племени.

Добравшись до вокзала, доктору пришлось сломать дверцу ячейки, чтобы взять адрес, но он все равно понимал, что категорически не успевает за Беккой.

Тем временем Ребекка спустилась в тоннель. Холодная застойная вода доходила ей до колен. Тусклое освещение нервно мерцало, напряжения добавлял треск электрических ламп. Бекка поняла, что этот тоннель — один из переплетений метрополитена. После завода ей почти не было страшно, только холодно.

Через десять минут Ребекка выкарабкалась на какую-то платформу, задержалась, чтобы выжать юбку, пропитанную вонючей водой. Пошла дальше, как было указано в записке. Деталь следовало вложить в механизм, который она найдет в последнем коридоре, там же будет и подтверждение чека.

— Бекка! — женщина услышала голос доктора с той стороны, откуда пришла.

Плеск и чертыханья, потом он и сам появился из-за угла. Нелепый, взъерошенный, обезумевший. Вздох облегчения покинул его губы, как только он увидел ее. С Сэла сталось бы устроить совершенно нелепую смерть, но такую естественную для кого угодно. Возможно, он и в самом деле все это время был чересчур добрым и хорошим по отношению к Бекке, раз ничего так и не случилось.

— Слава богу! Стой. Мы возвращаемся, — сказал Бернардт, справляясь с дыханием.

— А как же деньги? У нас ничего не осталось. Дом Бернсов высосет у нас последние гроши всего за неделю. Что мы будем тогда делать? — Бекка дошла до доктора, протянула ему руку, чтобы тот мог забраться на возвышение. — Выбора нет.

— Выкрутимся, съедем обратно на Пикадилли. Напишу Томасу. Впереди ловушка, Сэл хотел от тебя избавиться, — доктор все еще не мог отдышаться, выдыхал фразы порциями. Он кое-как забрался к Бекке, обнял ее, понимая, что даже не знал бы, что делать, если бы не успел. — Переназначим встречу. Выкрутимся.

— Хорошо, — Бекка обняла доктора в ответ. Конечно, женщина понимала, что проступок Сэла, обнаруженный доктором, вовсе значит, что психа с ними больше не будет. Доктор все равно от него не избавится.

— Дай мне деталь и возвращайся, — Бернардт понимал, что несет ерунду, но в словах Бекки был смысл, и он собирался рискнуть вместо нее. По звуку, а док стал очень хорошо прислушиваться, засады не было, хотя насчет ловушек он бы не поручился.

Впрочем, переубедить Бекку не идти с ним не удалось, он лишь добиться согласия держаться на расстоянии нескольких шагов и обещания в случае чего делать ноги.

— Вот же черт...

Путь кончился тупиком, к стене которого подходил длинный саквояж с углублением, и оно явно соответствовало детали. Очевидно, что, положив туда деталь, они получают так необходимый им чек, конструкция механизма вполне прослеживалась.

— Сейчас мы игнорируем строгий приказ Патрика никому не отдавать деталь. И мне это почти по душе, — доктор посмотрел на недоступный пока чек, рассмотрел число. И вставил деталь внутрь. И тут же упал.

Ему показалось, что он на чем-то поскользнулся, а потом рука отказалась слушаться, да еще в ушах зашумело.

— Отлично, вот упасть в мерзкую жижу — это как раз то, что мне надо... — проворчал он, а потом обратил внимание на то, как раскучено плечо. Была бы это Бекка, ей бы оторвало голову. Механизм выстрелил одним зарядом и затих, открыв ящичек с чеком. Дока спасал пока болевой шок, но долго такое продолжаться не могло.

Бекка что-то крикнула, но сама себя не услышала. Женщина упала рядом с раненым доктором на колени, стянула с себя рукава, тонкий материал нижней рубашки подался легко и был относительно чист, в отличие от промокших насквозь юбок.

Она прижала ткань к ране, думая, что у них есть какое-то время, но оглушение уходило, и в звенящую тишину вплетались другие звуки — плеск шагов по воде.

— Бернардт, ты меня слышишь? — женщина то смотрела на доктора, то оглядывалась назад. — Приподнимись, я завяжу. Господи... — руки Бекки с трудом справлялись с узлами. — Револьвер с тобой? Бернардт?

— Если ты пытаешься что-то мне сказать, то я ничего не слышу. Даже себя. Я вообще говорю или просто шевелю губами? Кивни, если слышишь, — доктор был контужен,

чувствовал, как его 'ведет', но он все еще оставался в сознании, даже нашел силы встать. — Возьми чек, уходим. Ах да... на, — он вытянул оружие из кармана, подчиняясь жестам Бекки, и стал ждать. — Там кто-то есть, да? Если станет совсем кисло, бросай меня и уходи. Напишешь Томасу, он тебе обеспечит будущее, не хочу, чтобы ты снова подалась на улицы.

— Тихо-тихо, — Бекка поддержала мужчину, коснулась его губ рукой, показывая, что стоит помолчать, испачкала его же кровью. Убедившись, что доктор пока не собирается падать, женщина, встав сбоку от механизма, дулом пистолета вытащила чек, спрятала его в корсете.

Шаги приближались, идти назад было опасно, можно подставить спины. Выйти навстречу неизвестному еще страшнее. Бекка сделала несколько быстрых шагов, завернула за угол. Раздался выстрел и крик девушки — их доктор не мог не услышать, слишком пронзительными были. То, как из рук Бекки выпало оружие, а что-то массивное упало в воду, он уже не расслышал, оглушенный новыми выстрелами.

Несколько секунд, которые могли соперничать с целыми часами, и Бернарда снова поддержали знакомые руки.

— Как ты? Бернардт? — Бекка пыталась задать направление, чтобы они могли идти прочь из этого страшного места, но мужчина был слишком высок для нее и слишком неуверенно держался на ногах. — Мы пойдем другим путем, слышишь? Там сухо, наверняка есть выход. Как ты, Бернардт?

— Смешно сказать, но я учусь читать по губам. Вот что, едем к Бернсу, — здоровой рукой Бернардт придерживался за стену. — Ты должна доставить меня и уйти. Он не бросит на пороге своего дома умирающего коллегу, иначе, я надеюсь, ему будет очень-очень стыдно, — Бернардт анализировал ситуацию, пока еще мог, и наконец, чувствовал удовлетворение от сложившейся ситуации, а может, прилив адреналина в мозг диктовал какую-то чушь. — Покалывание пока не началось, а значит, болевой шок еще действует. Плохо, что кружится голова от потери крови. Нам надо идти быстрее. Я доберусь до выхода, подгони лошадь прямо к люку и скинь какую-нибудь веревку, если я вдруг не смогу подняться по лестнице сам. Давай, я пока буду ползти в нужную сторону за тобой.

— Я не брошу тебя, — Бекка уже не слушала доктора.

Вновь затрещала ткань, уже более плотная — от верха платья, ею женщина снова перевязала рану поверх уже пропитавшихся лоскутов. Она долго искала лестницу и Бекка успела порадоваться, что не бросила Бернарда. Он бы свалился на половине пути, не смог бы перелезть через кучу чугунных брусьев или сломать невысокое ограждение.

Но они все же вышли наружу. Бекка усадила доктора на скамью и принялась ловить хоть какую-то повозку, совершенно забыв, что кроме мокрых юбок на ней только корсет в крови и в лоскуты изорванная рубашка.

Одна из карет затормозила, недовольный кучер плюнул в сторону девушки:

— Думаешь, я повезу пьяницу и шлюшку? Пошла прочь, безумная!

— Заткнись, ублюдок. Слезай, поможешь мне погрузить его в карету, — деньги, мелькнувшие в руке девушки, заставили кучера, выругавшись, спуститься с козел.

— Твою мать, это ж кровь!

— Живо поезжай. Харли-стрит, 22, - Бекка захлопнула дверцу, и карета тронулась. — Бернардт?

— Да, я слышу и скоро начну орать. Уже колет, значит, скоро я потеряю сознание от боли, ну, после того, как наорусь. Увидишь Сэла, выстрели ему в плечо и передай от меня

привет.

Доктор все еще пытался шутить, хотя уже почти ничего не видел. В глазах начала мелькать цветная карусель. Он не хотел волновать Бекку, хотел заставить ее поверить, что с ним все будет нормально, хотя ничего нормального в этом не было даже отдаленно.

— И дай в левый глаз Томасу, я ему уже десять лет должен это. А-а-а-а! Ох, ты ж гребаный сын дьяволицы, ты специально собираешь... все бульжникиииии!

Доктор не смог удержаться и дернулся, свернувшись клубком, прижимая здоровой рукой к телу больную покрепче. Карета и лондонские бульжники добавляли боли.

— Поосторожнее на поворотах! — Бекка ударила ногой по стенке, и кучер подпрыгнул на козлах от неожиданности.

Они подъехали к дому хирурга.

— Открывай!

Какой-то парень открыл двери, на секунду замер с удивлением и испугом, и Бекка опередила его 'кто вы?!'.

— Быстро позови хозяина! Мы из королевского общества. Скажи ему лично, что у него на пороге раненый доктор Штейн. И пришли мне помощь!

К моменту, как спустился Бернс, Бернардт уже просто скулил от боли и прилагал максимум усилий, чтобы не отключиться, возможно, навсегда.

— Господи, мисс Кавендиш! И Штейн! Ты же пропал без вести, наглый ты студентка... — Бернс повел себя с Бернардтом так, будто знал его уже сто лет. Пожилой доктор быстро взялся за дело, приговаривая: — Ну, ничего, теперь я смогу тебе наглядно показать, как ты был неправ по поводу оперирования мышц. На моих лекциях спорить со мной, ишь, чего удумал... Ребекка, не мешайтесь. Попросите слуг налить вам чаю, что ли...

Хоть доктор Эрик Бернс и говорил довольно много, но руки его уже летали над пациентом, изучая характер повреждений. Он задал несколько вопросов Бернардту и смог получить даже какие-то ответы, потом сделал несколько уколов и наложил жгут. Он встал, повернулся к Бекке, успокаивающе ей улыбаясь:

— Ну-ну, Ребекка. Мы перевезем его в больницу, и я лично займусь операцией, хотя чего-то обещать не стану. Он потерял много крови, да еще рана ужасно загрязнена. Поедете с ним или останетесь здесь... и приведете себя в порядок? — он только сейчас заметил, насколько неприлично выглядит девушка, и хмыкнул в задумчивости.

— Я поеду, даже не делайте попыток меня спровадить, — Бекка прикрыла каким-то обрывком ткани плечи, тот даже прилип благодаря крови. — Доктор Бернс, мы бы пока не хотели открывать свои личности...

— А я бы не хотел оперировать такое ранение там, где нет для этого условий, — фыркнул Бернс.

Один парень из прислуги подал девушке сменную одежду служанки, видимо, домоправительница позаботилась.

Потом улыбка триумфатора все же появилась на лице Бернса, он смилостивился:

— Операцию мы проведем в клинике инкогнито, или вы думаете, кем я являюсь? Да и с открытием личности, знаете ли...

Расстояние до клиники оказалось небольшим, но эти семь минут пути сделались целой вечностью для Ребекки. Бернардт тихо сопел, будто ничего и не случилось, находясь под действием анальгетиков. Операционная уже была подготовлена, заметались медсестры, пришел еще один хирург, чтобы ассистировать. Бекку отстранили и окончательно забыли о

ней на четыре часа, предоставив самой себе.

Потом вышел Бернс, устало вытирая лоб, стягивая с себя халат:

— Ну-с, мисс Кавендиш, если это в самом деле ваша фамилия, попрошу к себе в кабинет. Завтра станет ясно, насколько операция успешна.

— Завтра? А кто сейчас с Бернардом? — Ребекка огляделась, будто искала пути отступления. На самом деле, после того как исчезла нужда действовать, она сама погрузилась в тихий шок. Просьба вышла почти мольбой, — можно, сейчас я просто посижу там, а потом мы вместе вам все расскажем?

— Полагаю, он не расскажет мне ничего довольно долгое время, — сказал доктор Бернс и быстро добавил совсем побелевшей Бекке, — серьезная рана. Мы вытащили дробь, зашили, что могли, так что функции руки восстановятся, но рана была грязной... В лучшем случае пойдет небольшое воспаление, возможно лихорадка, в худшем — гангрена. Придете к мистеру Штейну, когда его определят в палату, сейчас вы только будете мешать.

Он махнул рукой и пошел по коридору вперед, приглашая за собой. Уже потом, откинувшись в роскошном кожаном кресле, он налил Бекке янтарного яблочного бренди столько же, сколько и себе.

— Вы не представляете, как миссис Бернс меня упрекает, когда я провожу ночь вне дома... Расскажите мне все, что сможете, а потом посмотрим.

— Да, это правильно, — Бекка кивнула. После она заняла себя разными делами, уборкой со стола, в ванной. Хотелось снова почувствовать, что эта квартира их дом, однако последние события как будто осквернили их убежище.

* * *

Сотрудничество с Кингсли было не так ужасно, как рисовалось поначалу. Пока это выглядело, как самая обыкновенная работа, в любом случае, не было в ней ничего сложного для Бернарда, привыкшего к организаторской деятельности.

Барон оказался хорошим руководителем, его гнета не чувствовалось, но, тем не менее, он все контролировал. Кингсли детально делился всем, что относилось к производству или идеям, но очень скупой тем, что касалось разных людей, вовлеченных в дело. Так же не было никаких документов, подтверждающих наличие тайного производства, и списков членов объединения. Но некоторых Бернардт уже знал, Бекка почти не ошиблась в подозреваемых — лорд Нольвенн, охотник Джори Трёвер, пожилой артиллерист. Кингсли еще поговаривал, что сам епископ поощряет их деятельность.

Никуда не делась и игра в благородное общество и светские встречи — для окружающих все должно было оставаться неизменным.

Сейчас стало совсем жарко — весна перевалила за середину и чаще баловала солнечными днями, нежели грозами. Устроили охоту для джентльменов и пикник для дам. Это событие превратило большие владения в обустроенный парк с разноцветными шатрами, лавочками и прочими мелочами, обеспечивающими комфорт отдыхающим.

Ребекка теперь удовлетворяла представление о благородной даме — меланхолична, отрешена от суеты. Она чаще сидела с книгами, хотя глаза ее смотрели сквозь страницы. Вот и сейчас, оставив общество дам, она отдыхала на скамье, в тени под большим зонтом. Какой-то юнец, привлеченный легкой дамской грустью, усевшись на почтительном расстоянии,

пытался сделать с Бекки набросок.

Цепочка случайностей снова свела Бернардта с Айгнейс Бернс.

— Как ваша рука, мистер Шрайбер? Вы собираетесь участвовать в охоте? — Айгнейс гладила лошадей. Девушка кинула тревожный взгляд на сидящую поодаль невесту барона. — Мисс Кавендиш так подкосило ваше ранение...

— Да, остается лишь надеяться, что она скоро придет в себя, — Бернардт оглянулся на Бекку.

Он удивлялся, что она перестала быть похожей на себя. Это даже начало тяготить, как обуза на шее. Он не мог переносить ее меланхолию долго, постоянно чувствовал себя виноватым, и они почти не беседовали больше.

— Моя рука почти нормально, — добавил он, — конечно мелкая моторика будет восстанавливаться довольно долго, но я надеюсь разработать руку до прежнего состояния. А вы, мисс Бернс, как поживаете? Надеюсь, у вас не было из-за меня неприятностей?

— Отец пылинки с меня сдувает, — Айгнейс улыбнулась. — Так что на мне никак не отразилось ваше разоблачение. Хотя вряд ли он был бы рад нашему общению, — девушку интересовало, как обстоят дела с расследованием Бернардта, но здесь вести этот разговор было небезопасно. — Но я искренне надеюсь, что больше с вами не случится подобного.

Мисс Бернс, конечно же, имела в виду ранение, о том, что Бекку пытали, она знать не могла. Да и Бекка так и не смогла заставить себя рассказать Бернардту о том, что с ней делали, не говоря о том, что не могла и помыслить раздеться в присутствии мужчины.

— Я сам искренне надеюсь на это, — улыбнулся девушке доктор. Его немного нервировала светская болтовня, да и вообще он так и не полюбил выходы в свет, хотя мог поддержать беседу о погоде, о культуре, иногда выслушать осторожные мнения о разных людях. Ничего личного, ничего тревожащего, будто одно сплошное счастливое болото. — Скажите, Агнесса, вам нравятся выходы в свет? Мне, грубому мужлану, нелегко найти в них прелесть. Сказать по правде, я всегда старался избегать их...

— Это моя единственная возможность общения, — Айгнейс пожалла плечами. — Выбирать не приходится. Конечно, это кажется мне ужасным суррогатом отношений, какие должны быть на самом деле между родственниками, друзьями и... — девушка осеклась. — Не хотите проехаться немного верхом? Конечно, оставлять Бекку было подло, но она опять впала в состояние, в котором никого не замечала, поэтому Бернардт все же согласился.

— Конечно. Честь для меня составить вам компанию.

* * *

Ну конечно, док был прав. Сэл поступил плохо, но из лучших побуждений. Он прикинул рост Бекки, и пуля влетела бы точно, да он бы мог зуб дать, что она даже не поняла бы, что случилось. Оппа, и уже в раю.

Конечно же, он не сомневался, что мисс Бекка попадет в рай. Как это часто случается с психопатами, особенно с социально опасными психопатами, Сэл относился к разным противоречивым вещам с самой что ни на есть детской беззаветной верой. Он верил в рай и ад. Но после пыток, он знал, Ребекка испытала много боли, наверняка ее душа омрачилась. Теперь в рай мисс Бекку не пустят.

— Мне стоит беречь спину, мисс Бекка, или я могу поговорить? — Сэл возник, как

всегда, неожиданно. — Уточняю, что на этот раз я не собираюсь пытаться причинить тебе вред. Даже наоборот, я скорее хочу рассказать кое-что о том человеке, о котором ты думаешь.

— Я думаю о Бернардте, а ты наверняка не о нем хотел поговорить, — Бекка прикрыла книгу, которую и так не читала. — Он, похоже, весьма доволен своей новой ролью афериста-предпринимателя. Что ж, психиатр из него все равно дерьмовый, — Бекка даже ухмыльнулась, она вовсе не была такой уж ушедшей в себя, как многие думали.

— Значит, Фитц будет вторым человеком, мисс Бекка, — Сэл коротко поклонился, чтобы окружающие видели, что он соблюдает правила приличия. Только разговор пошел совсем не на те темы, о которых говорят в приличном обществе. Он присел рядом: — Веришь ли ты мне, мисс Бекка, но я хочу помочь тебе. Мой папашка говорил, что если тебя раздражает муха, надо ее прихлопнуть. Я знаю все о твоей мухе, которая кружит по Лондону, и собираюсь предложить тебе... ну, я вижу, ты поняла.

— Да, я думала предложить тебе это же... Только, видишь ли, боюсь, что потом тоже начну шлепать разных мух без разбору. Но я не думаю, что ты хочешь мне помочь, скорее у тебя просто руки чешутся, — Бекка задумалась. Легко говорить о своих намереньях, так что стоило подумать, многое ли отличает ее от Сэла, или она уже перешла на ту сторону — к пациентам, которых доктор Штейн и не собирался лечить? — Но я не хочу для этой мухи случайной смерти... понимаешь?

— Понимаю, мисс Бекка. Моя Элли тоже думает так, — Бернардт уже говорил Бекке как-то, что Сэл зовет свой молоток Элли Купер в честь какой-то девушки, правда без. — Ты хочешь участвовать сама, мисс Бекка?

— Я буду присутствовать. В конце концов, и я, и Патрик немало помучились из-за него. Кто знает, быть может, если бы не Фитц, я бы уже нянчила ребенка в какой-нибудь глубинке, — Бекка иногда поражалась тому, какие доверительные отношения были у психа с Бернардтом, тут и вправду, в пору ревновать. — Чем же я тебе так мешала, Сэл?

— Док говорит, что это... ревность, которая проявляется у меня к нему, как к персонификации отца. Ты ж знаешь, мисс Бекка, я был привязан к своему папашке, — Сэл усмехнулся. Вообще, в образе слуги речь его преображалась в твердую, четко поставленную и уважительную, но стоило выйти из образа, как побеждала мимика и хриплый выговор городских низов. — Тогда поговорим, когда я поймаю твою муху, мисс Бекка.

— Хорошо. Я тут письмо написала, кинь его на почту, постарайся не прочитать по дороге, — женщина вручила Сэлу запечатанный конверт. — И, Сэл, сдается мне, что ни к чему тебе ревновать.

— Я постараюсь, мисс Бекка, что б ты там не думала, у меня есть уважение к личной жизни, — Сэл ухмыльнулся и как-то очень быстро затерялся в толпе гостей.

* * *

Меттью Белл сидел на старом скрипящем стуле и прихлебывал кофе. На кружке уже появился налет, коричневые кольца могли служить точным показателем того, сколько времени он проводит на работе. Да и щетина, еще несколько дней назад бывшая совсем короткой, постепенно превратилась в благообразную бородку. Он уже стал задумываться о том, чтобы ее не сбривать, тем более, что половина желаемой бородки уже отросла.

— Эй, Колокольчик, кто вел дело Эшеров? — крикнул ему старик Ник.

Меттью Белл поморщился. Он не любил свое прозвище. Когда-то давно он вел дело о краже серебряного колокола из кафедрального собора, да и фамилия совпала, так что вот уже пять лет его терзали морально, называя Меттью Колокольчиком, будто он не был старшим инспектором Скотланд-Ярда.

— Белл, Ник! Не зови меня Колокольчиком! Сколько раз я тебе говорил?! — рыкнул на наглую рожу старого инспектора Меттью, хотя знал, что это безрезультатно. Вот уже пять лет не приносит никакой пользы, это стало скорее привычкой, выработавшейся формой общения.

— Как скажешь, Колокольчик. А, нашел! — Ник ухромал в соседнюю клетушку, строчить отчет. А Меттью стал разбирать корреспонденцию.

Писем без обратного адреса, написанных мелким неаккуратным почерком, было уже пять. Не особо длинные, но порядком досаждающие — они служили напоминанием о деле, которое вот уже год как полиция не может раскрыть.

Поздней осенью все началось с кражи дорогих государственных автоматов. Потом нападение автоматов на людей, порченые детали, образцы, не подлежащие восстановлению, и куча нелепых случайных смертей. Выход на черный рынок поддельных деталей, которые как будто появлялись из ниоткуда и пропадали в никуда.

Неизвестный в своих письмах писал о производстве деталей с самых низов. Он называл себя курьером, делился, кому и как поставлял детали, правда, не называя имен изготовителей и не говоря ни слова о себе.

Сегодня курьер сообщил, что он стал ближе к голове этой организации. Обещал, что вот-вот назовет имена.

Проклиная энтузиаста, Меттью заставил себя подняться и пойти в архив. Огромная папка, набитая свидетельствами, фотографиями, заявлениями, какими-то побочными фактами, лишь сомнительно связанными с этим делом, служила подставкой под поколения чашек архивариуса, который мог найти все, что угодно, и каким-то особым чутьем почти всегда угадывал, какое дело подложить под очередную чашку, чтобы не пришлось долго искать. В этом Меттью видел древнее проклятие архивариуса. Стоило тому найти случайную папку и положить себе под кружку — дело обещало быть раскрытым.

Белл еще раз чертыхнулся, теперь ему точно светила работа, а значит, письма анонима и в самом деле не пустышка...

* * *

Мисс Бернс была неплохой наездницей, хотя и не ехала при Бернарде слишком быстро, а, доехав до озера, и вовсе спешила. В этой девушке имелась какая-то особенная благородная гордость, позволявшая ей сохранять свою породу, притом, что внешне она имела весьма мягкий и нежный вид. Эта же гордость давала ей спокойно и сдержанно общаться с мужчиной много старше ее, с тем, кому она призналась в своих чувствах.

— Какое же времяпрепровождение вам нравится, доктор Штейн? Вы ведь и раньше не часто появлялись в обществе.

— Я привык учиться и работать, Агнесса. У меня два образования, я знаю шесть языков, и до этого года избегал всех случаев, когда мои родственники пытались меня затянуть на

светские вечеринки, где всегда полно чьих-то племянниц, — доктор задумался, возможно, он переборщил с откровенностью. Стянул с лица дыхательную маску, чтобы немного насладиться свежим воздухом.

— Я знаю семь языков, была с отцом в Индии, Германии, еще нескольких странах. Да и библиотека моего отца — настоящее сокровище, — Айгнейс улыбалась, доктор Штейн ей нравился именно этим: своей серьезностью, отстраненностью и возрастом, всем тем, от чего бы Бекка стала скучать. — Вы действительно обручены с Ребеккой?

— Скорее я принимаю желаемое за действительность, — Бернадт улыбнулся девушке. Это был флирт, тут и думать не надо, и доктору он нравился. Флирт оказался той самой разрядкой для мозга и души, оба это понимали, разговор ни к чему не обязывал. — Но у нее, и правда, на пальце семейная реликвия. Вот чего я не пойму, вы прекрасная молодая леди, умная, тонкая, привлекательная. Как получилось, что вы все еще не замужем?

— Мне фатально не везет. Я уже дважды была помолвлена, один мой жених скончался после падения с лошади, а второй уехал во Францию и был убит в пути бандитами. Ну, и конечно есть множество тех, кого отвергла моя мать, — Айгнейс тоже улыбалась, хотя и немного грустно. — Вы, должно быть, все еще думаете, что сказанное мной в библиотеке было лишь способом вывести вас на чистую воду?

— Я не знаю, что и думать, Агнесса. Не представляю, как можно влюбиться в человека, которого знаешь только по фотографии. Вы нашли во мне хоть что-то, что представляли в том человеке на фотокарточке?

— Вы никогда не думали, что фантазировать и мечтать куда более приятно, чем соприкоснуться с объектом мечтаний в реальности? Но пока вы мне все еще нравитесь, — девушка засмеялась, она старалась держаться легко и весело, но для Бернадта, как психиатра, не скрылась вымученность ее слов. — В меня влюблялись, доктор Штейн, так влюблялись, что обещали не жить без меня, но я была холодна. Наверно, сейчас в нашей ситуации есть некая ирония судьбы.

— В мире все всегда не так, как нам хочется. Но так для вас даже лучше, Агнесса. Право, зачем вам безродный самозванец, еще один в коллекции погибших женихов... — это была какая-то злая шутка. Доктор не хотел омрачать разговор дальше. И потом, несмотря на свои манеры, он чувствовал желание продолжить разговор в другом русле, да о таком бы думал любой мужчина, если рядом стоит такая очаровательная особа, и снова говорит о том, что влюблена по уши.

— Я уверена, что с вами все будет хорошо, — Айгнейс оглянулась на озеро. Здесь было тихо, не слышен гул разговоров отдыхающих, лая собак, только плеск воды в озере под копытами лошади. Айгнейс перевела взгляд на доктора: — Признаться, я ни разу не была настолько наглой, настолько равнодушной к тому, что могут подумать о моем отсутствии, о моем поведении. Если бы не вы со своими масками и опасным делом, я бы чувствовала себя отчаянной, но на вашем фоне моя эскапада, конечно, бледнеет.

— Потрясен вашей смелостью, и не выдам вас даже под пыткой, — шаг вперед. Небольшой, чтобы оказаться ближе. Бернадт ухватил ручку Агнессы и, поднеся к губам, коснулся пальцев, опутанных кружевом перчатки.

— Сдается мне, что и тут мои проступки бледнеют по сравнению с тем фактом, что скрываю вас от остальных людей, — Айгнейс засмеялась, в ее смехе был вызов. Или призыв? Такой смех бывал у Бекки, стоило ей оказаться в центре мужского внимания. Хотя если вспоминать Бекку, для Бернадта она смеялась иначе, с почти дьявольской

притягательностью, однако, учитывая сдержанность Айгнейс, сейчас она смеялась тоже только для одного мужчины.

— А я понимаю, что многое упустил, когда не ходил на светские приемы в своей прошлой жизни, — сказал Бернадт.

Конечно, тогда бы он не стал гулять по городу с Беккой. В эту историю с автоматами он втянул себя сам самым глупым способом. И теперь было уже поздно пытаться выйти из нее с наименьшими потерями.

Больше книг на сайте - Knigolub.net